

КРИТИКА
идеологии и политики
антикоммунизма

Ю.И. Римаренко

**БУРЖУАЗНЫЙ
НАЦИОНАЛИЗМ
И КЛЕРИКАЛИЗМ**

ПОЛИТИЗДАТ
УКРАИНЫ

КРИТИКА
идеологии и политики
антикоммунизма

Ю. И. Римаренко

**БУРЖУАЗНЫЙ
НАЦИОНАЛИЗМ
И КЛЕРИКАЛИЗМ**

КИЕВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ УКРАИНЫ
1986

66.5
P51

Рецензенты:

А. С. Онищенко, член-корреспондент АН УССР,
М. И. Панчук, доктор исторических наук

Р $\frac{0302030900-152}{M201(04)-86}$ 31.86

© Политиздат Украины, 1986

Современный мир характеризуется небывалым по своей интенсивности и остроте противоборством двух противоположных мировоззрений, двух политических курсов — социализма и империализма. В то время как империализм оказывает ожесточенное сопротивление общественному прогрессу, пытается остановить ход истории, подорвать позиции социализма, взять социальный реванш во всемирном масштабе, социализм, — как отметил в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, — «возводит все более прочный заслон идеологии и политике войны и милитаризма, реакции и насилия, всем формам человеконенавистничества, активно содействует социальному прогрессу»¹.

В провозглашенной империалистической реакцией доктрине «тотального крестового похода против коммунизма» буржуазному национализму отводится особая роль. Стремясь ослабить интернациональную солидарность трудящихся, империализм разжигает и провоцирует национальный эгоизм, шовинизм и расизм, проповедует презрение к правам и интересам народов, их национально-культурному наследию. Национализм выступает в качестве стимулятора антидемократических и прежде всего антисоветских акций внутренней и международной политики империалистических государств, как идеологическая предпосылка подрывной деятельности, как средство борьбы против социального прогресса.

Диапазон «теоретических» построений буржуазных идеологов здесь велик — от гегемонизма до национально-автаркизма, от космополитизма до этноцентризма, от национального нигилизма до «сепаратистского национализма». Все они призваны воспрепятствовать размаху национально-освободительной борьбы, революционно-демократическим преобразованиям в развивающихся странах. Стратегическая задача буржуазной идеологии — нанести решающий удар по марксизму-ленинизму

именно в области теории и практики национальных отношений как сферы, якобы не поддающейся радикальным изменениям, изобразить сам национальный вопрос неразрешимым, взрывоопасным.

Поддержка национализма, а также все более активное использование религии в антикоммунистических целях — характерная тенденция буржуазной пропаганды на нынешнем этапе, отражающая установку империализма на размывание интернационалистско-патриотического сознания советских людей, инспирирование антисоциалистических проявлений, дестабилизацию государственного и общественного строя. Организаторы «психологической войны» стремятся использовать религиозный фактор для разжигания в странах социализма религиозно-националистических настроений. Пропагандистская империалистическая агрессия направлена на то, чтобы, используя религиозные настроения, подтолкнуть верующих к действиям против социалистического государства. Современные апологеты клерикализма именно с религиозных позиций обосновывают связь буржуазного национализма и клерикализма, дают национализму религиозное прикрытие, а религии — националистическое осмысление и содержание.

Все это настоятельно требует дальнейшего критического рассмотрения буржуазного национализма и клерикализма. В предлагаемой работе анализируется украинский буржуазный национализм и униатский клерикализм, международный сионизм и иудаистский клерикализм. В этих альянсах рельефно просматривается воплощение в жизнь концепций клерикального национализма, что выражает общую тенденцию в стане классового противника — тенденцию к идеологической интеграции, отражающей общность коренных интересов и целей, идеалов и ценностей буржуазии; сближение буржуазных концепций на почве борьбы против реального социализма и марксистско-ленинского учения под знаменем антикоммунизма.

В предлагаемой вниманию читателей книге автор критически анализирует концепции буржуазного национализма и клерикализма — «национального солидаризма», «теории элиты», «мессианизма», раскрывает их мировоззренческое единство, памятуя, что исследование контрреволюционной идеологии есть ключ к пониманию контрреволюционных действий.

Раздел I

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО БУРЖУАЗНОГО НАЦИОНАЛИЗМА И КЛЕРИКАЛИЗМА

В условиях, когда положение буржуазии становилось все более шатким под ударами организованного рабочего класса, она была вынуждена искать «социальные наркотики», которые могли бы отвлечь трудящихся от классово-вой борьбы. Апологеты эксплуататорского строя стремились подыскать новые концепции в противовес пролетарскому интернационализму. К подобного рода антиценностям и принадлежит клерикальный национализм, соединяющий в себе идеи национальной вражды и религиозной нетерпимости.

Наиболее легкий путь политического и религиозного разобщения трудящихся буржуазия видела и продолжает видеть в маскировке своих классовых интересов под национальные, в культивировании национальной вражды, расовой и религиозной нетерпимости. Она охотно взяла на вооружение пропаганду национальной или этнической исключительности и религиозного фанатизма. При этом подогревание национальных и религиозных предрассудков, формирование и закрепление в сознании своего народа негативных стереотипов представителей иных народов и «других вер» она легко соединила с антикоммунизмом¹.

Таким образом, клерикальный национализм явился результатом поиска буржуазией более гибких форм влияния на сознание верующих, на их национальные и патриотические чувства. Чем выше уровень религиозности людей, тем сильнее они убеждены в «истинности» своей религии, тем реальней возможность влияния на них клерикально-националистической пропаганды.

Поддерживая буржуазию в ее спекуляциях на национальных чувствах, церковь пыталась и пытается совме-

стить их с религиозными, сформулировав концепцию единства религии и народности. В этом духе действовала, в частности, на западноукраинских землях униатская церковь, которая организационно оформилась в конце XIX — начале XX вв. на основе решения самозванного Брестского собора (1596 г.). Будучи аванпостом католицизма на востоке Европы, она пыталась изобразить себя эдакой «родной национальной верой», прикрывая свою подрывную деятельность мнимыми симпатиями к украинскому народу.

В изданной буржуазно-националистическими авторами за рубежом в 1971 г. «Энциклопедии украиноведения» безапелляционно утверждается, что якобы Брестская уния служила и возрождению украинской нации и была «гарантией независимости от польской светской власти». Издающаяся в Мюнхене газета «Христианський голос», отстаивая идею «единства церкви и народа», писала в августе 1982 г. о какой-то «причинной связи» между христианизацией украинского народа и его формированием как нации. В свою очередь, эксплуатируя патриотические чувства трудящихся, паразитируя на национальных интересах, украинские буржуазные националисты также пытаются «доказать» свое «подлинно украинское», «подлинно народное» происхождение и сущность.

Концепция национализма в буржуазной идеологии стала важным средством манипуляции сознанием народных масс за счет декларативной компенсации социально-классовых ценностей иллюзорными «общенациональными». Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл писал по этому поводу: «Национализм стремится заражать своими взглядами все слои общества, он используется для «промывания мозгов», для того, чтобы ввести в заблуждение массы и мобилизовать их на поддержку самой реакционной антидемократической политики»².

Коварству националистических подделок под национальное, спекуляциям на принадлежности трудящихся к той или иной нации соответствовали аналогичные спекуляции клерикального толка на «родной вере» того или иного народа за счет эксплуатации религиозных чувств верующих. Национализму как «буржуазному обморочению» (В. И. Ленин) соответствовала клерикальная направленность религиозного одурманивания, проявляющегося в попытках притупить классовое сознание тру-

дящихся, примирить их с системой капиталистической эксплуатации, с буржуазным строем.

И если национализм пытался иллюзорно «компенсировать» социальное требование подделками под национальное, то религия выполняла функции спиритуалистической и культурной «компенсации» ограниченности индивидуальной и социальной жизни тех или иных народов.

Буржуазия пыталась и пытается прикрыть мерзости капиталистического общества, «ледяную воду эгоистического расчета» (К. Маркс) «национальными» и религиозными иллюзиями за счет эксплуатации экономической, политической и культурной отсталости народных масс. Церковники, как и буржуазная идеология в целом, писал В. И. Ленин, «только *прикрашивают узкую корысть и грубое насилие буржуазии; они только украшают фальшивыми цветами народные цепи; они только одурманивают народное сознание, мешая ему распознавать его настоящего врага*»³. При этом кажущаяся «тяга» национализма к национальному, стремление поставить знак равенства между понятиями «националистическое» и «национальное» проявлялись в показном возвеличении этнического, трактуемого как определяющая черта общественного развития. Тем самым преследовалась цель — увести трудящихся от понимания социально-классовых аспектов общественной жизни, значимости классовой борьбы как движущей силы социального развития, ориентировать их не на борьбу против господствующих классов, а на безысходную национальную грызню, мелкую национальную драку. «Либералу,— писал В. И. Ленин,— *не нравится, что основным вопросом считают борьбу пролетариата с буржуазией. Либералы стараются разжечь и раздуть национальную борьбу, чтобы отвлечь внимание от серьезных вопросов демократии и социализма*»⁴.

В свою очередь, мир своекорыстия, как подчеркивал К. Маркс, окружил себя формальными ритуалами религиозно-карикатурного плана, используя религию как своего рода «иллюзорное счастье», «опиум народа»⁵, дающий, по мнению В. И. Ленина, общую основу для утешения и оправдания. К такого рода формальным ритуалам националистического карикатурного плана относится, в частности, «классическая» догма буржуазии — «нация прежде всего!», ставшая разновидностью той духовной сивухи, которой потчевали трудящихся эксплуата-

торские классы с целью внушения иллюзий о тождестве интересов буржуазии и трудящихся масс.

Иными словами, буржуазия использовала и использует как национализм, так и религию как важное средство духовного порабощения, идейного разоружения пролетариата, одурачивания масс. В условиях, когда старые «классические» методы подавления трудящихся оказывались все менее эффективными, «капиталистам,— по словам В. И. Ленина,— приходится искать опоры в массах, а для этого надо организовать их под лозунгами клерикализма (черносотенства и религии), национал-шовинизма и т. д.»⁶. Это ленинское положение имеет важное методологическое значение в плане ответа на вопрос о подлинных причинах взаимосвязи национализма и религии, буржуазного национализма и клерикализма, служащих важным «защитным» средством сохранения наемного рабства. Буржуазия, исповедывающая национализм, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, фактически превратила священника в своего платного наемного работника⁷.

Буржуазный национализм и клерикализм, апеллируя то к нации, то к вере, выполняют общую функцию защиты социальных интересов буржуазии, своеобразного тормоза социального прогресса.

Социальные истоки национализма коренятся в самом характере капиталистического производства, разъединяющего и нравственно уродующего людей. «Национализм возник из необходимости для правящего класса защищать свою собственность,— указывал Гэс Холл.— Он стал тем методом, с помощью которого эксплуататоры пытаются заставить народные массы отождествлять их интересы с собственническими интересами правящего класса»⁸.

Буржуазный национализм является формой проявления буржуазной классовости, при которой осуществляется «такая политика национального обособления социальных сил по классовому признаку, которая неразрывно связана с разобщением этих сил по признаку национальному»⁹.

Национализм, как писал В. И. Ленин, превратился в конечном счете в прикрытие «национальной» идеологией империалистической политики. «Расчет националистов откровенен и бесстыден до последней степени. Они говорят пышные слова о «святой борьбе за независимость»

народов, а сами хладнокровнейшим образом играют жизнью миллионов, толкая народы на бойню ради прибылей кучки купцов и промышленников»¹⁰.

В свою очередь, церковь при капитализме также тесно связана с институтом частной собственности. Во-первых, потому что стихийная капиталистическая система хозяйства, непредсказуемость разорения мелкого собственника в ней, бесправность отдельной личности перед всевластием капитала создают условия для религиозных иллюзий, а значит, и для процветания религиозных организаций. Во-вторых, они были и есть капиталистическими собственниками, имели и имеют реальные вклады в промышленность, сферу услуг, недвижимость, принимали и принимают прямое участие в буржуазном ограблении народа.

В. И. Ленин поэтому рассматривал церковь как составной элемент всего института частной собственности, призванного обрабатывать массы. Он обращал внимание на «связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды»¹¹.

Пример тому — социальная направленность догм иудейского клерикализма, которая соответствует основополагающим доктринам сионизма. Последний оформился организационно именно как колонизаторское, тесно связанное с империалистическими кругами предприятие, потребности которого обслуживало международное объединение сионистов. Речь идет о создании в 1902 г. через 5 лет после возникновения Всемирной сионистской организации (ВСО) международного сионистского акционерного общества — Еврейского колониального треста, акции которого вскоре достигли 2 млн. фунтов стерлингов. Его пайщиками стали крупные финансовые дельцы ряда капиталистических стран. Иными словами, сионизм возник не как «национальное движение», о чем не перестают утверждать сионистские и иудейские «авторитеты», а как своеобразное капиталистическое предприятие. Деятель Коммунистической партии Израиля В. Эрлих в этой связи указывал: «...сионизм сформировался в тот период, когда уменьшилось влияние религии на народные массы. Он был создан для того, чтобы сохранить привязанность народных масс к еврейским капиталистам, когда религиозная связь была недостаточно сильной. В начале свое-

го пути сионизм развивался как светская организация, как бы заменяющая религию»¹².

Заявление миллионера Ротшильда — «...без меня сионисты не продвинулись бы ни на шаг, но и без сионистов мой труд остался бы на мертвой точке» — проясняет классовую сущность сионизма, отражающего попытку империалистической еврейской буржуазии восстановить духовный контроль над массами еврейской национальности, создать политический и финансовый резерв международного империализма. Если ВСО и «еврейский колониальный центр» стали новой организационной формой гетто для «единого еврейства», то сионистская идеология — новой формой духовного гетто, деля «по-братски» функции духовного насилия с иудейским клерикализмом.

В пастырских посланиях униатских иерархов, публикациях клерикальной периодики также оправдывался эксплуататорский строй, содержались призывы к смирению и покорности «своим» и «чужим» эксплуататорам. Не случайно в послании «О квестии (вопросе.— Ю. Р.) социальной» А. Шептицкий писал: «В наше время трудности (социальные.— Ю. Р.) столь возросли, а антагонизмы так расширились и стали настолько всеобщими, что из суммы этих трудностей и антагонизмов создано положение совершенно ненормальное»¹³.

Каков же тогда путь, по словам Шептицкого, «вывода человечества из хаоса»? Предлагалось переустройство общества на основе «христовой религии и католической этики», т. е. делались попытки увести поиск путей решения социальных проблем в плоскость бесплодных нравственных изысканий. Моральное совершенствование общества как радикальное средство его «гармонизации» и другие околоэтические упражнения униатского клира, как и католицизма в целом, лишь дезориентировали трудящихся, порождали у них иллюзию «реформы», какого-то «улучшения» капитализма, но не коренного переустройства общества на социалистических, т. е. подлинно гуманистических началах.

Религиозные нравственные нормы и установки закрепощали сознание трудящихся, одурманивали духовный мир человека, ограничивали творческие возможности личности, снижали ее социальную активность. Впрочем, подобную «миссию» осуществлял и буржуазный национализм, в частности сионизм. Как указывалось в секрет-

ном донесении Минского губернского жандармского управления (1902 г.), сионистские главари дали указание «не возбуждать рабочих ни против хозяев, ни против правительства», а апеллировать к «нравственным устоям последних»¹⁴. Словом, все делалось для того, чтобы отвлечь трудящихся от революционных действий.

Что же касается сионистских постулатов, то, как указывает чехословацкий исследователь Й. Скиданек, они вытекают «из политических целей крупного еврейского капитала, который, в свою очередь, является составной частью мировой империалистической буржуазии... Шовинистическая, расистская идеология сионизма представляет собой комплекс вымыслов, лжи»¹⁵. В конечном счете как украинский буржуазный национализм, так и сионизм зиждутся как бы на трех китах — лжи, лицемерии и угрозах. Причем ложь пронизывает все: и их идеологию, и политику, и практику.

Украинская буржуазия и ее мелкобуржуазные соратники всегда вели двойную игру. То они надевали маску «народовца», «демократа», рассуждая о полезности создания национальных учреждений, развития украинского языка и культуры, то разглагольствовали о тяготах национального ущемления, с тем чтобы настроить трудящихся против «чужих» народов, то витийствовали вокруг пресловутого «национального возрождения» и т. п. Все это делалось во имя того, чтобы подчинить массы своему влиянию, принудить трудящихся к сотрудничеству со «своей» буржуазией в интересах мифической «всеукраинской sprawy».

Однако ни национальное единство, ни тем более религиозное не могут устранить действительные причины социального зла, а национализм и религия не в состоянии скрыть или решить классово-антагонистические противоречия.

Буржуазный национализм и клерикализм преследуют общие цели — сохранение наемного рабства, социальных антагонизмов, дальнейшее разъединение людей по расовым, религиозным, моральным, наконец, по этническим признакам, вносят свою лепту на «алтарь» отчуждения человека от человека.

Если буржуазия достаточно поднаторела в том, чтобы гуманные принципы человеческого общения изгадить, испортить проклятой частной собственностью на средства производства¹⁶, то церковь предпринимала все для того,

чтобы «именем всевышнего» оправдать не только социальную несправедливость, но и национальный эгоизм, саму национальную дискриминацию. «Верхнее существо,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— должно... *обуздывать* эгоизм нации... путем его подтверждения и, вдобавок, *религиозного* подтверждения, т. е. путем признания его сверхчеловеческим и потому освобожденным от человеческой узды существом!»¹⁷.

Создав национальный вопрос, объявив его главным, тщательно запутав его подлинное содержание, в частности социальное, буржуазия никогда и не помышляла его решить, впрочем как и религиозную проблему. И в современных условиях не утратили своего значения принципиальные выводы В. И. Ленина о том, что ни религиозный, ни национальный вопрос не были решены до конца ни в одной из самых передовых стран мира¹⁸. «Полтора ста и двести пятьдесят лет тому назад обещали народам ...освободить человечество от средневековых привилегий, от неравенства женщины, от государственных преимуществ той или иной религии (или «идеи религии», «религиозности» вообще), от неравноправия национальностей. Обещали — и не выполнили. Не могли выполнить, ибо помешало «уважение» — — — к «священной частной собственности»¹⁹. Стремясь воздвигнуть национальные преграды развертывающимся классовым битвам пролетариата за счет разжигания антагонизма между нациями, буржуазия лишь спекулировала на национальном моменте. В буржуазном национализме патриотизм перерастает в национальный эгоизм, национальная гордость — в националистическое тщеславие и кичливость, забота о сохранении национальных ценностей — в националистическую заскорузлость, патриархальщину, распродажу национальных свобод безродной космополитствующей буржуазией. Вот почему буржуазный национализм является главным тормозом демократии и пролетарской борьбы.

Буржуазия с помощью идей национализма всячески поощряла и поощряет, раздувала и раздувает националистический угар, стремясь утопить в нем социальный протест трудящихся капиталистических стран. Дополняя экономическую дискриминацию дискриминацией на религиозной, расовой и национальной основе, буржуазия «вплела» таким путем еще один «узор» в ткань классической модели эксплуататорского общества «человек

человеку — волк». «Всяк для себя и только для себя и всякое общение между людьми единственно для себя» — так определил устои буржуазного общества Ф. М. Достоевский. По его словам, это «основная идея буржуазии, заменившая собой в конце прошлого столетия прежний мировой строй и ставшая главной идеологией всего нынешнего во всем европейском мире»²⁰.

Основоположники научного коммунизма подчеркивали громадную отчужденность людей разных национальностей в условиях эксплуататорского общества, когда классовые противоречия обостряются религиозными и национальными. Христианство, по словам К. Маркса, «в качестве законченной религии, теоретически завершило самоотчуждение человека от себя самого и от природы»²¹. В этом отношении связь религии с национализмом вытекает прежде всего из того, что мистифицированная форма религиозного отражения общественных явлений не только отражает реальное отчуждение человеческого бытия, но и способствует такому отчуждению, ибо создает его специфическую разновидность. Об этом свидетельствуют, в частности, противоречия между национальностями на религиозной почве.

Рассматривая вопрос о дезинтегрирующей функции религии, К. Маркс обращал внимание на то, что «ее сущность выражает уже не *общность*, а *различие*. Религия стала выражением *отделения* человека от той *общности*, к которой он принадлежит, от себя самого и других людей, — чем и была *первоначально*»²².

Религия функционирует как на социально-классовой, так и на национальной почве. Здесь она выступает как специфическая форма отчуждения в национальном самосознании и как следствие действительного отчуждения в национальном бытии и национальном сознании людей²³. Религия затрудняет контакты между разными по своей конфессиональной принадлежности народами, причем не только по основным вероисповеданиям, но и их разновидностям.

Таким образом, как религия, так и национализм выполняют аналогичные дезинтегрирующие функции — отчуждение трудящихся по национальному или конфессиональному признакам. Их функционирование, точнее паразитирование на той или иной национальной почве, приводит к тому, что принципы религиозной исключительности, религиозцентризма, группового эгоизма, при-

сущие религии, усиливают и обостряют идеи и чувства национальной исключительности, национального конформизма, этноцентризма, национальной вражды, порождают клерикальный национализм и другие подобные явления.

Как национализм, так и религия оказались дополнительным источником «дурных противоречий», когда «на помощь» национальной обособленности приходит религиозный сепаратизм, когда национальный эгоизм дополняется конфессиональным снобизмом, этнический партикуляризм — клерикальным партикуляризмом, национально-расовая рознь — религиозно-конфессиональной враждой и нетерпимостью. «Против рабочих,— писал В. И. Ленин,— объединены капиталисты всех наций и религий, а рабочих стараются разделить и ослабить национальной враждой!»²⁴. В. И. Ленин обращал внимание и на то, что «реакционная буржуазия везде заботилась и у нас начинает теперь заботиться о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов...»²⁵.

Господство частной собственности, национальное угнетение, религиозное размежевание стали той объективной основой, на базе которой эксплуататорские классы прививали трудящимся массам неуважительное, пренебрежительное отношение к представителям других наций и народностей, другой расы, другой веры. Об этом достаточно красноречиво писал К. Маркс. По его словам, «обыкновенный английский рабочий ненавидит ирландского рабочего как конкурента, понижающего его уровень жизни. Он чувствует себя по отношению к нему представителем *господствующей* нации и именно потому делается орудием в руках своих аристократов и капиталистов *против Ирландии*, укрепляя этим их господство *над самим собой*. Он питает религиозные, социальные и национальные предубеждения по отношению к ирландскому рабочему... Этот антагонизм искусственно поддерживается и разжигается прессой, церковными проповедями, юмористическими журналами — короче говоря, всеми средствами, которыми располагают господствующие классы». Подводя итог вышесказанному, К. Маркс подчеркнул: «*В этом антагонизме заключается тайна бессилия английского рабочего класса, несмотря на его организованность. В нем же заключается тайна сохране-*

ния могущества капиталистического класса»²⁶. И сегодня верны сказанные более столетия назад слова К. Маркса: английская буржуазия хорошо знает, что именно в расколе пролетариев по национальностям «заключается подлинная тайна сохранения ее могущества»²⁷. Обращая пристальное внимание на насаждаемую эксплуататорами вражду между рабочими различных национальностей или различных конфессий, В. И. Ленин указывал, что такая вражда выгодна лишь грабителям и тиранам, которые живут темнотой и разрозненностью пролетариата²⁸.

В эпоху империализма, когда капитализм стал величайшим угнетателем наций, когда на передний план выдвигается объективная закономерность интернационального сплочения пролетариата, всех трудящихся против монополистического капитала, буржуазный национализм полностью раскрывает себя как реакционное явление, антинародная, антинациональная сила. Ссорить и стравлять, разделять и противопоставлять, сталкивать и подстрекать — основное направление деятельности буржуазии. Раздувать сионизм и антисемитизм, натравливать друг против друга англичан и ирландцев, белых и цветных, шиитов и суннитов, мусульман и индусов — вот методы империалистической политики. Только то, что способствует разъединению трудящихся, оценивается как «добро» и «справедливость». Все действия противоположного характера оцениваются как «зло», как проявление «несправедливости» в национальных отношениях, в религиозной жизни.

Идеологические построения различных разновидностей национализма направлены на то, чтобы любыми путями замедлить процесс установления и укрепления интернационального единства трудящихся. С этой точки зрения правомерно говорить об идеологии, скажем, украинского буржуазного национализма или сионизма как о мировоззрении, отражающем практические потребности эксплуататорских кругов.

Клерикализм служит, в свою очередь, мировоззренческим прикрытием репрессивных антидемократических тенденций в политической жизни. Вот почему, как указывал В. И. Ленин, буржуазия стремится «оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию»²⁹.

Родство национализма и религии проявляется, как правило, в иллюзорности, ошибочности отражения общественного бытия. Причем клерикализм дополняет буржуазный национализм еще большей завершенностью этих извращенных форм отражения, что усиливает общую алогичность национализма, полностью «замыкая» его в порочный круг, из которого вырваться невозможно.

Вопрос о мировоззренческой взаимосвязи буржуазного национализма и клерикализма имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку позволяет вычленить круг тех проблем, на которых они паразитируют, вскрыть гносеологическое и социально-философское обоснование подлинных притязаний апологетов капитализма, мировоззренческое значение тех или иных буржуазно-националистических концепций и клерикальных догматов.

При рассмотрении мировоззренческих аспектов взаимосвязи национализма и религии следует прежде всего выяснить, почему, например, украинский буржуазный национализм так рьяно отстаивает обветшалые догмы униатского клерикализма, а последний превратился в носителя буржуазно-националистических идей. Это вызвано прежде всего тем, что религия и церковь, с одной стороны, национализм и его организационная система — с другой, являются неотъемлемой частью идеологической надстройки антагонистического общества. В реакционном клерикализме буржуазные националисты находят не только своего экономического и политического, но и идеологического союзника. «Религия есть опиум народа,— это изречение Маркса,— писал В. И. Ленин,— есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии. Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса»³⁰.

Клерикальная трактовка общественных проблем идеалистична, антинаучна и спекулятивна. На ее основе принципиально невозможно вскрыть реальную природу общественных явлений и дать объективную оценку движущим силам социального развития. Апологеты эксплуататорского строя пытаются подменить истинное понимание закономерностей развития общества религиозно-идеалистическими спекуляциями. Религия была и

остается тормозом на пути социального прогресса человечества.

Аналогичную идеологическую функцию выполнял и выполняет буржуазный национализм, концепции которого также антинаучны и спекулятивны, ретроградны и консервативны. В целом буржуазному национализму и клерикализму присущи идейное убожество, несоответствие идеям исторического прогресса, прогрессивным жизненным идеалам и общечеловеческим ценностям, тщетность попыток сконструировать и выдвинуть какую-то «третью» идеологию, которая смогла бы спасти прогнивший эксплуататорский строй.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что реакционные клерикалы, в том числе и униатского толка, стремятся во что бы то ни стало подменить социально-политические, классовые противоречия мировоззренческими. По существу, речь идет о настойчивых попытках увести трудящихся в мир создаваемых религией иллюзий, с тем чтобы идейно разоружить их, замаскировать классовый гнет как истинный источник религиозности.

В свою очередь, украинский буржуазный национализм, как и вообще буржуазный национализм, будучи классовым мировоззрением и политикой «своей» буржуазии, с помощью пропаганды иллюзорного «национального единства», также пытался и пытается замаскировать классовые антагонизмы, являющиеся его живительной силой. Общность позиции заключается в том, что и национализм, и религия селятся навязать разного рода фантастические представления, закрепощающие сознание трудящихся, закабаляющие духовный мир человека, ограничивающие его творческое развитие, снижающие социальную активность личности.

Идейная смычка украинского буржуазного национализма с униатской церковью отразила общую линию католицизма на его приспособление к идеологии и политике национальной буржуазии. Речь идет о попытке создания своеобразного симбиоза буржуазно-националистических концепций и униатско-клерикальных догматов, причем как в гносеологии, так и в сфере общественно-знания, теории общественного развития, в области проблем человека и гуманизма. Его цель отражает общую линию реакционных кругов — укрепить позиции антинаучного идеалистического мировоззрения за счет создания некоего гибрида — униатско-националистического миро-

воззрения с охватом всех сторон социальной, естественно-научной, этической, мировоззренческой проблематики.

Исходные идеалистические принципы, философский идеализм стали тем мировоззренческим и методологическим источником, откуда черпали и черпают «свои» идеи как представители украинского буржуазного национализма, так и униатского клерикализма. Ведь именно идеалистическая философия стала антитезисом философско-материалистического учения об объективном характере законов общественного развития.

Националистические и религиозные апологеты издавна пытались наполнить иссохшее русло буржуазно-националистической и религиозной аргументации «живительной влагой» идеализма, прежде всего на основе идеалистического решения основного вопроса философии. Активное использование разного рода идеалистических схем должно было, по замыслу буржуазных националистов и униатских богословов, усилить их позиции не только в духовном одурманивании трудящихся, но и в извращении принципов материалистического мировоззрения, идей пролетарского интернационализма и научного атеизма. Клерикалы всячески подталкивали и продолжают подталкивать буржуазно-националистических заводил на путь религии и обскурантизма. «Христианство и национализм,— писали они,— одинаково отрицают материалистическое мировоззрение»³¹.

Философский идеализм «столпов» украинского буржуазного национализма тесно связан с религией, метафизикой. Собственно говоря, религиозная идеология была наиболее удобной формой культивирования этих идей. Бандеровский журнал «Визвольний шлях» писал в 1969 г.: «Украинский национализм сходится с христианством в апофеозе идеализма ...в оценке человека как богоподобного существа». И далее — еще определеннее: «В мировоззренческом и этическом плане христианство является качеством украинской духовности... Украинский национализм не может отрицать христианство потому, что он отрицал бы не только мировоззренческий элемент в духовности, но и традиционализм — одну из основ национализма»³². Приведенный пример является подтверждением той истины, что традиционные религиозные верования служат прежде всего мировоззренческим критерием регрессивных, антидемократических тенденций в политической жизни.

Философский идеализм легко ассимилировался христианской теологией. В. И. Ленин в этой связи обращал внимание на то, что использование философского идеализма для поддержания фантастических идей является одной из характерных черт буржуазной идеологии. Религиозные постулаты, абсорбированные униатскими клерикалами, оказались находкой для украинских буржуазных националистов, поскольку использование фидеизма, томистских и неотомистских идей придает хоть какую-то видимость «научности» их обветшалым доктринам и концепциям. Общность религии с национализмом заключается в том, что последний также превратно отражает реальный мир и человеческие отношения, извращенно трактует отчужденность в сфере национальных отношений, гипертрофирует, абсолютизирует национально-специфическое.

Тесное взаимодействие буржуазного национализма и клерикализма проявляется и в том, что в эксплуататорском обществе господствующие классы всегда были заинтересованы в создании и насаждении ненаучных, неистинных воззрений на мир в целом, на место человека в этом мире. Переноса объяснение вполне земных, реальных отношений между людьми в потусторонние сферы, религиозная мораль мистифицировала жизнь, запутывала проблемы общественных отношений, направляла их в русло служения богу, смирения и покорности, пассивности, пессимизма. Эту особенность религиозной морали отметил Ф. Энгельс. «Простейшие принципы, регулирующие для человека отношения человека к человеку, уже невероятно запутанные существующими социальными условиями, войной всех против всех,— писал он,— не могут не оставаться совершенно неясными и чуждыми необразованному рабочему, когда они ему преподносятся вперемешку с религиозными, непонятными догматами, в религиозной форме произвольного и ни на чем не основанного предписания»³³.

Клерикальные идеологи, в том числе и униатского толка, вообще отрицали и отрицают причинные связи в общественной жизни и производственной деятельности, ибо, дескать, бог является и причиной, и условием, и фактором общественного развития. Вот почему решающее значение для эффективного осуществления божественного предначертания имеют, по их мнению, поступки нравственного порядка, выражающиеся во внутренней

готовности человека следовать божественному указанию.

Буржуазно-националистические авторы все явления в природе и обществе рассматривают с идеалистических позиций, а общественное развитие объясняют деятельностью «абсолютных идей», «мирового разума», сверхиндивидуального сознания, в конечном счете — сверхъестественных сил. Именно на этой основе происходит сближение их мировоззренческих позиций с клерикальным, католическим подходом к этому вопросу. Обращение буржуазно-националистических адептов к фидеизму отражает парадокс развития буржуазной философской мысли, который заключается в том, что, выдвигая «новые» философские концепции, она как бы возвращается к преодоленным наукой религиозно-мифологическим типам мировоззрений³⁴.

Следует указать и на то, что буржуазно-националистическое мировоззрение в целом также отличается преобладанием консервативных мотивов, а так называемые позитивные моменты, воплощенные в «апелляциях» к нации, отражают те же реакционные конструкции, едва прикрытые «национальным» флером. Речь идет прежде всего о союзе идеалистической философии и религии в буржуазном обществе, обусловленном родством их социальной функции — идейной защитой интересов буржуазии, необходимостью идеологической интеграции разных социальных слоев для ослабления классовых конфликтов, обоснования «старых» и модернизированных концепций «национального мира».

В основе мировоззренческих принципов буржуазного национализма лежит игнорирование причинной обусловленности природных, общественных и психологических явлений, проповедь индетерминизма, волюнтаризма и агностицизма, что проявляется, в частности, в попытках трактовать национальное как что-то неосознанное, недоступное человеку, которое возникает спонтанно и, как правило, независимо от законов общественного развития. Отсюда глубинная взаимосвязь национализма и религии, которых объединяет идеалистическое решение проблем общественной жизни, в том числе национального развития, своеобразный бунт против логики фактов, науки, разума, против перспектив познания и овладения тайнами мироздания, сознательного управления общественным развитием на научной основе. Не случайно бур-

жуазно-националистический журнал «Перемога» писал в 1934 г. о том, что вообще никакой закономерности в истории человечества будто бы не существует. А если и есть что-либо в человеке, то лишь «шляхетная руда», «полубожеское», что и определяет сущность рас, наций, их культур.

Следует отметить, что униатский клерикализм вел и ведет борьбу против материалистической диалектики с позиций крайнего обскурантизма, опираясь на философию неотомизма — официальную философию католицизма. Униатство является не самостоятельным религиозным течением или отдельной церковью, а религиозно-политической организацией, созданной Ватиканом, реакционными политическими деятелями государств, где господствовал католицизм, для экспансии на восточнославянские земли.

Уния православия и католицизма, провозглашенная на неканоническом униатском соборе в Бресте (1596 г.) и распространенная на Западную Украину, и так называемая Ужгородская церковная уния (1646 г.), распространенная на Закарпатье, Восточную Словакию, земли Венгрии и Румынии, где проживали украинцы, явились средством окатоличивания украинцев и белорусов, попыткой ослабить размах национально-освободительной борьбы трудящихся, разорвать братские связи украинского и белорусского народов с Россией.

Будучи симбиозом католицизма и православия, униатство не имеет собственной догматики, ее заменяют догматические положения католицизма. Внешним псевдонациональным флером стала для униатской церкви православная обрядность, проведение богослужений на родном языке. Не имея собственного богословия, без которого не существует самостоятельное религиозное течение, униатский клерикализм был вынужден принять богословско-философское обоснование «своей» идеологии в рамках католицизма.

В этом плане наблюдается полное родство униатского клерикализма с украинским буржуазным национализмом, также не имеющим, да и не могущим иметь, собственного философского обоснования своих неумных антинародных и антинациональных претензий. Последние базируются на буржуазной трактовке национального вопроса, которая сводится к «примату» национального над классовым, к утверждениям о невозможности разрешить

«вечную» проблему века — ликвидировать национальное угнетение, коль скоро нация «вечна».

Несостоятельность антинаучных спекуляций украинских буржуазных националистов, в равной степени и реакционных клерикалов, состоит, в частности, в том, что в основу определения понятия «нация» был положен прежде всего умышленный отход от объективных показателей — общности языка, территории, экономической жизни и культуры. Как буржуазные националисты, так и католические идеологи исходят из общих идеалистических установок, сводят понятие «нация» лишь к психологической структуре и самосознанию. Первые путем абсолютизации национальной формы и мистификации «национального духа» требуют «национального солидаризма» внутри нации, вторые путем мистификации человеческой природы и абсолютизации общности «судьбы», насаждения «святого духа общности» (К. Маркс) приходят к подобному требованию «солидаризма» между нациями вообще. Иными словами, буржуазно-националистические авторы и их духовные учителя, по сути, отталкиваются от тех же структур, что и теология, которая раздваивает бытие на действительное и трансцендентное, подчиняя сверхчувственному началу, «высшей космической реальности» направленность и цели общественного развития.

Украинские буржуазные националисты и униатские клерикалы трактуют нацию как реальность, которая имеет два лица: естественное, основанное на общности происхождения, и духовное, связанное с «сознанием». Духовное определяется влиянием какого-то неосознанного национального «я», потусторонних, фаталистических сил. Характерно и то, что в саму дефиницию нации при подобном подходе добавляется и такая вымышленная характеристика, как «элемент извечного», ибо живые, мертвые и нерожденные — это, мол, и есть «синтез понятия нации». В постановлении так называемого VI Великого сбора ОУН (1983 г.) указывалось: «Глубокий смысл жизни личности идет через нацию, являющуюся творением божьим и богом созданной как наивысшая общность на земле, которой должен служить человек и находить в ней самоосуществление своего человеческого «я»³⁵.

«Отмеченная печатью божьей», «ирреальный феномен», «надклассовая сила», «вневременное единство духа, крови и исторического предназначения» — эти и

подобные им униатско-богословские и буржуазно-националистические определения понятия «нация» имеют своей целью мистифицировать ее подлинную сущность, подчинить социальное националистическому и клерикальному, противопоставить национальное интернациональному. Нация, утверждается в журнале «Визвольний шлях» (1983 г.), не является творением какой-то социально-экономической формации. Она стоит в истории как «явление универсальное, явление первичного порядка» и, собственно говоря, «экономические формации необходимо выводить из национальных явлений». При таком подходе всех украинцев, независимо от их социальной принадлежности, страны проживания, отличает и «удерживает как нацию» общность языка, религии, традиций, духа, цели и крови. Коль скоро это так, то выходит, что нация является вечной категорией.

Не случайно современные буржуазно-националистические заводы выдвинули, как громогласно заявлял бандеровский главарь Я. Стецько, «научно обоснованную концепцию самозарождения украинской нации по замыслу Бога». Националистический «теоретик» А. Морской опубликовал в 1969 г. за рубежом специальное «исследование» под названием «Украинский национализм и христианство». Автор довольно витиевато рассуждает на тему о том, что, дескать, «каждому человеку внутренне присуща вера в бога» и, следовательно, каждую нацию так или иначе формировала христианская или вообще религиозная духовность. И далее приходит к такому выводу: «мировоззренчески и этически христианство является имманентным качеством духовного мира украинской нации». Эта линия, кстати, дублирующая почти дословно позицию оуновских «авторитетов» 20—40-х годов, отражает мировоззренческое униатско-националистическое единство, их общее стремление придать самому альянсу «национальную» окраску.

В своих попытках оклеветать и опровергнуть марксизм-ленинизм униатские клерикалы, а за ними и буржуазно-националистические авторы обращаются к издавна культивируемой концепции, согласно которой коммунизм есть нечто античеловеческое, безнравственное, деформирующее духовный мир личности. В частности, была выдвинута версия о борьбе Христа против Антихриста, добра против зла, с которыми отождествлялись капиталистическое общество, с одной стороны, со-

циалистическое — с другой. По существу, была регенерирована средневековая затея, принесшая человечеству ужасы инквизиции, многолетние страдания и унижения. «Царство сатаны наступает на нас», — утверждал, например, в 1930 г. униатский богослов Т. Галушинский. «Антихрист в наступлении», — вторила ему газета «Мета»; «Красный дьявол в походе», — писала газета «Дзвони».

И в наши дни, стремясь оклеветать коммунизм, униатские клерикалы извращают основное содержание современной эпохи — эпохи перехода от капитализма к социализму и коммунизму с характерным для нее историческим противоборством двух мировых систем. Они выдвигают свой, клерикальный вариант основного противоречия современной эпохи, утверждая, будто «борьба между безбожием коммунистов и народами христианской цивилизации Запада является главной осью современных конфликтов человечества».

В свое время Д. Донцов в откровенно человеконенавистническом чтиве, изданном в Канаде под характерным названием «Крестом и мечом», предложил за счет буржуазно-националистических группировок создать нечто вроде «нового ордена рыцарей духа и меча», сконструировав эдакий «храм и цитадель победы идеализма над материализмом, духа над плотью, веры над рационализмом». Разделяя «изыскания» Донцова, орган униатских клерикалов за рубежом газета «Христианський голос», в свою очередь, обрушила апокалиптические проклятия в адрес так ненавистой ей Советской власти. Газета выдвинула миф об Украине как «единой великой монархии духа», на троне которой предложила «посадить Христа-царя... Либо христократия, либо сатанократия. Середины здесь нет».

Буржуазно-националистическая газета «Українська думка» (июль 1977 г.) объявляет, что коммунизм-де вообще является «сатанинской философией», ибо он «с дьявольским фанатизмом стремится к уничтожению всех форм человеческого общежития, построенных на христианских принципах». Согласно этой логике верующие обязаны всячески противодействовать распространению марксизма-ленинизма, защищать буржуазный строй. По мнению другого буржуазно-националистического рупора, газеты «Христианський голос» (март 1979 г.), коммунизм — «это антихристианское явление, которое

никогда не провозглашало и не осуществляло социальной справедливости».

Таким образом, мировоззренческое единство украинского буржуазного национализма и греко-католической церкви нашло свое отражение в стремлении доказать несостоятельность философского учения марксизма, его диалектического метода, научно-материалистического подхода к явлениям и процессам окружающей действительности. Речь идет о совместных попытках внести свою лепту в расшатывание фундамента коммунистического учения, «опровержение» представлений о закономерном развитии природы и общества, теории общественно-экономической формации.

Раздел II

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ КУЛЬТУРЫ, МИСТИЦИЗМ — НА СЛУЖБЕ КЛЕРИКАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

В условиях эксплуататорского общества религия была чуть ли не единственной формой мировоззрения, доступной для широких трудящихся масс, духовный мир которых из-за нужды, темноты, неграмотности не знал настоящего влияния культуры и науки. При этом церковь поощряла мракобесов, шельмовала демократическую культуру, преследовала прогрессивную общественно-политическую мысль. Она пыталась привить народным массам антинаучные взгляды на природу и общество, изолировать их от лучших духовных завоеваний человечества, тормозила развитие образования, науки и культуры. В частности, униатская церковь использовала украинский язык и литературу не в целях развития культуры украинского народа, а как средство эксплуатации национального сознания.

Украинский буржуазный национализм проявил не меньшую ретроградность. Как поучал Д. Донцов, просвещение вообще вредно для народа, предназначение которого — быть покорным, слепым орудием в руках «избранных нации», ее «элиты». «Народ умников, — продолжает он свой злословный бред, — с ущербной волей и с «гуманитарным» мировоззрением не достигнет неба, даже не сможет обеспечить себе существование на земле. В тяжкой борьбе за существование реже падает тот, кто меньше всех знает»¹.

Буржуазными националистами совместно с униатскими клерикалами была сделана ставка на культурный застой, интеллектуальную и эмоциональную деградацию, насаждение иррационального мистико-мифологического мировоззрения, политической пассивности. В свою очередь, униатский клир учинил в 20—30-е годы подлинную

цензуру над чтением «неугодных подлинно национально-духу», «еретических» книг, к которым причислил не только марксистскую литературу, но и прогрессивную художественную литературу, трактуемую униатскими мракобесами как проявление «культурного большевизма». Так, в 1935 г. был опубликован специальный «индекс запрещенных книг», куда были отнесены произведения А. Барбюса, Ж. Верна, Я. Гашека, Н. Гоголя, М. Горького, В. Гюго, Т. Драйзера, Д. Лондона, Ги де Мопассана, Марка Твена, И. Франко, Т. Шевченко и др. Униатский клир систематически осуществлял «чистки» в народных библиотеках, уничтожал книги классической и прогрессивной отечественной литературы. Буржуазно-националистические верховоды с восторгом воспринимали подлинный вандализм униатских клерикалов в области культуры.

И если униатские клерикалы предавали анафеме произведения прогрессивных писателей, изымали их из библиотек, то буржуазно-националистические дельцы шли еще дальше. В оуновском печатном органе «Наш клич» в июне 1933 г. была помещена «заглавная» статья, в которой высказывается подлинное умиление от того, как гитлеровцы уничтожали «чуждую» литературу: «Ах, завидую немцам, завидую их решительности... У нас тоже тысячи томов печатного мусора, у нас тоже довольно грязно... Наша обязанность — заткнуть слюнявый рот разным осужденным на презрение людишкам и их пагубным для нации «идеям».

Следует отметить, что буржуазно-националистические «культуртрегеры» видят в культуре, в частности в литературе, какой-то конденсат «всеукраинского» национального самосознания, существующий вне времени и пространства, вне социальных условий. Восхваляя антиреалистические направления в искусстве, буржуазно-националистическая эстетика проповедовала цинизм, распущенность, порнографию. В ходу были, в частности, «откровения» В. Винниченко с его пропагандой, как писал В. И. Ленин, и «порока», и «сифилиса», и «романтического злодейства», и «теории организации проституток» с целью «пугать и свое воображение и читателя»². В писанине националистующих «эстетов» нашли адекватное отражение идеалистические теории искусства (Ницше, Шпенглера, Бергсона и др.), которые отрицали его как способ объективного познания действительности.

В их трактовке искусство — это «откровение», неосознанный импульс, внесоциальный феномен, спонтанное выражение души художника.

Через всю фальсификаторскую писанину апологетов буржуазного искусства проходила и проходит идея о негативном влиянии на художника идеологии, мировоззренческих концепций. При таком антинаучном подходе искусство трактуется как отражение индивидуального и коллективного в психологии той или иной нации, в «вечном» национальном характере. Все это лишний раз свидетельствует о насквозь фальшивом идейно-теоретическом содержании буржуазно-националистических эстетических построений, которые полностью противоречат передовой общественной мысли.

Украинские революционно-демократические деятели вели решительную борьбу против декадентской, упаднической литературы. Леся Украинка, например, выступала против зловредных попыток извратить сущность социалистического идеала, запугать читателя пророчеством «гибели» культуры и цивилизации в связи с освобождением пролетариата. Она решительно осудила сползание В. Винниченко на враждебные позиции декадентского искусства, резко критиковала его «опусы» «Ступеньки жизни», «Катруся», «Честность с собой» и другие, где смаковались на все лады моральная грязь, распущенность, возвеличивался индивидуализм.

Прогрессивная украинская общественность решительно выступила против расистских «опусов» В. Антоновича, С. Рудницкого, Р. Эндыка, В. Кубийовича и других; оправдания предательства и ренегатства в писаниях С. Черкасенко и Н. Хвилевого; культ убийств, рецептов издевательств и насилий в кровавых «сонетах» Е. Маланюка, Ю. Клена, А. Бабия, А. Карпа и др.

Характерной особенностью украинского буржуазного национализма является пропаганда волюнтаризма и иррационализма, веры в ирреальное, в чудодейственную «волю», в мистику. «Бесперспективность, растерянность перед завтрашним днем неизбежно... создают условия для возникновения и пропаганды философии, которая на место научного анализа объективной действительности ставит «шифры завершеного иллюзионизма... на место диалектики — софистику, на место культуры — варварство, на место теории общества — волюнтаристскую мистику и т. д. К этому буржуазное теоретическое мыш-

ление вынуждается объективным ходом событий, логикой самой истории»³.

К этому пришел и украинский буржуазный национализм, который шопенгауэровское определение «воли к жизни» соединил с ницшеанской трактовкой «воли к власти» и создал нечто под наименованием «своя национальная воля» — как некий иррациональный фактор истории, на котором, как писал Д. Донцов, базируется «любой здоровый национализм». Характерно, что «воля» определяется как непримиримая, фанатичная, аморальная. Она «не может обойтись без воли к принуждению, временами к обману, временами к грабежу чужого», утверждали националисты.

История развивается не по объективным законам, а по законам волюнтаризма — именно из этого тезиса исходила, в частности, западноукраинская буржуазия, строя авантюристические прожекты изменения хода общественного развития в свою пользу. Путь к их реализации — «пустить гнилую кровь» народа, чтобы возродить так желаемый «испоконвечный порядок». И уж если кто-либо будет выступать против идей украинского буржуазного национализма, необходимо, поучал Донцов, «сломать сопротивление этого низкопробного элемента так, как сломал сопротивление демолибералов Муссолини». Ведь основной принцип, заложенный в национальной воле, требует «быть тиранами, от которых стонет земля... быть разрушителями».

К подобным каннибальским рассуждениям была припасена и соответствующая идеологическая подкладка — культ эмоций и инстинктов, «подсознательной воли» и «подсознательного желания». Буржуазно-националистические «теоретики» наделили человека недоступными для познания «инстинктами-генами», «инстинктами самосохранения» ради утверждения культа алогичного, подсознательного, эмоционального и др. Только таким образом и можно было выйти на объяснение появления самого национализма как результата действия «определяющих» иррациональных, подсознательных, биопсихологических явлений, каких-то «духовных иррациональных тенденций».

С точки зрения буржуазно-националистических авторов, разум, сознание, даже воля — понятия, отражающие «бессилие, бледность, ненужность никому». Важно учиться лишь одной «науке» — «учиться опыту фашизма

и национал-социализма», «науке» фашистского разбоя, который, дескать, черпает «жизнеутверждающие соки» в «действующих иррациональных силах жизни». Во всяком случае, как рассуждал, например, оуновский деятель М. Орлик, для того, чтобы разбудить эти иррациональные силы, «необходимы жертвы, необходима кровь». Так формировалось кредо украинского буржуазного национализма — не щадить жизни трудящихся во имя нереальной, бредовой цели их порабощения.

Разум, по мнению националистических шаманов, никакой «силы не имеет», это, дескать, «кучка глиняных построек», «набор заимствованных фраз». Настоящее понимание мира связано с интуицией, с подсознательными инстинктами, пользуясь которыми такие личности, как Гитлер, волевым напряжением постигают мир и принуждают его поступать так, как они этого требуют.

Обращение украинского буржуазного национализма к мистике подчеркивало, во-первых, близость, даже тождественность его постулатов «самим» фашистским установкам. Во-вторых, акцент на мистику отражал кризис идеологии и политики буржуазного национализма, который вынужден был искать спасения в помощи сверхъестественных сил.

В-третьих, только апелляцией к мистике, к алогизму и можно было определить саму сущность национализма, втиснуть его то в канву «национального организма», то в национальный характер, то в общественное мнение, «доказать» его «определяющее» значение в жизни украинского народа.

В-четвертых, обращение к мистике давало, по мнению буржуазно-националистических «идеологов», возможность найти дополнительные «резервы» для обоснования тезиса «нация превыше всего». Национальная общность при этом объявлялась «вещью в себе», мистической, ирреальной силой, непознаваемой сущностью, которая как бы витает над обществом, над классами, разумеется, вместе с национализмом и является, естественно, наибольшей и абсолютной ценностью. Каждая нация, если она действительно нация, имеет неосознанное «нечто», недоступное человеческому познанию, неразгаданное им.

В свою очередь и униатские богословы усиленно разыскивали «дополнительные» аргументы в пользу «нации-мифа». Последняя также объявлялась продуктом божьего творения, отрицалась сама возможность суще-

ствования нации без религии, а национальной жизни — вне влияния католической церкви. И здесь налицо мистификация социально-этнической общности людей, сведение ее к духовному, иррациональному явлению, что свидетельствует о паразитировании на сложных проблемах общественной жизни, настойчивых попытках подчинить социальное клерикально-националистическому.

Что же касается «духа крови», якобы присущего той или иной нации, то униатская газета «Мета» видела его проявление отнюдь не в ирреальных формах, а в борьбе с коммунизмом. «Украинский национализм,— писала она,— должен быть готовым к применению любых способов борьбы с коммунизмом, не исключая массовой физической экстерминации (уничтожения.— Ю. Р.) миллионов человеческих физических экзистенций». Это циничное заявление вызвало настоящий шквал рукоплесканий со стороны буржуазно-националистических варваров. В восторге от откровений униатского клира Донцов поучал униатскую паству в свойственном ему маниакальном духе. «Христианство — это не розовая водичка гуманности и добропорядочности,— писал он в книге «Крестом и мечом»,— это религия воинства Христового... которое конфликтов не избегает, а их ищет и зло преодолевает мечом духовным и железным, душой аскета и война».

Впрочем, буржуазные националисты не остаются в долгу. Один из их главарей Н. Степаненко цинично заявил: «Настало время покончить с эпохой фразеологии на концертах и собраниях. На весах истории ныне более всего весит меч»⁴. Круг, как мы видим, замкнулся! От мистики — к вандализму — такова естественная линия украинского буржуазного национализма и униатской церкви. Мистика нужна была униатско-националистическому альянсу для того, чтобы именно с ее помощью обосновать «окончательно» и «бесповоротно» так называемую теорию элиты. По этому поводу Д. Донцов вещал: «Встает новая мистика — мистика фашизма. Мистическое видение мира несут в себе наиболее ценные из людей, ясновидцы, которые интуитивно постигают истину, пересказывают ее под видом идей. За ними и должна идти нация».

Мистицизм в униатско-националистическом истолковании создавал еще одно звено в цепи взаимодействия, взаимопроникновения украинского буржуазного национа-

лизма и униатской церкви. Только с позиций мистики, фатализма и обреченности и можно было, как об этом поведала униатская газета «Мета», выдвинуть общее требование: «Трезубец, освященный крестом и лезвием ножа — вот великий знак и великая священная наша реликвия!» Даже эмигрантский антисоветский журнальчик «Нові дні» вынужден был в 1967 г. заявить, что подобного рода заявления не что иное, как «средневековое шаманство, где пропагандируется человеконенавистничество вообще, братоненавистничество в частности, где вместо внимательного поиска истины, чтобы вокруг нее сплотить все силы нации, пропагандируется грубая и короткая «финка» в сочетании с массивным крестом, которым можно проломить череп».

Постоянно апеллируя к мистике, украинский буржуазный национализм сочетал какую-то «невидимую сферу национального подсознания» с «аксиоматической, бездоказательной верой». Копируя взгляды фашистов, их «самостийнические» эпигоны указывали: «Величие каждой могучей организации... основывается на религиозном фанатизме, с которым она завоевывает себе против всех других место под солнцем, на фанатическом убеждении в своем праве»⁵.

Классовой ослепленностью, страхом перед научным объяснением истории, неспособностью повести за собой людей проникнуть «теоретические откровения» униатско-националистического толка. Их адепты прекрасно сознавали, что безумная цель, которую поставил перед собой украинский буржуазный национализм, требует и безумных действий, а они, в свою очередь, — безумных исполнителей. Этого не скрывал, например, националистический журнал «Студентський прапор», отметивший в 1932 г., что осуществить «великое и важное задание» — повернуть историю вспять могут «лишь сумасшедшие, лишь безумцы». Отсюда задача — воспитать «зажигательных молодых безумцев» из рядовых оуновских членов с целью их приобщения к безумным идеям. Таким было подлинное содержание оуновской «национально-волюнтаристской педагогики», т. е. целой системы влияния на рядовую «мужву» в нужном для национализма и греко-католицизма духе.

Разного рода буржуазно-националистические молодежные организации на западноукраинских землях использовались для того, чтобы «охватить молодое по-

коление единым активным мировоззрением, сознанием единой идеи и цели», которые вытекают из основных тенденций идейно-политического альянса украинского буржуазного национализма и униатского клерикализма. Причем под «единым активным мировоззрением» понималось, прежде всего, стремление научить «первыми хвататься за оружие». Учитывая, что само по себе христианское вероучение не порождает экстремизм, униатская церковь предпринимала настойчивые попытки для того, чтобы обострить до крайности его отдельные догматические положения, воспитать религиозных фанатиков. Верующих всячески запугивали, обвиняли в богоотступничестве, с тем чтобы таким образом довести их до состояния моральной угнетенности, психической неуравновешенности и т. д. Массовая идейно-политическая и эмоционально-психологическая обработка трудящихся Галиции преследовала цель сформировать униатско-националистическую психологию.

Идейный союз украинского буржуазного национализма и униатской церкви основывается на культе насилия и ненависти, заимствованном у фашистов. Создавая его, Гитлер провозгласил, что «массовое мировоззрение» вообще немислимо на рациональной основе. Его фундаментом должна была стать мистическая религия, вера в фашистские мифы. Он требовал насаждать атмосферу религиозности и мистики, укоренять в массах «действительно глубокую, внутреннюю религиозность»⁶. По замыслу фашистов, именно мистика и «внутренняя религиозность» должны были усилить «организацию воли» гитлеровцев, стать дополнительным «импульсом для наступательного порыва».

«Христианский национализм» — совместное детище униатской церкви и украинского буржуазного национализма — как раз и отвечал требованиям «внутренней религиозности». В принятых так называемым IV «Великим сбором ОУН» (1968 г.) «Основах мировоззрения» украинского буржуазного национализма бандеровского пошиба утверждается: «В националистическом мировоззрении особенную роль играет христианская и национальная мистика, культ святых и героев». Что скрывается за этими понятиями, видно хотя бы из анализа текста «10 заповедей националиста». Будучи основополагающим документом ОУН, он приобрел религиозную окраску. Как подчеркивается в литературе, в нем пропагандиро-

валась ненависть к инаковерующим, национальная и религиозная нетерпимость. Гитлеровский «импульс для наступательного порыва» расшифровывался в «декалоге» так: «господствующим у нас должен остаться старый суровый принцип: «око за око, зуб за зуб». Призывая к мести трудящимся массам, «декалог» ставил задачу — стремиться к увеличению «горы трупов противника», не взирая на то, «что скажет о нас цивилизованный мир». Философия насилия и ненависти, вандализма, как оказалось, не ушла в прошлое. Националистический эмигрантский журнал «Авангард» призвал в 1970 г. культивировать прежде всего «радость ножа», взяться за его «освящение» для «доброего и святого дела» — борьбы против прогрессивной украинской эмиграции, против украинского народа.

Стараниями кардинала И. Слипого (умер в 1984 г. в Риме) был подготовлен, издан и пущен в оборот униатский «катехизис». Чего стоят, например, призывы к молодежи постоянно нести в душе «знак христовой воины», «не страшиться подобно апостолам и мученикам отдать свою жизнь» и т. п.! Анализ «катехизиса» приводит к выводу, что это скорее наставление для экстремистов и террористов, наемников империалистических кругов в их авантюристических планах разжечь пожар новой мировой войны ⁷.

За «освящение» вандализма взялись и сторонники так называемого рунвизма — мифической «родной украинской новой веры», выдвинувшие в 70-е годы культ славянской дохристианской языческой мифологии, как дубликата все той же «внутренней религиозности». По мысли «рунвистов», только язычество и сможет спасти обанкротившийся украинский буржуазный национализм, заново «открыть», создать «новую» украинскую нацию под знаком «бога Солнца», под «знаменем Перуна». Назвавший себя «магом новой веры» Л. Силенко утверждает, что «законом мировой жизни» является нещадная борьба между народами, нациями, в процессе которой одни нации завоевывают себе право на жизнь, другие — «будут похоронены на мировом кладбище». Собственно говоря, продолжает старую линию буржуазной социологии «маг» Силенко, «интернационального духа нет», но есть все тот же дух «нации-мифа», основной сущностью которой является ненависть человека к человеку, нации к нации. Значит, сама ненависть отныне и навсегда «друг

человека», она является «святой, как небо, чистой, как слеза, вечной, как земля, и неугасимой, как солнце».

Итак, «святой, самобытный» путь для украинской нации заключается в возвращении к вере в Дажбога, суть которой в культе ненависти, жестокости, «радости чужой крови», в откровенном шовинизме, расизме, антикоммунизме.

Даже выходящий в ФРГ буржуазно-националистический журнал «Український самостійник» вынужден признать, что буржуазно-националистические «ученые», ввиду своего закостенелого догматизма или сознательно-го шарлатанства, не осознают или отбрасывают элементарный смысл общественной жизни. Свидетельство, прямо скажем, точное, отражающее подлинную сущность мистиков и изуверов, выступавших с позиций «гигантов духа», «аристократии креста и меча». Рецепт спасения, казалось бы, нашел в наши дни Р. Рахманный, националист, антисоветчик, подвизавшийся в разного рода зарубежных радиоголосах. «Спасение» украинского буржуазного национализма и униатского клерикализма он видит в реконструкции все того же рунвизма на манер сионизма, вобравшего в себя иудейские догматы.

«Поучиться» у сионистов в этом плане, разумеется, есть чему, если исходить из того, что их идеалистические концепции носят весьма спекулятивный характер и исходят из ложных методологических посылок. Взгляды сионистских философов представляют собой нарочито усложненную систему идеализма и метафизики. Причем сионисты, как правило, исходят из застывших, мертвых схем, заимствованных из иудейско-богословского арсенала, соединяя их с откровенной мистикой.

В идеологии сионизма обрели новую жизнь наиболее реакционные идеи прошлого и современности. Как и другие разновидности буржуазного национализма, сионизм направлен на отрицание закономерного характера общественной жизни, а следовательно, и на отрицание возможности теоретически обоснованной деятельности прогрессивных классов по преобразованию общества. Всеми своими положениями сионизм направлен против марксизма-ленинизма.

Гносеологическими корнями идеологии сионизма являются раздувание, абсолютизация моментов национально-особенного, национально-специфического в проявлении общих закономерностей общественного развития, тенден-

циозный, субъективистский подход к явлениям общественной жизни, историческим фактам и принципам их теоретического освоения.

Сионизм — это не наука, подчеркивает сионистский авторитет, «а вера в существование общего прошлого и общего будущего еврейского народа. Такая вера может быть принята или отвергнута, но лишь в очень ограниченной степени является предметом рациональной аргументации»⁸. Сионизм поэтому основывается не на данных науки, а на «фундаментальных мифах». Войнствующая антинаучность, иррационализм, мистицизм «своей» доктрины не только не скрывается, а подчеркивается сионистскими авторами.

Реакционный характер сионизма наглядно проявляется в его «теории» нации, в которой «еврейская нация» трактуется как «союз» «одинаково мыслящих людей», сложившийся на расово-этнической и, «естественно», на религиозной основе. Иными словами, рассеянное по всему миру еврейское население объединяется в народ с помощью мифического единства этноса и религии.

Марксизм-ленинизм учит, что нация — это историческая общность людей, которой свойственна устойчивая общность экономической жизни, языка, территории и национального характера, что проявляется в своеобразии ее культуры и быта. Нация складывается с возникновением и формированием капиталистического строя. Экономической основой возникновения нации послужили ликвидация феодальной раздробленности, упрочение экономических связей между отдельными областями внутри страны, объединение местных рынков в общенациональный.

Однако, по мнению сионистских авторов, «всемирная еврейская нация» возникла на иной основе, чем все другие нации. Вопрос о том, что выступает национально-образующим признаком, что лежит в основе формирования этой «уникальной» (по их словам) общности людей, решается ими по-разному. Одни «теоретики» считают таковым «коллективный еврейский дух» (М. Гесс, Л. Пинскер). Другие — «этническую гениальность евреев» и вытекающую отсюда их мессианскую роль в истории человечества (Ф. Розенцвейг, А. Гинзбург). Третьи — «наличие общего врага — всех иных народов с их природным антисемитизмом» (Т. Герцль). Вот на этой-то основе и возникает, по их мнению, «уникальная» нация —

«всемирная еврейская нация», нация экстерриториальная, объединяющая все 14 миллионов еврейского населения планеты, проживающего более чем в ста странах различных континентов.

Разумеется, сионизму нельзя отказать в известной «логике» и «последовательности» с точки зрения почти маниакального отстаивания навязчивой идеи о том, что евреи во всем мире составляют «единую нацию» как «общество изгнанников» со «стойким национальным согласием», как «союз одинаково мыслящих людей», имеющих «общую судьбу». Один из современных сионистских политиков Абба Эббан утверждает, что «первым и основным источником национального самосознания является библейская литература», что «рассеянные еврейские общины, из которых происходила иммиграция, были разобщены в материальном отношении. Их социальные, экономические, политические и лингвистические основы не имели ничего общего». Казалось бы, остался лишь один шаг к признанию банкротства самого тезиса о «всемирной еврейской нации». Но Эббан приходит к выводу, что для существования такой нации достаточно «общности только в духовной области»⁹.

Но о какой духовной общности можно говорить хотя бы в условиях государства Израиль? Даже сионистский автор Д. Камхе вынужден признать, что «новая сионистская элита оказалась почти совершенно отрезанной от израильских масс различиями в мировоззрении и богатстве... Ишув (Израиль.— Ю. Р.) больше не является компактным обществом с относительно гомогенной социальной и экономической структурой»¹⁰. Тем не менее сионистские «теоретики» снова возвращаются к нации как к явлению, имеющему два «лица» — природное, основанное на общности происхождения, и духовное, связанное с «сознанием», к которому стремятся «сыны Израиля». И вновь на щит поднимается подсознательное, «сугубо еврейское» нечто, эдакий мистический «феномен», который и определяет сущность «еврейского сообщества».

Сионистские авторы сознательно отрывают национальную жизнь народов от социальных, прежде всего классовых, факторов общественного развития, противопоставляют национальные и интернациональные интересы, пытаются выдать националистическое за национальное. При этом все национальное, главным образом

национальное самосознание и национальную психологию евреев, сионистские идеологи характеризуют как нечто врожденное, извечно существующее.

В прямой связи с такой характеристикой национальных факторов находится и оценка нации как общности в сознании и психологии, в политике и практике. Оценивая нацию и национализм как богом predetermined явления, сионисты стремятся изобразить их как иррациональные, непознаваемые. Они сдобривают свои писания изрядной дозой мистики, сводят все проявления национального к биологическому и психологическому факторам. Сионистская теория нации смыкается с откровенным расизмом¹¹.

Саму сущность нации сионисты сводят к понятию «национальный характер», под которым понимается «комплекс физических и психических черт людей», связанных «духовной близостью» и «общностью судьбы». При этом они считают, что общность судьбы евреев проявляется в необходимости борьбы за свое существование. Так, идеолог сионизма Т. Герцль на I сионистском конгрессе в октябре 1897 г. заявил, что «нация — это группа людей общего исторического прошлого, сплоченная наличием общего врага»¹². В связи с этим видный деятель Компартии Израиля В. Эрлих указал, что сионистские определения нации, «похожие друг на друга, несмотря на их оттенки, представляются особо слабыми. Во-первых, две общие основы (принадлежность и общий враг) дают возможность для широкого и бесконечного определения понятия «нация». Если, например, в Чикаго организовано действует группа гангстеров против другой соперничающей гангстерской группы, то и она имеет право, по критерию «принадлежность и общий враг», называть себя нацией. Во-вторых, в определении Герцля вообще отсутствует какой-либо элемент нации. В соответствии с его определением и международный пролетариат тоже может считаться нацией: есть у него «общая признанная принадлежность в настоящем» и также «общий враг» — монополистический капитал. В-третьих, это определение основано на сионистском тезисе о вечности антисемитизма. Евреи, согласно данному определению, являются нацией благодаря тому, что у них есть, всегда был и будет общий враг. Слабость этого определения не случайна. Герцль не мог найти научного определения, которое дало бы ему возможность назвать все еврейские

общины мира «нацией», поскольку в действительности таковой нет»¹³.

Характерной особенностью сионистской «теории» нации является узкокорыстный прагматизм. Исторические события и факты интерпретируются в угоду интересам еврейской буржуазии. У сионистских «теоретиков» всегда наготове «двойной стандарт». Скажем, когда речь идет о других нациях, они согласны учитывать объективные признаки (территорию, язык и т. п.). Более того, они признают, что с этой точки зрения доказать существование «всемирной еврейской нации» невозможно. Однако признать тот факт, что в Израиле происходит процесс консолидации еврейской нации, которая складывается на своей собственной основе и не имеет никакого отношения к «единой еврейской нации», означало бы тем самым расписаться в полной несостоятельности сионистского движения. Выдвигается поэтому новый тезис — «единый еврейский народ» состоит из «еврейской нации» в Израиле и еврейских национальных меньшинств в диаспоре.

Современные сионистские авторы, понимая шаткость «основополагающей» доктрины, прибегают к следующему доводу в пользу наличия «всемирной еврейской нации». Ее единственной основой является отныне сионизм, а критерием принадлежности к ней должна выступать лояльность к сионистской идеологии. В таком случае к членам мифической «еврейской нации» относится лишь немногим более 10 процентов лиц еврейской национальности, состоящих, по сионистским данным, в различных сионистских партиях и организациях (в Израиле и диаспоре).

Философско-социологические основы сионистской теории нации лишены объективного содержания и не выдерживают критики даже на уровне собственной аргументации. Невозможно дать научное определение экстерриториальной «еврейской нации», не прибегая при этом к софистике и иррационализму¹⁴.

В основе философских концепций сионизма лежит, прежде всего, религиозно-националистический догмат иудаизма: миф о союзе евреев с богом и вера в исключительность («богоизбранность») евреев. Сущность сионизма заключается в этноцентризме, шовинистическом расизме и мистическом мессианизме, которые составляют взаимодополняющие факторы. Иными словами, речь идет о своеобразном «религиозном национализме» на сионист-

ский лад. Французский специалист по проблемам Ближнего Востока М. Робинсон, убедительно доказывая несовместимость исторических данных с сионистскими разглагольствованиями о надысторической, неизменной «еврейской сущности», справедливо квалифицирует их как «националистическую теологию», или, точнее, «теологический национализм»¹⁵.

В свое время В. И. Ленин, резко критикуя тезис о «культурно-национальной автономии», обращал внимание на то, что сионисты стремились пропагандировать и развивать старое и кастовое в еврействе¹⁶. В наше время эта линия по-прежнему остается на вооружении сионизма, который отстаивает разного рода религиозно-мистические постулаты. В целом мистика как в библейско-талмудистском варианте, так и в форме различных идеалистических теорий фидеистского толка составляет один из важнейших компонентов идеологии сионизма, его мировоззренческих установок. Причем пропаганда этих идей ведется на уровне государственной политики. Так, первый премьер-министр Израиля Д. Бен-Гурион откровенно заявлял, что «необходимо вооружить мистикой поколение, которое поднимается к власти». По мнению мелкобуржуазного критика сионизма Н. Вайнштока, «сионистская мистика повисает в воздухе, если она не ссылается на иудейскую религию. Отбросьте представление об «избранном народе» и «земле обетованной» — и фундамент сионизма рухнет».

подавляющее большинство сионистских идеологов и иудейских теологов фактически ставят знак равенства между сионизмом и иудейской религией. Таким путем сионистские теоретики пытаются активно использовать иудаизм для маскировки классово-политических целей сионизма, скрыть, что сионизм является порождением империализма и одним из его орудий. Например, постоянный представитель Израиля в ООН Х. Герцог, пытаясь оспаривать правомерность резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 10 ноября 1975 г., справедливо квалифицирующей сионизм как форму расизма и расовой дискриминации, заявил, что осуждение сионизма — это-де наступление на «одну из древнейших религий мира». В свою очередь, руководитель «Объединенной синагоги Америки» А. Леви утверждает, что якобы «иудаизм — это сионизм, а сионизм — это иудаизм»¹⁷.

Ни в коем случае не отождествляя сионистскую идео-

логию и иудейскую религию, необходимо подчеркнуть, что сионизм активно муссирует разного рода древние иудейские мифы. Ряд политизированных и модернизированных догм иудаизма стали основой идеологии сионизма. При этом ветхозаветные пророчества в идеологических установках и политической практике сионизма приобретают ярко выраженную практическую направленность. С учетом изложенного можно говорить о религиозно-философских основах международного сионизма, методологическую базу которого составляют идеализм и субъективизм, софистика и эклектика, метафизика и иррационализм, индетерминизм и антиисторизм. Сионизм идеализирует прошлое, показывая в романтическом ореоле политику захвата кочевыми племенами «земли ханаанской», восхваляет подвиги персонажей библейских легенд с целью воспитания у современных евреев убеждения в законном праве захвата арабских земель, неизбежности победы над арабами.

Такая попытка модернизации архаики и архаизация «модернизма» насильственно проводится правящими кругами Израиля как во внутренней, так и во внешней политике. Израиль все более превращается в своеобразное теократическое государство, в котором иудейские догмы нашли форму государственных законов, за соблюдением которых пристально следит раввинат; сионистская доктрина приобретает клерикальный характер. Оценивая политику клерикалов в стране, XVII съезд Коммунистической партии Израиля подчеркнул, что религиозные партии, которые входят в правительство или находятся вне его... дают религиозное «обоснование» государственной политике, которая противоречит интересам верующих трудящихся. Сионистскому руководству Израиля религия нужна потому, что она является прикрытием его авантюристического курса, помогает ему укреплять политическое и экономическое господство¹⁸. В конечном итоге религиозные догмы, воплощенные в мировоззренческом подходе сионизма к явлениям природы и общества, в его политической доктрине, стали тем своеобразным идеологическим «цементом», который скрепил союз сионизма и иудаизма.

К чему это приводит? Английский еженедельник «Экономист» в июле 1982 г. опубликовал любопытную статью под названием «Носорогизация Израиля», в которой констатировал, что на «библейской земле» утвер-

дились повадки, свойственные свирепым и толстокожим четвероногим обитателям тропиков. Журнал предложил и другой вариант характеристики общественного сознания в Израиле, данный профессором Еврейского университета И. Харкаби, бывшим начальником израильской военной разведки, который откровенно заявил, что «израильский разум» доведен до «бычьего состояния».

Только доведя сознание до «бычьего состояния» и можно, как это делают сионисты, сознательно тратить громадные средства на распространение влияния иудаизма в еврейских общинах капиталистических стран. Агенты иудаизма, в свою очередь, используют ряд средств: от аллегорического толкования библейских текстов до попыток дискредитации роли науки и фальсификации научных данных — во имя укрепления авторитета сионизма среди верующих. Они широко используют Библию для насаждения устойчивой агрессивности населения Израиля, ссылаясь на Библию пытаются оправдать расизм и вандализм разнузданной военщины.

Таким образом, мировоззренческую основу взглядов, проповедуемых сионизмом, составляют идеи, заимствованные из консервативно-мракобесовского арсенала, в том числе и из гитлеровского национал-социализма («богом избранный народ», принципы «крови», «происхождения» и др.). Причем эти и другие шовинистические, расистские идеи тщательно отбирались под определенным углом зрения. Главным принципом такого отбора был антикоммунизм. В конечном итоге назначением разного рода идейно-теоретических обоснований буржуазно-националистических претензий, их концептуальных платформ было стремление подвести хоть какую-то видимость научной базы под антисоветскую истерию, антикоммунистические диверсии.

В националистическом мировоззрении господствует консервативно-оборонительная тенденция. Эта тенденция проявляется и в изменениях методов и форм идейно-политической защиты капитализма. К такого рода «защитному» концептуальному средству и относится общая для сионизма и украинского буржуазного национализма, разделяемая иудейским и униатским клерикализмом идея национального единства, «наивная вера в общенациональные стремления буржуазии» (В. И. Ленин), воплощенная в концепции так называемого национального солидаризма.

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ ТАК НАЗЫВАЕМОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЛИДАРИЗМА

Как буржуазный национализм, так и клерикализм прилагают немало сил, чтобы представить капитализм обществом извечной гармонии и справедливости, сбалансированности и уравновешенности общественных отношений. С этой целью буржуазные идеологи наряду с концепцией «классового мира» выдвинули концепцию «внутринационального согласия», «национального мира», будто бы присущих той или иной национальной общности в условиях капиталистического строя. Если первая была направлена на то, чтобы парализовать движение народов к социальному прогрессу, то вторая имела своим назначением «объяснить» бедственное положение трудящихся межнациональными и расовыми противоречиями.

При таком подходе интересы господствующего класса именуется «интересами всего общества», а буржуазия и трудящиеся массы одной нации объединены-де общностью национальных интересов, экономики, политики, культуры, языка и т. п. При этом марксовой «солидарности свободного развития всех» противопоставляется абстрактный «гуманистический солидаризм», ленинскому «единому мировому кооперативу народов» — космополитические притязания на мировое господство, интернациональному лозунгу «братство объединенного труда» — «общечеловеческое братство», классовой солидарности трудящихся — иллюзорная мнимая коллективность антагонистического общества.

В основе измышлений подобного солидаристского толка лежат эгоистические интересы буржуазии, которая стремится к эксплуатации наемного труда во всемирном масштабе. Присвоить имя общего братства эксплуатации в ее космополитическом виде, писал К. Маркс, такая идея могла родиться только у буржуазии. По его словам,

мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, представляла собой «не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы»¹.

В связи с этим рассмотрим концепцию так называемого национального солидаризма, на которой, в конечном итоге, «сошлись» буржуазные националисты и клерикалы.

1. ВСЕУКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЛИДАРИЗМ НА СЛУЖБЕ РЕАКЦИИ

Еще в середине XIX века в Западной Европе была разработана концепция, ставшая своеобразной реакцией буржуазии на распространение марксистских идей в рабочем движении и получившая название «солидаризм». Ее авторы (О. Конт, Дж. Дьюи и другие), исходя из положения, что люди могут бороться с природой лишь коллективно, пришли к выводу о том, что их связывают общие интересы вне зависимости от занимаемого ими места в системе общественного производства и отношения к средствам производства. Перед лицом враждебной природы представители всех классов капиталистического общества якобы объединяют свои усилия и выступают солидарно в борьбе с нею.

Социальное назначение концепции солидаризма как охранной грамоты капитализма отчетливо проявляется в отношении ее авторов к частной собственности. Деление общества на капиталистов и рабочих, по мнению солидаристов, является закономерным и вечным результатом общественного разделения труда, а частная собственность служит общему благу, поэтому покушение на нее ослабляет общество. Солидаристы отрицают все права личности, кроме одного — права выполнять свой долг, трактуемый ими как деятельность по укреплению капиталистического общества. Таким образом, солидаристы сделали попытку подменить непримиримое противоречие между антагонистическими классами в капиталистическом обществе противоречием между природой и обществом. Под лозунгом общих интересов, маскирующим факт безграничной власти буржуазии в капиталистическом обществе, они стремятся на деле к увековечению несправедливых общественных отношений.

Концепция солидаризма как нельзя лучше импонировала интересам украинского буржуазного национализма. Еще предтечи украинского буржуазного национализма Н. Костомаров и П. Кулиш пытались «обосновать» сущность украинского народа как некой бесклассовой аморфной массы. Ими, в частности, ставилась задача «бедного соседа с богачом объединить», сделать их «родственниками», «в братскую семью соединить»². Благодаря «народному характеру», «единому» для всего украинского народа неизменному психологическому комплексу, утверждал, например, Н. Костомаров, народная масса «может рассматриваться как один человек». Поскольку каждый человек имеет свой идеал, постольку и отдельному народу, рассматриваемому как отдельная личность, присущ свой идеал, к которому он стремится³. Отсюда Костомаров делал вывод о том, что украинский народ представляет собой «единый организм», нерасчлененный на классы и сословия, с общим для всех идеалом. Если в его составе и имелись, дескать, отдельные социальные типы, например казака, чумака, крестьянина, то в своей основе они были общенародными, национальными типами. «В каждом из этих типов,— утверждал автор,— видим идею всего, целого народа»⁴.

От общности «народного духа» отталкивался и П. Кулиш, рассматривавший «национальный дух» единым, общим для всех представителей нации. «Все дело в идеале, которым полна душа народа... в идеале бога, души, чести, любви, доблести, долга, словом, всего, чем живет данный народ как собирательная личность»⁵. От «единой личности» Кулиш идет к «единому течению» в истории украинского народа, к некоей бесклассовой национальной общности, к «единому организму». «Народ наш,— утверждал Кулиш,— остается глубоко демократичным; остается всегда и во всем народом, а не классом, выделяющимся из народа». «Малороссийский простолудин» взращен, дескать, в духе «религиозно-философской стихии», которую вносили в массы крестьянства бродячие певцы, лирники, кобзари, а поэтому он, мол, всегда «был религиозным... по-своему»⁶.

Речь идет о реакционно-помещичьем романтизме, пустившем свои корни и на Украине, который В. И. Ленин рассматривал как тенденцию мерить новое общество на старый патриархальный аршин, как желание искать образец в старых, совершенно не соответствующих изме-

нившимся экономическим условиям порядках и традициях⁷. Этот романтизм, будучи идеологическим выражением противоречивости переходной эпохи от феодализма к капитализму, выражался в романтическом обращении к прошлому народа и увлечении «народностью», в попытках противопоставить непривлекательной капиталистической действительности идеализированное феодальное прошлое⁸.

Один из идеологов украинского буржуазного национализма М. Грушевский, объявив движущей силой истории «чувство близости и солидарности», называл «инстинкт солидарности» той «творческой силой», которая вызвала к жизни коллективистские формы человеческого общежития. Нация же рассматривалась им как «неизбежная, неустранимая форма, в которой проявляется развитие человечества». Она вечна, «выходит за всякие исторические границы», является игрой «слепых стихийных сил», результатом действия «инстинкта самосохранения».

По мнению Грушевского, украинский народ — «этнографическая и национальная особь» со своими «психофизическими свойствами», некая «народность-демократ» в отличие от «народностей-аристократов». По существу, идеи Грушевского были призваны обелить украинское кулачество и помещиков. Изображая «своих» кулаков и помещиков «демократами», он стремился маскировать их стремление завладеть внутренним рынком сбыта, после свержения абсолютизма в России повернуть революционную энергию масс на завоевание куцей автономии Украины.

Предназначение этих и подобных им «теорий» — затушевать классовые противоречия внутри украинской нации, обосновать мифическую общность интересов всех ее социальных слоев, подменить социально-классовую борьбу борьбой за пресловутый «общеевропейский идеал» на путях реформизма. Эти «изыскания» явились еще одним наглядным подтверждением того факта, что буржуазия любой нации всегда заинтересована в том, чтобы выдать свои эгоистические классовые интересы за общенациональные, чтобы подчинить себе «свой» пролетариат и противопоставить его рабочему классу других наций. Разоблачая эти устремления буржуазии в национальной области, В. И. Ленин учил оценивать любое национальное требование «под углом классовой борьбы рабочих»,

указывал, что борьба с эксплуатацией требует независимости пролетариата от национализма⁹.

Имеется бесчисленное множество вариантов концепции так называемого всеукраинского национального солидаризма. Здесь и утверждения об «общеукраинском идеале», и о «братьях по крови и духу», и разглагольствования об «обществе национальной гармонии», где будто бы царит «идиллия счастливых гречкосеятелей». «Украинец является украинцу братом,— утверждалось, например, в изданной в 1939 г. во Львове книге «Толпа, стадо или общество»,— а между украинцами должен властвовать закон взаимной любви и солидарности».

«Национальный солидаризм» предстает также в облике «национального обруча» или «национального монолита». Его сторонники щекочут нервы националистических мещан термином «закованный великан», ублажают «свои» эксплуататорские круги лубочными картинками «гармонии красоты», «братолюбия», «землячества», «традиций отцов», одним словом, «единой украинской семьи», где осуществляется принцип «в своей хате своя правда».

При обосновании солидаристских конструкций «теоретиками» украинского буржуазного национализма активно использовались имена выдающихся деятелей украинской культуры. Извращая, например, творчество И. Франко, буржуазно-националистические дельцы пытаются сделать его чуть ли не певцом «всеукраинского солидаризма», ибо, дескать, ему всегда «виделся закованный гигант», т. е. нация как «целостность, без деления на классы и сословия». Пламенный революционер представляется неким «проповедником любви к ближнему и глашатаем абстрактного самостийничества» (С. Ефремов).

«Адепты солидарности» пытаются изобразить Т. Шевченко сторонником реформистских взглядов, мирного урегулирования отношений между враждующими классами, ибо, дескать, «у него все только земляки» (С. Смаль-Стоцкий), будто он за гармонию между «избранными» и «черною» во имя «общенациональных интересов» (Н. Костомаров), за абстрактное «братолюбие», которое, дескать, «стимулирует свободу» (А. Огановский). Шевченко изображается далее чуть ли не глашатаем все того же «национального единства» (В. Барвинский), «уважения к строю господствующих людей, бога, послушания старшим» (Г. Цеглинский).

Как бы отвечая современным буржуазно-националистическим «солидаристам», в послании «И мертвым, и живым...» Шевченко писал:

«...А гвалту! А крику!
И гармония, и сила,
Музыка — и полно!
А история! Поэма
Народности вольной!»¹⁰

Пытаясь «очистить» творчество Леси Украинки от «большевистской скверны и... мужицкого пафоса», буржуазно-националистические авторы И. Евшан, Д. Донцов, а ныне Л. Одарченко, В. Шаян, И. Пеленская замалчивают социальный протест, выступления против классовой несправедливости, присущие ее творчеству. Даже «памятник Лесе Украинке в Кливленде (США)... — пишет прогрессивный украинский общественный деятель, племянник поэтессы Ю. Косач, — изображает не поэтессу-революционерку, гневного борца за освобождение трудового народа во всех странах, а прилизанную католическую святошу в стиле монашки Терезы из Аквила, которая, сложив ручонки и держа в них розу, должна быть символом покорности перед всеми великими мира сего, с ангельским терпением принимать зло, ущемление, угнетение»¹¹.

Для националистических горе-теоретиков Марко Вовчок — описательница «сгибания под тяжестью жизни», И. Нечуй-Левицкий — выразитель «идиллии счастливых хлебопашцев», В. Стефаник — «сентиментальный стоик», который «наделял мечтательными пиететами добро, как и зло, без разницы».

Глубоко был прав украинский революционный демократ П. Грабовский, который писал: «В представлении наших историков и в особенности литераторов и драматургов Украина как была, так и есть абстракция, выдумка; эту абстракцию создал господский патриотизм — реальный (с точки зрения господствующих сословий) и книжный (с точки зрения идей), одинаково вредный как подлинно украинской справе, так может еще более — насущным интересам народных масс»¹². И «воля» и «вера отцов» у каждого класса были свои, продолжал Грабовский. Говорить о том, что все национальные слои украинского народа «были охвачены едиными мыслями и стремлениями, одинаково боролись за укр[аинскую] идею — значит тешить себя... сказками, закрывать глаза на

события действительной жизни, затыкать уши, чтобы не слышать голоса науки и разума»¹³.

Показательна эволюция концепции «украинского национального солидаризма», которая трансформируется в модель «гармонии» между «покорным мужиком» и «своим», доморощенным «добрым паном», любящим украинскую наливку, вареники, галушки и сало. Появились также откровения о «милосердном» сосуществовании антагонистических классов, о «межклассовом компромиссе» на украинской этнографической территории, об уважении частной собственности как основы пресловутого «украинского солидаризма». Фундаментом существования «здорового украинского организма», указывалось в изданной во Львове в 1936 г. книге буржуазно-националистического автора С. Барана «Народ без земли — рыба без воды», является все та же частная собственность, «которая должна быть неприкосновенной». Именно она принесет, дескать, «мир и порядок» украинскому народу.

Ни М. Грушевский, ни его последователи не были оригинальными в своих умозаклучениях. По существу, концепция «украинского национального солидаризма» была эпигонским творением, впрочем, как и вся идеология украинского буржуазного национализма. Взятые на вооружение украинскими буржуазно-националистическими «теоретиками» солидаристские концепции должны были, по их замыслу, стать преградой для распространения идей пролетарского интернационализма, обеспечить полное подчинение рабочего класса, трудящихся интересам «своей» национальной буржуазии. Циничные антинародные откровения буржуазно-националистических адептов были рассчитаны, разумеется, на узкий актив, по их словам, на «соль» нации. А для широкого обихода пускались в оборот разглагольствования об Украине-«монолите», все том же «национальном обруче», стягивающем намертво украинский народ и т. п.

Подобную фразеологию использовала одна из наиболее крупных буржуазно-националистических организаций — Организация украинских националистов (ОУН) с центром в Берлине, вставшая на службу разведок и спецслужб фашистской Германии. ОУН прежде всего позаботилась о прикрытии своей антинациональной деятельности псевдонациональными фразами из «арсенала» все того же «украинского национального солидаризма».

«Главным для национализма,— писал один из «теоретиков» ОУН Ю. Вассиян,— является момент национального единства, его безусловное удержание» с тем, чтобы «единство нации становилось бы постоянно основой органической связи между всеми ее разветвлениями»¹⁴.

Отдав дань «общесолидаристским» установкам, ОУН выдвинула свое видение «национального солидаризма», смысл которого заключается в постулате: «не партийность и не классовость, а консолидация, всеукраинскость и интеграция». По сути, такой подход, с одной стороны, был почти дословным перепевом соответствующих гитлеровских бредовых идей, с другой — был направлен на подчинение своему влиянию других буржуазно-националистических группировок, действовавших на западно-украинских землях, оккупированных панской Польшей. Оуновцы также выдвинули лозунг объединения всех классов на солидаристской основе.

На принципах «социального мира» и «украинской солидарности» основывается умозрительно сконструированная догма так называемого нациократического государства «теоретика» ОУН Н. Сциборского. Его последователи в своих политических программах также провозглашают «строй солидарности всех производителей-украинцев» или «солидарное сотрудничество всех социально полезных слоев». Еще на втором так называемом Великом сборе ОУН (1941 г.) был выдвинут принцип построения «самостийной Украины» на основе какого-то «производительного солидаризма». Этот принцип остался неизменным и во всех последующих программных документах украинских буржуазных националистов.

Камнем преткновения для буржуазно-националистических апологетов концепции «национального солидаризма» явился вопрос о сохранении эксплуатации и наемного труда в «нациократической самостийной державе» солидаристского толка. Для того, чтобы как-то завуалировать эту неразрешимую для них проблему, они прибегают к различного рода демагогическим уверткам, призванным скрыть подлинную сущность общественных отношений при капитализме. Так, бандеровский главарь Я. Стецько, провозгласив довольно обтекаемую концепцию «солидаризма труда производительных слоев общества», предлагал вообще предать забвению понятие «наемный труд» и заменить его термином «разный труд». Для этого, считал Стецько, нужно воспитать, по его

словам, у серых работников чувство, что они трудятся не на эксплуататоров, а на благо нации.

При выполнении этого условия, писал Стецько, идея наемного труда отойдет к «либерал-демократическому прошлому». Необходимо только, мол, внушить стоящим на низшей ступени иерархической лестницы капитализма производителям, что они являются образцом служения нации. Это необходимо сделать из опасения, что «рабу дало меч в руки отрицание в человеке человека»¹⁵.

В этих рассуждениях Я. Стецько кроется ключ к пониманию концепции «украинского солидаризма» как буржуазно-националистической концепции, призванной под прикрытием деклараций о «классовой гармонии» на «родной почве», о «служении нации» навязать украинскому народу капиталистический строй. Выдвинув реакционную и утопическую идею единения эксплуататоров и эксплуатируемых в рамках одной нации, украинские буржуазно-националистические «теоретики» вынуждены объявить и об их формальном «равенстве» в капиталистической «самостийной Украине». В чем же заключается это «равенство»?

Сторонник «национального солидаризма труда», один из оуновских главарей М. Орлик писал о равенстве всех «перед обязанностью труда». Выходит, что «труд» капиталиста по выколачиванию прибыли из рабочих и труд наемного рабочего, обогащающий капиталиста, делают их равными в «самостийной державе». В свою очередь, программный документ ОУН «Наши цели», отметив, что конечной целью борьбы украинских националистов является «строй солидарности», «идеотрудократия», «пообещал» установление «равенства» для всех «при жизненном старте».

Однако в мире, где правит капитал, всегда были и остаются два противоположных полюса — пролетариат, создающий общественное богатство, и буржуазия, живущая за счет труда рабочих. Не было, нет и не может быть равенства при «жизненном старте» для детей рабочего и капиталиста. Разоблачая националистические посулы «равенства» в «самостийной державе», прогрессивный молодежный журнал «Сяйво» писал: «Кто в этой Украине националистов будет сверху?.. Если немного покопаться не в названии, а в содержании национализма, то получится, что национализм — это буржуазная идея, что

«самостийная соборная Украина» националистов — это золотой интерес для буржуазии и враг рабочих и крестьян».

Марксизм-ленинизм учит, что объективной предпосылкой установления социального равенства является уничтожение частной собственности на орудия и средства производства и разделения общества на антагонистические классы. Этот процесс начинается с победы социалистической революции. А буржуазная демократия под видом равенства провозглашает, по словам В. И. Ленина, «формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы»¹⁶.

«Солидаризм» исповедовало и так называемое «Украинское национальное объединение» (УНО) — националистическая антисоветская организация, действовавшая в 30—40-е годы в Закарпатье. Она выдвинула «модель» общества пресловутого «солидаризма» в таком варианте: «У нас не будет взаимно враждующих членов — рабочих и капиталистов». Что же тогда будет? «А будет,— указывается в программе УНО,— единый украинский фронт труда, все будут рабочими, один за плугом, другой за станком, третий в лаборатории, четвертый в науке». Словом, будут «не классы, а категории, которые определяет нация»¹⁷.

Капиталисты в результате этой нехитрой манипуляции переквалифицировались в рабочие. А как же тогда быть с помещиками? Не найдется ли и им местечко в обществе «украинской национальной гармонии»? Разумеется, найдется. Рецепт для этого припас один из националистических главарей, правоверный католик, потомственный шляхтич В. Липинский. Заботясь о так милом его сердцу помещичьем сословии, он сконструировал своеобразное понятие украинской нации как «хлеборобского класса», в который включил кроме крестьянства кулаков и помещиков. Именно они составляют основу общества «национальной гармонии». Кулаки, по мнению автора, передадут господам «размах молодецкий и свою буйную силу», а помещики научат кулаков «дисциплине и организованности». Ставилась, таким образом, задача приблизить час, когда помещики и кулаки смогут стать в «решающий момент новыми украинскими господами». В целом помещики, как видим, также вписались в солидаристскую схему как «работающий класс», впрочем, как

и кулачество — старый объект буржуазно-националистических вождельней.

Липинский призвал церковь и духовенство к «большему единству» и сплочению с эксплуататорами. Идею взаимодействия украинского буржуазного национализма и униатского клерикализма он сформулировал как союз «меча и идеи» (религии), «воителей» с их политикой «силы и меча» и церковью с ее «великой мистико-религиозной силой». Общую цель религии и национализма Липинский видел в том, чтобы держать народные массы в «железной дисциплине» и «христианском послушании».

2. ХРИСТИАНСКИЙ СОЛИДАРИЗМ УНИАТСКОГО ТОЛКА

Буржуазно-националистическая концепция «национального солидаризма» была положительно воспринята униатскими клерикалами, поскольку она вписывалась с определенными оговорками в их вариант «солидаристского общества», разумеется, католического толка. Его смысл заключается в том, что существует, дескать, естественная солидарность человеческих отношений, солидарное развитие всех людей на основе «вспомоществования слабым», «справедливости», «всеобщей взаимной любви».

В то же время «национальный солидаризм» вписался в тезис о «католических нациях» и народах других вероисповеданий («украинец-католик», «эстонец-лютеранин» и т. д.). Налицо совмещение так называемого христианского космополитизма с буржуазно-националистической концепцией «единого потока».

Клерикально-униатский принцип «христианского солидаризма», в свою очередь, оказался родственен буржуазно-националистическому «национальному солидаризму», ибо расширял «обоснование» якобы существующей общности интересов эксплуататоров и эксплуатируемых в пределах уже вселенской «семьи народов», вводил в обиход дополнительные защитные словеса о «единомыслии», «единодушии», «взаимоответственности», «общем благе», «долге всеобщей любви» и т. д.

Повторяя в своих посланиях идеологов католицизма, униатские клерикалы заявляли, что человечество не может жить без частной собственности — этой опоры пресловутой «солидарности всех». «Нарушать право частной собственности — это вещь безбожная», «Не возжелайте

чужого добра, терпите», «Любите ближнего, богатого и все окупится» — призывал митрополит А. Шептицкий свою паству, пытаясь приучить ее к покорности и послушанию. Поэтому революционные выступления трудящихся масс западноукраинских земель он расценил как дело «морально злое, которое противоречит божьему закону и поэтому для нашего народа вредное»¹⁸.

Так называемые общерелигиозные интересы, религиозная солидарность нации вписывались таким образом в концепцию «национального солидаризма», помогая заглушевывать классовые противоречия в капиталистическом мире, обосновывать классовое сотрудничество не только на национальной, но и на религиозной почве. Прогрессивный молодежный журнал «Сяйво» писал в 1930 г., что украинские буржуазные националисты вкупе с униатскими клерикалами не только «прикидываются защитниками трудящихся масс, но и убеждают их, будто бы украинской буржуазии совсем не существует».

Апологетика капиталистических порядков со стороны униатской церкви была обусловлена тем, что она сама владела громадными земельными наделами и капиталами. Защищая и свою собственность, греко-католическая церковь была надежной опорой буржуазии и помещиков в эксплуатации трудящихся. Не случайно Шептицкий поднял целую кампанию против, по его словам, «удара, нанесенного нашей церкви», т. е. против Декларации Народного Собрания Западной Украины (октябрь 1939 г.) о конфискации земель помещиков, монастырей, крупных государственных чиновников. Униатские душпастыри не могли примириться с тем, что декреты Советской власти лишили их земель, промышленных предприятий и банков. В газете «Лемко», которая издавалась в США для украинцев-эмигрантов, в марте 1940 г. было помещено «Письмо православного священника», в котором рассказывалось, что по приказу Шептицкого священники должны были читать в церквях молитву, составленную митрополитом. Она была проникнута антисоветским духом, угрозами в адрес галицких «вероотступников», которые сами «стали хозяйничать в стране».

Идею «национального солидаризма» украинские буржуазные националисты вкупе с униатским клиром пытались протащить в жизнь путем создания разного рода «бесклассовых» украинских кооперативов и объединений, «демократических», «крестьянских» организаций,

руководимых националистами и униатами, популяризируя через них идеи «национальной гармонии» («Народная торговля», «Союз украинских кооператоров», страховые компании «Днестр», «Земельный банк ипотечный», «Союз украинских купцов», «Союз украинских хлеборобов», «Сельский хозяин» и др.). Это были организации спекулятивного толка, которые превратили кредитование украинского сельского населения в орудие капиталистического грабежа.

Показательно, что такие буржуазно-националистические главари, прикрывающиеся личиной «украинских демократов», как К. Левицкий, А. Луцкий, И. Павловский, сами были фабрикантами, владельцами крупной недвижимости, помещиками. «Наши «родные» господи-директора показывают,— писала в 1931 г. прогрессивная газета «Сель-Роб»,— что они не хуже других капиталистов умеют грабить и эксплуатировать рабочих, урезая им и без того мизерный заработок... А наши ундофашистские * господа, которые так много кричат о национальном единстве, хотят украинского рабочего держать как собаку на цепи».

Крупным землевладельцем и «украинским кооператором» была униатская церковь. По статистическим данным за 1925 г. в руководящих органах кооперативов было около 25 % униатского духовенства, 70 % общей суммы акций «Земельного банка ипотечного» принадлежало самому митрополиту А. Шептицкому. «Украинские попы,— как писала в августе 1930 г. коммунистическая газета «Сила»,— являются составной частью лагеря западноукраинской буржуазии. Это нужно понимать не только так, что все без исключения поповство находится политически в лагере буржуазии, но и так, что поповство... составляет довольно значительную часть хозяйственного основания (экономической базы) украинской буржуазии». Достаточно сказать, что в 1935 г. церквам, костелам и монастырям во Львовском, Станиславском и Тернопольском воеводствах принадлежало около 220 тыс. гектаров земли.

* УНДО — «Украинское национально-демократическое объединение» — буржуазно-националистическая партия, выразитель интересов западноукраинской буржуазии. Возобновила свою антисоветскую деятельность за рубежом в 1948 г., входит в состав так называемой УНРады — самозванного «всеукраинского парламента, или «правительства в изгнании».

Общность классовых интересов делала клерикально-националистических «солидаристов» активными защитниками частной собственности, буржуазных порядков, закоренелыми врагами трудящихся масс, прогресса и демократии.

В социально-политическом аспекте доктрина буржуазного реформизма, которую проповедовали униатские клерикалы и украинские буржуазные националисты, полностью соответствовала идее так называемого клерикального корпоративизма, который якобы воплотил в себе какое-то «совершенное равновесие» между трудом и капиталом. Каковы же аргументы? Хотя бы такого рода: «убогие и богатые не являются врагами по природе, капитал и труд не находятся в обществе во взаимных противоречиях». А раз это «доказано», то, согласно все той же «природе вещей», выходит, что «неодинаковые общественные слои, подобно частицам человеческого организма, обречены не на взаимную борьбу, а на согласованное сотрудничество». По этому поводу митрополит А. Шептицкий совершенно четко заявлял, что в «общественно-экономической политике стоим на позициях сохранения социальной гармонии, со всей решимостью осуждаем идею классовой борьбы»¹⁹.

Униатская модель корпоративизма также базировалась на каком-то «гармоническом обществе», в котором «солидарно» сотрудничают «все звания, специальности и профессии с местной и центральной властью» и, естественно, церковь, которая якобы стоит «на страже святых прав рабочих».

Потуги униатских душпастырей пришлись по вкусу буржуазно-националистическим верховодам. Газета «Український голос» так оценила их вклад в «солидаристскую акцию»: «Мы (украинские буржуазные националисты.— Ю. Р.) видим в церкви важную общественную институцию, полезную и необходимую». А Донцов, претендовавший на роль «вождя» украинского буржуазного национализма, писал, что «взаимопонимание с церковью для новейшего национализма не менее необходимо, чем церкви... взаимопонимание с национализмом».

В послевоенный период другой буржуазно-националистический авторитет, мельниковский главарь О. Штуль, откровенно заявил: «если бы у нас не было греко-католиков, то их следовало бы придумать», ибо они являются «неоцененным еще окном в западный мир»²⁰. Бандеров-

ский журнал «Визвольний шлях» в 1982 г. поставил задачу «более органично» объединить «воедино патриотическую, национально-освободительную идею (идеологию украинского буржуазного национализма.— Ю. Р.) с христианской» (униатским клерикализмом.— Ю. Р.). Клерикальная газета «Християнський голос» (июль 1977 г.), в свою очередь, призвала к укреплению союза «самостийництва» с «родной национальной церковью», ратуя за «сотрудничество, добрые взаимоотношения, содействие одной общности другой, их взаимодополнение и гармоническое сожительство».

Концепция так называемого национального солидаризма как бы поглотила буржуазно-националистический догмат о «классовой гармонии», который фактически совпадал с клерикальным догматом о «социальном мире». Произошло взаимопереплетение понятия национального солидаризма с понятием христианского солидаризма, их фактическое слияние. Это отражало общую линию католицизма на приспособление своей идеологической и практической деятельности к идеологии и политике национальной буржуазии, его стремление придать буржуазно-националистической «ортодоксальной» доктрине солидаристского толка бóльшую «весомость» с помощью «аргументов», обосновывающих религиозное единство на национальной почве под ширмой мифических «католических наций», «общехристианского солидаризма».

Демагогический лозунг «своя нация превыше всего» как квинтэссенция «национального солидаризма» заинтриговал и верхушку униатского клира. Она попыталась использовать его для более «органического» выхода на национальные проблемы с тем, чтобы подключить униатскую церковь к паразитированию не только на религиозных, но и на национальных чувствах и придать своей проватиканской деятельности псевдонациональную форму как «сугубо украинской» религии. Важно было лишь сохранить «незапятнанность» догмы «Христос превыше всего!» в противовес такому же демагогическому националистическому лозунгу «Украина превыше всего!». Униатские клерикалы взяли в качестве «исходного пункта» своей политической программы буржуазно-националистический лозунг об «обособленности украинцев». Цель этой операции — подчинить себе национальное самосознание, клерикализировать национальную жизнь украин-

ского народа, «форму национальности заполнить клерикализмом».

Обращение украинских буржуазных националистов к униатскому клерикализму было продиктовано их стремлением воспользоваться католическим толкованием «национального», которое отражало некие абстрактные национальные «общесолидарные» интересы, с целью создать дополнительные иллюзии о тождестве интересов национальной буржуазии со «своей» нацией, «своим» народом.

Католическая, в том числе униатская, клерикальная концепция по национальному вопросу не отличается по своему существу от буржуазно-националистической. Клерикализм так же, как и буржуазный национализм, пытается отрицать то, что нация сформировалась под воздействием классовых отношений в обществе. Подобно национализму, католицизм пытается показать, с одной стороны, индифферентность нации по отношению к классам, а с другой — классовую гармонию в лоне «единой» нации. Таково предназначение разглагольствований о «нерасторжимом единстве» украинской нации. Лозунги национального единства на конфессиональной почве и конфессионального единства на национальной почве взаимно питают как буржуазный национализм, так и клерикализм. Разница заключается лишь в примате национальных (национализм) или религиозных (католицизм) начал.

Униатские клерикалы в конечном счете признали нацию «своеобразным демиургом» общественного развития, впрочем при условии, если она будет признана продуктом божественного творения. Иначе говоря, «отступление» униатских клерикалов от католических канонов имело чисто символический характер, ибо речь шла все о том же смещении национальной и религиозно-клерикальной принадлежности («украинец-униат»), хотя и с полной подменой классового национальным, а национального религиозным, что привело в дальнейшем к разжиганию религиозно-фанатических и националистических страстей, отрицанию дружбы народов и гуманизма.

Разумеется, взаимоотношения униатской церкви с украинскими буржуазными националистами не всегда были однозначными. «Расхождения» проявились, на наш взгляд, в двух плоскостях. Во-первых, униатских иерархов несколько коробила излишне откровенная антина-

родная направленность деятельности «самостийников», их ничем неприкрытые варварские методы борьбы против украинского народа. Во-вторых, для них важно было решить, кто же возглавит «освободительные состязания», т. е. кто возглавит реакционные круги на западноукраинских землях в их борьбе против интернационального единства трудящихся. Униатские идеологи преследовали цель «приручить» украинских буржуазных националистов, добиться от них поддержки проваतिकанских, пробелопольских устремлений с тем, чтобы пользоваться покровительством государственного аппарата буржуазной Польши. «Критикуя» буржуазно-националистических «собратьев», униатский епископ Г. Хомишин писал: «...национализм хочет, чтобы епископы то делали, что он диктует, чтобы священники шли под его руководством. А кто не хочет ему подчиниться, тот будет считаться не своим, а чужим, более того — врагом народа». Именно поэтому раздраженный епископ квалифицировал подобного рода национализм как «фальшивый». Далее Хомишин, отражая взгляды униатской верхушки, назвал сам национализм «извращенным и нездоровым», поскольку он якобы «извращал порядок, божьим правом установленный».

Однако такая «критика» не раскрывала, да и не пыталась раскрыть, социально-классовую сущность национализма. Речь шла лишь о том, кому же следует отдать главенствующую роль: религии или национализму, униатским клерикалам или украинским буржуазным националистам. По мнению иерархов греко-католической церкви, необходимо было значительно усилить влияние церкви на все стороны жизни трудящихся с тем, чтобы националистический лозунг «нация прежде всего» не вытеснил бы из сознания людей догматов униатской церкви. В словесной перепалке это проявилось в утверждениях униатских иерархов, что «бог стоит выше нации».

«Междоусобицы» между униатским клиром и буржуазно-националистическими главарями отражали стремление первых единолично занять доминирующее положение в обществе, подчинить себе национальные интересы украинского народа, их патриотические чувства. «Не интересы церкви должны подчиняться интересам нации (читай: буржуазного национализма.— Ю. Р.),— писал епископ Г. Хомишин,— но интересы нации должны подстраиваться

под церковь, ибо только тогда интересы нации будут целенаправленны и позитивны».

В свою очередь, буржуазно-националистические заправилы, отвечая на обвинения, что национализм является «извращенным и нездоровым», выступили с «обвинением» униатской церкви в том, что она будто бы игнорирует «основополагающий» лозунг украинского буржуазного национализма о «самостийной Украине», лозунг, с помощью которого «свой» доморощенный солидаризм, дескать, «возвышается над капитализмом и над социализмом».

Особо следует сказать об отношении униатских клерикалов к оуновцам, рвавшимся к безраздельному влиянию на западноукраинских землях. А. Шептицкому вначале не хотелось обнаруживать духовную опеку униатского клира над ОУН, тем более что последняя без всякого стеснения афишировала свою причастность к гитлеровским спецслужбам. Мечтая получить «самостийность» из рук фашистов, оуновские главари обязывались превратить Украину в аграрный придаток фашистской Германии. О том же мечтал и Шептицкий.

В униатской печати была затеяна полемика духовно-нравственного характера с оуновцами с тем, чтобы скрыть свою солидарность с ними. Причем, полемика длилась ровно столько, сколько подобного рода полемику вел Ватикан с гитлеровцами. Вслед за признанием католическим епископатом Германии нацистского режима униатский клир выступил с заявлением, что «украинский национализм не является каким-то исключением... что он родной брат всех европейских национализмов» и именно поэтому с ним следует полностью «породниться». Этим самым униатская церковь закрепила факт придания украинскому буржуазному национализму религиозного смысла.

Буржуазно-националистические верховоды пошли еще дальше. Продолжая отстаивать примат национального над классовым, они считали религию важнейшим элементом нации. Добившись от националистических авторитетов признания «зависимости» от религии самой «сущности нации», униатские идеологи, в свою очередь, освятили нацию как исходную и конечную правду националистической религии.

При таком подходе ревностный католик Д. Штыкало, по его словам, с «чистой совестью» констатировал:

«Нация — это наивысшая органическая человеческая общность. Нет национализма без нации и нет нации без национализма». Националистические борзописцы тут же отплатили «сторицей», «обосновав» постулат, так желательный для клерикалов: «украинская нация отмечена печатью божьей». Словом, полное взаимопонимание двух реакционных сил, тесно сомкнувшихся в отстаивании солидаристского мифа о «гуманизме христианской человечности», воплощенного, в частности, в церкви и украинском буржуазном национализме.

Появляется общий демагогический лозунг «За Христа и Украину», обосновывается единство христианской, точнее — униатской идеи с «всеукраинской», точнее — оуновской идеей, все более входит в оборот и закрепляется понятие «христианский национализм», что отражало дальнейшую интеграцию униатской церкви и буржуазно-националистического лагеря на основе клерикального антикоммунизма, фашизма. В конечном итоге была выработана общая установка, воплотившаяся в лозунге «к нации через религию и национализм». Эта установка отражала собой дальнейшее укрепление союза украинского буржуазного национализма с униатским клерикализмом на основе клерикализации самого национализма и политизации униатской церкви.

Буржуазно-националистические и церковные авторы приложили немало сил для наполнения понятия нации религиозно-мистическим содержанием, без которого будто бы нельзя говорить о принадлежности человека к определенной нации. Единственными и подлинными признаками национальной общности объявлялись разного рода вымышленные категории или изобретались надуманные критерии, цель которых — обосновать все тот же «национальный солидаризм». Те или иные клерикально-националистические концепции нации являлись концептуальным отражением абсолютизации национальных черт, мистификации национального сознания в условиях капитализма, с одной стороны, и попытками «универсализации» коллизий и противоречий на национальной почве — с другой.

Униатский клир открыто присоединился к оуновскому «видению» пресловутой «самостийной Украины», общественное устройство которой с позиций «украинского солидаризма» базировалось бы на принципах корпоративного государства фашистского типа.

Корпоративизм представляет собой преобразование профессиональных союзов фашистских государств в отраслевые корпорации, как бы «объединяющие» лиц наемного труда и предпринимателей, разумеется, в интересах последних. Основным его принципом, сконструированным в полном соответствии с общесолидаристским духом, является буржуазное требование «делиться не на классы, а на корпорации». Этот лозунг был призван усыпить сознание трудящихся пропагандой мнимого равенства хозяев и работников в тех или иных корпорациях, находившихся на деле под полным контролем представителей капитала и фашистских чиновников.

В фашистской Италии, например, во главе 22 корпораций, соответствовавших различным хозяйственным отраслям, стоял Национальный совет корпораций, в который входили капиталисты, крупные землевладельцы, торговцы, представители фашистской партии и немногочисленные представители трудящихся. Принцип выборности был полностью упразднен, правительству было предоставлено право назначать членов Национального совета. Фашистская партия гарантировала преобладающее влияние эксплуататоров как в самих корпорациях, так и в Национальном совете.

В фашистской Германии профсоюзные организации трудящихся также были упразднены, а вместо них был создан так называемый «Немецкий рабочий фронт», куда с целью его превращения в орган классового сотрудничества были включены организации предпринимателей. Патроном «Немецкого рабочего фронта» стал Гитлер, а руководителем был назначен нацистский функционер Лей.

Промышленники фашистских государств видели в корпоративизме организацию, выполняющую функцию защиты их интересов. Со своей стороны, фашизм объявлял предпринимателей «истинными представителями нации», дескать, заботящимися о ее процветании, и предоставлял им полную свободу действий в своей области. В так называемой Хартии труда, принятой Большим фашистским советом Италии, указывалось, что «корпоративное государство смотрит на частную инициативу в области производства как на наиболее действенное и наиболее полезное для интересов нации орудие»²¹.

Идея корпоративной системы, объединяющей «по профессиональным интересам» угнетателей и угнетенных

с целью достижения классового мира между ними, не была изобретением фашизма. Одним из источников фашистского корпоративизма как концепции «классового сотрудничества» стала социальная идеология клерикалов. Именно корпоративная система должна была стать основой возрождения «христианского общества», обеспечив «мирное сотрудничество» между капиталистами и рабочими, чуть ли не «социальный прогресс». Рабочие по этой системе не имели права создавать свои профсоюзы, вести борьбу за улучшение условий труда и т. д.

Приоритет в воплощении данной идеи в жизнь, бесспорно, принадлежит фашизму. Более того, корпоративизм обязательно предполагает существование тоталитарного государства фашистского типа. Как указывал П. Тольятти, корпоративизм «неразрывно связан с фашистским государством, неотделим от него... Корпоративизм немыслим без существования фашизма как политической диктатуры, без существования фашистской партии как орудия этой диктатуры»²².

Корпоративная система должна была, по мысли фашистских лидеров, укрепить скомпрометированный в глазах трудящихся капитализм. Муссолини и Гитлер неоднократно демагогически заявляли, что корпоративизм является «социальной революцией», означающей гибель капитализма и наступление эры какого-то народного господства. Фашизму необходимо было также противопоставить эту модель «классового сотрудничества» социалистической системе ведения хозяйства, уже после первой советской пятилетки продемонстрировавшей свои гигантские возможности.

Корпорации изображались идеологами фашизма надклассовыми организациями, призванными «объективно» разрешать производственные конфликты и претворять в жизнь идеи «социальной справедливости». Они должны были демонстрировать в глазах народа видимость подчинения интересов буржуазии интересам государства. На деле же фашизм, будучи сам орудием господства монополистического капитала, никогда не покушался да и не мог покушаться на священный для него принцип частной собственности.

Украинские буржуазно-националистические псевдо-теоретики, взяв на вооружение социально-экономические и мировоззренческие концепции фашизма, полностью восприняли идею общественного устройства фашистского

корпоративного государства. Так, один из идеологов украинского буржуазного национализма Я. Старух, говоря о пресловутой «самостийной Украине» «без холопа и пана», призывал создать ее «модель» по образцу фашистских германского и итальянского государств, где народы, как пишет он, «вышли из упадка и выросли до небывалого значения»²³. Другой оуновский «авторитет» М. Орлик призвал более конкретно использовать «опыт корпоративно-синдикалистского порядка и национально-сословного устройства Германии» в создании корпораций в соответствии с такими хозяйственными отраслями, как промышленность, земля, торговля²⁴. Главная цель таких заявлений — подрыв классового единства и пролетарской солидарности, размежевание трудящихся в угоду эксплуататорским классам.

Идеи фашистского корпоративизма взялась усиленно пропагандировать и униатская церковь, пытаясь с незначительными поправками включить их в «модель» галицкого «солидаристского национального организма». Акцентируя внимание на том, что корпоративный «строй завела у себя фашистская Италия», униатский богослов Н. Конрад откровенно писал: «...корпоративный строй устраняет классовую борьбу и осуществляет естественный солидаризм между индивидами, классами и общими интересами граждан»²⁵.

Не отказываются от фашистского корпоративного образца «самостийной державы» и сегодняшние буржуазно-националистические авторы. Правда, они вынуждены учитывать, что прямая ссылка на фашизм оттолкнет от них граждан украинского происхождения. Поэтому буржуазно-националистические псевдотеоретики пытаются протащить фашистские идеи, не указывая источника, из которого они черпают «свои» реакционные концепции. В точном соответствии с практикой фашизма бандеровский главарь Я. Стецько предлагал объединяться «в профессиональные организации по территориальному принципу и по отраслям производства». Один из современных националистических «теоретиков» М. Трихрест в свою очередь считает, что «национальные общности могут делиться только по различным профессиям, родам и видам исполняемых их членами обязанностей». Это, по его мнению, «устранит какую-либо почву для деления общества на классы или группы эксплуататоров и эксплуатируемых».

Таким образом, буржуазно-националистические и клерикальные концепции в этой области в сущности ничем не отличаются от теории и практики фашизма. Начав с реакционных постулатов П. Кулиша, Н. Костомарова, М. Грушевского, националистические псевдотеоретики пришли к восприятию буржуазных идей солидаризма. С появлением фашистских государств в Европе украинские буржуазно-националистические идеологи переключились на конструирование схем общественного устройства «самостийной Украины» на солидаристских началах в виде фашистского корпоративного государства.

Обращение националистических «теоретиков» к фашизму как к эталону воплощения солидаристских идей отражало их надежды на то, что именно фашизм сможет обеспечить полное господство буржуазии над народными массами. Им импонировала возможность изображения корпоративной системы — обязательного компонента и верного орудия фашистской диктатуры — как организации «классового мира», якобы созданной в интересах всех классов и социальных групп. Солидаристский принцип бездумного выполнения идущих свыше приказов, воплощенный «в обязанность выполнения общественного долга», по замыслу клерикально-националистических идеологов, должен быть направлен на создание авторитарного фашистского государства со «своим» фюрером во главе. Этот образец общественного устройства преследовал цель — реставрацию капитализма на Украине.

3. СИОНИСТСКИЙ ВАРИАНТ КОНЦЕПЦИИ «НАЦИОНАЛЬНОГО СОЛИДАРИЗМА»

По сравнению с христианским сионистский вариант концепции «национального солидаризма» имеет свои особенности. Согласно последнему, еврейство — это сплоченное сообщество всех евреев со всеобщим единством, стойким национальным согласием и т. д. При этом используется иудаистская конструкция солидаристского толка, в соответствии с которой евреи, независимо от того, где они живут, к какому классу принадлежат, составляют «одну душу». Собственно говоря, этот догмат и лег в основу сионистской конструкции о еврействе как о «неразрывной суперорганизации», «экстерриториальной духовной еврейской нации», «всемирной еврейской

нации», которая, мол, и выражает существо еврейского «общенационального единства».

Заимствуя иудаистские догматы для обоснования «национального солидаризма», сионисты сконструировали нечто путанное, противоречащее логике и данным истории. «Еврейский народ,— писал один из «столпов» сионизма И. Гольдман,— это уникальное явление». Почему же? Дело в том, отвечал автор, что «это одновременно нация, религиозное целое, раса и носитель специфической цивилизации».

Характерно, что сионистский тезис «единения» всех евреев в странах проживания независимо от их классовой принадлежности обосновывается прежде всего двумя аргументами — «извечностью» антисемитизма («общий враг») и общностью религии (иудаизм). Отсюда «общность всееврейских интересов».

Религиозная «исключительность», заложенная в иудаизме, способна породить своеобразный религиозный национализм, который при капитализме превращается в буржуазный национализм. В данном случае этнические рамки религиозного «национализма» и собственно национализма как формы буржуазной идеологии и политики во многом совпадают.

В свое время «праотец» сионизма Т. Герцль, объясняя причины взаимосвязи сионизма и иудаизма, писал: «для пропаганды наших идей нам нечего созывать собрания с их неизбежной болтовней. Эта пропаганда войдет в богослужение как его составная часть»²⁶. Для такого заявления имелись довольно веские основания. Курс на слияние иудаизма с сионизмом отражал стремление еврейской буржуазии любыми путями удержать под духовным гнетом иудаизма трудящиеся еврейские массы.

Выражая установки иудейских клерикалов на достижение тесного сотрудничества с сионистами, «специалист» в области «иудейской философии» Я. Агде прямо поставил вопрос о необходимости во что бы то ни стало «поддержать веру Израиля, которая пошатнулась», прежде всего путем привнесения в нее «духа еврейской национальной принадлежности» за счет все той же догмы «национального солидаризма», отражающей, по мнению сионистских идеологов, «подлинный дух евреев».

Тесный союз сионизма и иудейского клерикализма в странах капитала возник потому, что обе эти силы выступают с одних и тех же классовых позиций и преследу-

ют довольно близкие цели. Стремление примирить эксплуатируемых с системой социального угнетения и несправедливости, лишить их реальных путей освобождения от капиталистического рабства, пропаганда антикоммунизма и активное участие в борьбе против мировой системы социализма — вот что предопределяет союз сионизма и иудейского клерикализма, как и сотрудничество всяких других клерикальных организаций и политической реакции в условиях капитализма.

Как иудейский клерикализм, так и сионизм усматривают в этом союзе средство укрепления собственных позиций: клерикализм — путем использования националистических представлений и попыток совместить национальную и религиозную принадлежность, сионизм — путем религиозного «освящения» шовинистически-расистских доктрин и агрессивной политики Израиля.

К тесной связи, которая существует в капиталистических странах между сионизмом и иудейским клерикализмом, большинство руководителей последнего пришли не сразу. Ранее многие иудейские апологеты не только не ставили знака равенства между религией и сионизмом, но и недвусмысленно отмежевывались от сионизма. Так, в 1885 г., т. е. за двенадцать лет до I сионистского конгресса в Базеле, иудейские раввины — сторонники реформистского направления в иудаизме (в современном иудаизме существуют четыре основных направления: ортодоксальное, реформистское, консервативное и реконструкционистское) объявили: «Мы не считаем себя нацией, а являемся религиозной общиной. Поэтому мы не ожидаем ни возвращения в Палестину, ни возрождения законов еврейского государства»²⁷. Аналогичное заявление реформистские раввины сделали на своем съезде в 1911 г., который осудил любое движение в еврейских общинах на нерелигиозной почве, создающее впечатление, будто евреи являются государством в государстве.

В течение определенного времени бóльшая часть ортодоксальных раввинов также отвергала сионистские идеи. Однако в отличие от идеологов реформы иудаизма они исходили из библейского мессианизма, связывавшего восстановление «еврейского государства» не с усилиями людей, а с приходом божественного посланника — мессии.

Существенной причиной, приведшей иудейских клерикалов к союзу с сионизмом в эпоху империализма, наряду

с главным фактором — нарастанием и консолидацией сил реакции — стал кризис иудейской религии. Будучи одним из выражений общего кризиса капитализма, кризис иудаизма, как и всякой другой религии, имеет свои специфические особенности, одна из которых — ассимиляция еврейского населения, расселенного в среде больших национальных структур и постепенно сливающегося с ними. Эти обстоятельства подтолкнули иудейских клерикалов к сотрудничеству и союзу с сионизмом, который стал противопоставляться ассимиляции как средство «сохранения» как евреев, так и иудаизма. Союз иудейской религии и сионизма с самого начала облегчался еще и тем, что главный постулат идеологии сионизма — расистский тезис о существовании «мировой еврейской нации», наделенной к тому же «исключительными» особенностями, — легко увязывался с одним из основных догматов иудаизма о «богоизбранности» евреев.

В 1937 г. в «Декларации принципов», принятой реформистским иудаизмом, который дольше других направлений иудаизма сохранял оппозицию к сионизму, была признана идеология последнего и, в частности, сионистская идея изоляции евреев в собственном государстве на «земле предков». Идеологический союз иудейского клерикализма и сионизма был закреплен организационным сращиванием иудейских клерикальных организаций с Всемирной сионистской организацией (ВСО). На сессии Генерального совета ВСО в январе 1976 г. исполнительный директор «Всемирного союза прогрессивного иудаизма» (международный орган реформистского направления) раввин Р. Хирш объявил об окончательном присоединении своего союза к ВСО и сформулировал кредо клерикалов-реформистов: «Для нас, — сказал он, — сионизм есть аутентичное выражение иудейской религии, суть сионизма и иудаизма является единой»²⁸.

О присоединении к ВСО заявили и консерваторы. Сначала такое заявление было сделано «Объединенной синагогой Америки» — организацией религиозных общин консервативного направления в США и Канаде, а затем «Всемирным советом синагог» — международным органом консервативного иудаизма. Несколько позже к ВСО официально присоединились и клерикальные организации ортодоксального иудаизма.

Если в идеологическом плане иудейский клерикализм пришел к выводу о необходимости союза с международ-

ным сионизмом в конце 30-х годов, то сионизм искал сближения с иудейской религией со времени своего возникновения. Сионисты хватались и хватаются за иудейскую религию, пытаясь выдать ее за критерий «национального самосознания», а следовательно, за доказательство существования «всемирной еврейской нации».

В целом же сионистский вариант «национального солидаризма» предусматривал территориальное отделение евреев от других народов, что объяснялось «естественной необходимостью» оградить евреев от ассимиляции для выполнения ими библейской «мировой миссии» морального совершенствования человечества. Именно из этого исходила первая (Базельская) программа сионизма (1897 г.), в которой идея «национального солидаризма» была реализована в виде требований о «собрании еврейского народа на его исторической родине в Эрец Израэль» (страна Израилева) за счет «поощрения национального чувства и самосознания».

Сионистский лозунг «возвращения на земли», где будет воплощено «еврейское стремление к социальному согласию», «стойкое национальное согласие» и другие сионистские символы из арсенала «национального солидаризма», выполняют довольно важную социальную нагрузку — проповедают необходимость и возможность решения «еврейского вопроса» в духе «культурно-национальной автономии», создания своего государства с «особой национальной культурой». Причем под фундаментом «еврейской национальной культуры», воплощением «еврейского духа», «еврейской национальной сущности» понимается прежде всего политизированная иудейская религия. Более того, как полагает иудейский клерикал А. Неер, «иудаизм выходит за пределы религиозных границ, вбирая в себя людей, общество, государство, историю, слагаемые которых сугубо светские... Имеются еврейская литература, еврейское искусство, еврейская музыка, еврейская политика, еврейская экономика, еврейская цивилизация, которые составляют одно целое с иудаизмом... даже если они представляют собой антиподы сакрального, даже если вступают в конфликт с ним»²⁹.

Коммунистическая партия Израиля подвергает острой критике теорию и практику сионизма. В документах компартии указывается: «Сионистские идеологи считают, что еврейские трудящиеся должны отделиться от всех

других трудящихся, представителей других народов и создать единый фронт, единую организацию с еврейской буржуазией — своим классовым врагом — для осуществления сионистских целей. Поэтому сионистская теория обязательно должна воспитывать евреев в духе классового мира. Таким образом, сионистская теория приводит к расколу трудящихся на евреев и неевреев и помогает капиталистам вбивать клин между трудящимися на национальной основе»³⁰.

Союз буржуазного национализма с клерикализмом оказался выгодным буржуазии и в том плане, что позволил несколько замаскировать шовинистическую, человеконенавистническую сущность сионизма, разбавляя ее религиозной риторикой. При этом сионистские измышления о «солидарных интересах всемирного еврейства» отталкиваются от реакционных идей о буржуазном обществе как обществе «благоденствия», о буржуазном государстве как воплощении «высшего единства» той или иной нации, осуществляющем ее «солидарные» интересы.

Таким образом, утопические, реакционные идеи, лежащие в основе так называемого национального солидаризма, являются по существу псевдотеоретическим инструментарием для реформистского «улучшения» общественных структур, включая псевдонациональные, псевдонародные рецепты «лечения» капитализма от его социальных недугов, его «гуманизации». Налицо прямое заимствование непролетарских теорий социального переустройства мира за счет вычленения из них наиболее антинародных, чуждых пролетариату элементов, отрицания классовой борьбы и роли рабочего класса, проповеди теории и практики социал-фашизма. В условиях, когда, по словам Г. В. Плеханова, угнетенный класс имел возможность легко убедиться в том, что «его интересы очень сходны с интересами угнетенного класса чужих стран и противоположны интересам господствующего класса его собственной страны»³¹, концепция «национального солидаризма» своим острием направлена против идей пролетарской солидарности, против пролетарского интернационализма.

Характерно, что ныне с помощью пресловутого «солидаризма» фальсифицируется процесс возникновения и развития идеологии и практики пролетарского интернационализма. Он объявляется вообще случайным явлением, навязанным пролетариату извне. «Солидарность

пролетариата, — утверждает, например, буржуазно-националистический автор Р. Драган, — это... миф, зародившийся в голове Москвы». Все дело, дескать, в том, что нация всегда была объединена одним общим интересом, перед которым не устоит международное единство трудящихся³². Ибо, по словам националистического главара Я. Стецько, «у каждого народа существует национальный эгоизм, доминируют национальные интересы». Пролетарский интернационализм, согласно вышеприведенной «жизненной» логике, является «полузабытой суперсилой», которую уже можно списать с исторического процесса³³.

Буржуазия приложила много усилий к тому, чтобы политические принципы национализма воплотить не только в политике, но и включить их в сферу нравственных отношений людей, превратив национализм в моральный принцип. Лозунг «своя нация — превыше всего» по существу является нравственным кредо националистов, правилом их поведения.

Буржуазный национализм и клерикализм стремятся придать «национальному солидаризму» свойства морального принуждения, превратив его в своеобразный инструмент манипулирования сознанием народных масс, создать определенное общественное мнение против пролетарской солидарности. «Национальному солидаризму» приписывается сила морального авторитета. Он используется для насаждения определенного типа поведения людей в сфере национальных отношений.

Анализ конкретно-исторического материала дает основание к выводу о том, что национализм и религию объединяет: внеклассовый подход к общественной жизни, попытки стереть, размыть классовые противоречия; защита мифического «братства» буржуазии и трудящихся в системе так называемого национального солидаризма как средства «компенсации» социальных требований иллюзорными обещаниями. Так острейшая проблема социального и национального освобождения замыкается на националистических иллюзиях и религиозной мистике в интересах денежного мешка. Клерикально-националистическая трактовка общественного развития в том плане, что существование нации (собственно национализма) или религии (собственно клерикализма) снимает проблему классовой борьбы, т. е. ликвидирует антагонизм между классами, полностью вписывается в главную линию эксплуататорских кругов — любыми путями упрятать

поглубже наличие классовых антагонизмов, угрожающих взорвать устои капитализма. Демагогические заявления апологетов от национализма или клерикализма, щедро окрашенные в «национальный» колорит идеями «национальной гармонии», «общенационального единства», направлены на реализацию основной функции буржуазии — подавление трудящихся экономически, политически и духовно.

АНТИНАРОДНОСТЬ КЛЕРИКАЛЬНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ВАРИАНТА «ТЕОРИИ ЭЛИТЫ»

Буржуазная философия и социология пытались и пытаются любыми путями затушевать классовую борьбу между эксплуатируемыми и эксплуататорами, изобразить исторический процесс как неминуемый и вечный антагонизм между биологически «избранными» индивидуумами и «неполноценной» толпой, между «элитой» и массой. По существу, «теория элиты» является попыткой противопоставить Марксовому закону неуклонного возрастания роли масс в истории положение о «естественности» и «вечности» элитарной структуры общества. Противопоставляя «разумный дух» индивидуализма «иррациональному духу» массы, буржуазные идеологи изображают народ носителем «разрушительной стихии», рассматривают революционное движение трудящихся как незаконное и чуть ли не патологическое явление.

В целом буржуазно-националистические авторы ни на йоту не отошли от канонов «теории элиты», которая, выводя социальную дифференциацию из врожденных способностей или связывая ее с какими-либо вымышленными духовными факторами, пытается узаконить социальное неравенство в едином «национальном организме». И дело вовсе не в том, чем объясняется эта «естественная» способность к господству или подчинению — «крепким материалом наследственности, который содержится в хромосомах», или предназначением, или еще чем-то подобным. Сущность таких «объяснений» очевидна: буржуазная социология сознательно затушевывает действительные основы экономического и социального неравенства людей в условиях капитализма.

Основную «нагрузку» в идеологическом арсенале украинского буржуазного национализма несли реакционные элитарные теории А. Шпенглера, Г. Маски, Ж. Сор-

ля и в особенности Ф. Ницше с его шельмованием общественного прогресса, волюнтаризмом и иррационализмом. Буржуазно-националистическая «теория элиты» является в целом заимствованием идей Ницше о том, что главным двигателем исторического развития является будто бы воля к власти «сверхчеловека», который опирается в своих действиях не на разум, а на инстинкт.

Итак, за эталон был взят ницшеанский культ сильной личности, отношение к народу как к «стаду», «черни», отрицание возможности социального равенства в обществе. «Равенство всех,— писал Ф. Ницше,— вопиющее противоречие, ибо при этом выдающимся людям пришлось бы становиться ненужными». Именно так конструировал свое видение «элитарного общества» оуновский журнал «Розбудова нації». Всячески отстаивая привилегии эксплуататорской верхушки, защищая иерархическое общество, т. е. деление общества на «избранников нации» и «серую толпу», журнал утверждал: «Идея равенства людей является... произвольной и опасной... Более того, природа не знает равенства, у нее все различно и отлично, ее законом, как пишет Бердяев, является скорее всего неравенство... требование равенства опасно для общества. Борьба за лучшее место на иерархической лестнице, за влияние никогда не прекратится»¹.

В унисон с оуновцами выступили и униатские клерикалы. Их печатный орган газета «Хата» цинично писала: «Общество таково, каким установил его господь бог, оно состоит из элементов неравных, как неравными являются члены человеческого тела; уравнивание этих элементов невозможно, и тот, кто попытался бы это осуществить, уничтожил бы общество»². Выступление газеты отражало линию на защиту капитализма — оправдать экономическое и политическое неравенство генетическими особенностями индивидуумов. А епископ униатской церкви Г. Хомишин утверждал, что «бог неодинаково наделил людей материальными благами, одним дал больше, другим меньше или ничего не дал, с тем чтобы те, которые имеют много, дали возможность работать у них тем, которые ничего не имеют»³. Так мыслят и другие униатские клерикалы, которые при объяснении исторических процессов полностью исключают категорию «народные массы», подменяя ее понятиями «бог», «христианство», «украинская церковь», а в случае необходимости — «элита».

Общая задача украинских буржуазных националистов и униатских клерикалов состояла в том, чтобы найти аргументы для прикрытия своих неумных притязаний. По словам теолога Н. Конрада, «наказ» XX столетия заключается в том, чтобы «собрать новую, энергичную элиту, поставить ее под начало сознательных и характерных вождей и толкнуть массы к действию, к решительной и победоносной борьбе»⁴. Некоторая обтекаемость высказываний Конрада вполне объяснима. Занявшись поисками «национальных героев», «светил нации», придав этой операции доктринальную окраску, буржуазно-националистический клан не смог избежать своего полного разоблачения, как только дело дошло до наполнения абстрактных формул конкретным содержанием.

Жонглируя понятиями «элита нации» и «враги народа», буржуазные националисты вкупе с униатскими клерикалами сами загнали себя в тупик. «Врагом народа» оказался... сам народ; трудящиеся массы, дескать, не обладают «творческим даром национального разума», у них «холопский разум».

Орган ЦК Коммунистической партии Западной Украины газета «Сила» писала в августе 1930 г.: «Народ... нация... Украина прежде всего»,— кричат, выкрикивают нам отовсюду наши украинские ундофашисты. Что же это такое, к бесу, этот народ, эта нация? По-нашему, это будет так: украинский народ на западноукраинских землях — это несколько миллионов малоземельных и безземельных крестьян и рабочих, это десяток с лишним тысяч попов и кулаков, это несколько тысяч украинских помещиков, панов и подпанков. Такой является украинская нация в целом... Так по-нашему. А по-пански, по-ундовски это будет так: украинский народ — это несколько тысяч украинских помещиков, панов и полупанков, украинский народ — это десяток с лишним тысяч украинских попов, кулаков, украинский народ — это несколько миллионов той голытьбы и черни. Вот такая нация по-пански... Так думают и все «самостийныки украинские»⁵.

Словом, если при конструировании догмы о «национальном солидаризме» обездоленные демагогически включались в пресловутый «национальный обруч», где его «высшие слои» чуть ли не «пеклись» о «судьбах народных», то при очередном «теоретическом» выверте массы изымались вообще из понятия «нация», а «народ-

монолит» превращался в униатско-националистический «монолит» без народа. В 1968 г., как бы подытоживая «изыскания» своих предшественников, буржуазно-националистический журнал «Визвольний шлях» так изложил свое кредо: «Между духом этноса, духом простого люда и духом нации (элиты.— Ю. Р.) существует полная противоположность».

Следует отметить, что предшественники современного украинского буржуазного национализма не заботились о подборе обтекаемых фраз, как бы соревнуясь друг с другом в однозначной негативной оценке так ненавистного им украинского народа.

Еще П. Кулиш назвал украинские трудящиеся массы «диким стадом», «племенем разбойников», «народом без толку и чести». В. Антонович приписывал украинскому народу единственное право — быть отсталым и зависимым от политически более зрелых государств, и прежде всего от Германии. Ни государства, ни языка, ни литературы, ни искусства — ничего в нашем прошлом нет, заявил еще в 1913 г. Н. Шаповал (Сриблянский). Ничего не видел хорошего в делах народных и Д. Донцов, предлагая вообще отречься от, по его словам, «дел отцовских», имея в виду освободительные традиции народа.

Для униатско-националистического альянса «теория элиты» представлялась удобным плацдармом для разговора со своими по душам. Не нужно отныне притворяться, глубоко скрывать свою лютую ненависть к трудящимся массам. Происходит и трансформация символов, составивших костяк концепции «национального солидаризма». В «единую украинскую семью» украинских трудящихся, как мы видим, вообще не пустили, лозунг «все мы братья» видоизменился в два полярных — «братья по этносу» (народ) и «братья по духу» (элита); лозунг «в своей хате своя правда» трансформировался «в своей хате своя сила», «охранители прав народных» стают для вида «аристократами украинской идеи», а на деле даже по униатско-националистической терминологии «разрушителями», «умеющими господствовать», «пустить гнилую кровь» все того же народа.

Буржуазно-националистическая трактовка общества с элитарных позиций связана с обоснованием «права» «выдающихся личностей», «рыцарей национального абсурда» на исключительную роль. Отражая хищническое устремление буржуазии в условиях, когда, по образному

выражению Ф. Достоевского, «наступает... слепая, плотоядная жажда материального обеспечения, накопления денег всеми средствами»⁶, украинский буржуазный национализм не может скрыть своей социальной ориентации на исторически обреченные «отечественные» классы. Не случайно в открытом письме к землякам (1913 г.) буржуазно-националистический автор С. Пригара писал, что «героем украинского возрождения» должен стать «кулак, малороссийский буржуа», эдакий «Санчо Панса реализма». Главарь украинских монархистов В. Липинский возвел украинское кулачество уже в ранг «энергичного хлебоборобского, аристократического элемента» украинской нации. Петлюровцы напрочь привязали кулачество к «национальному духу» украинской нации, отражающему ее «естество».

Характерно, что на таких же позициях находились и оуновцы. Их «идеолог» Д. Андриевский откровенно писал в 1928 г.: «Кулак, собственник был на Украине наиболее соответствующим (для буржуазных националистов.— Ю. Р.) элементом... Лишь он... имел здоровый социальный инстинкт». Липинский для пропаганды идеи помещицко-кулацкой диктатуры ввел в обиход такое понятие, как «классократия», т. е. власть эксплуататорского класса в государстве. По его словам, «классократия» — метод правления оседлого продуцента-воителя, т. е. собственника земли, который должен «пассивные народные массы» для производства «продукции соорганизовать, принудить служить нации». Липинский заявил, что «классократия» — это, дескать, «свобода внизу, а власть и ответственность наверху». При этом под свободой понимается свобода «продуцента» эксплуатировать наемного рабочего⁷.

Правда, идеи Липинского не нашли своей практической реализации, да и в буржуазно-националистической среде «классократия» не была воспринята позитивно, так как противоречила «классическим» догмам типа «нациократии» и «кастократии».

Новоявленный «идеолог» из среды гетманцев В. Кучабский предложил заменить элитарный принцип «национального аристократизма» на новый — «наше украинское варварство» или «галицко-украинское варварство», с которым, собственно, и отождествлялась униатско-националистическая «элита». «Этого нашего варварства,— писал В. Кучабский,— поскольку в нем имеется что-то из

присущей всем здоровым архаичным варварам общей морали жизни, нам не нужно страшиться, ибо из здорового варварства еще может что-нибудь доброе в будущем получиться, но из дегенерированной цивилизации с разложившейся моралью — ничего»⁸.

Чего-нибудь доброго из украинского буржуазного национализма, кроме подлинного варварства, естественно, не получилось, да и получиться не могло. А вот насчет присутствия в «галицко-украинском варварстве» чего-то общего с другим варварством — это, действительно, было. Представители «классократического» варианта «теории элиты» просто позаимствовали саму идею варварства у итальянских фашистов, перенеся ее на родную «галицко-украинскую» почву.

Плагиат пришелся по душе и униатским клерикалам, которые были в восторге от того, что «характерные варвары идут с низов вверх — они становятся руководителями держав. Среди них видим Муссолини»⁹. Специфика «галицко-украинского варварства» состояла лишь в том, что вместо варваров типа Муссолини униатско-националистический клан выдвинул своих, не менее опасных варваров типа Е. Коновальца, С. Бандеры, А. Мельника, Я. Стецько, С. Ленкавского и др.

Национализм пытался объединить культ абстрактной личности с концепцией «национального солидаризма». Буржуазно-националистические авторы утверждали, что поскольку нация является психологическим образованием, постольку она «может достичь высокого самосознания» лишь благодаря «психике единиц». Избранные личности «силой своей психики» должны добиться «национального солидаризма» всех классов, некоего «вызревания единомыслия» украинских трудящихся и эксплуататоров.

Что же касается униатской церкви, то, реализуя установки Ватикана, она фактически освятила деление общества на «элиту» и чернь. Насаждая религию, униатский клир поддерживал национализм. Важно было только, чтобы его не оттирали от власти в модели так называемого элитарного общества. «Бог, — назидательно указывалось в одном из униатских трактатов, — является наивысшим и всемогущим законодателем»¹⁰. Коль скоро это признано, то наивысший законодатель на земле после бога — церковь, власть которой распространяется «на всех властителей и царей всего мира и на все народы».

Ну а духовенство, естественно, должно занять свое «достойное место» в обществе.

В этом отношении характерны предложения упоминавшегося националистического главаря и клерикала В. Липинского видоизменить сущностную характеристику «национальной элиты» за счет включения в нее «варяга» для украинцев. Что это значит? Автор, опираясь на «выгоды» так называемой норманнской теории, пытался во что бы то ни стало подыскать для «недержавного народа» «чужого варяга» — короля или, по крайней мере, королевича, словом, человека с «королевской кровью», который придет на Украину «со своей гвардией и двором» и возглавит всю «местную элиту», передав ей «рыцарскую силу молодецкую». Ведь без «варяга», цинично писал автор, никакая нация не обходилась, да и обойтись не сможет.

Униатский клир взялся за «благородную» миссию исподволь прокладывать путь «чужому варягу» на украинские земли. «Львовские епархиальные ведомости» писали, что «нет другого способа установить связь с западной культурой, как только с помощью какой-то непосредственной связи с самыми близкими соседями на Западе. А такой связью может быть религиозная связь». Униатская церковь ориентировала галичан на буржуазный Запад, на Ватикан, пыталась привить дух низкопоклонства перед его загнивающей культурой.

Начало было положено, и вот в тайном письме к императору Францу Иосифу (1914 г.) митрополит Шептицкий предложил в случае вступления «победоносной австрийской армии на территорию русской Украины» назначить «одного из самых способных» военачальников австрийской армии «нашим гетманом». Этот гетман, как писал далее Шептицкий, одновременно должен получить ранг «фельдцехмейстера» австрийской армии. Далее граф советовал императору приставить к гетману-фельдцехмейстеру человека (на этот раз, видимо, украинца.— Ю. Р.), который «относительно знает историю и смог бы редактировать письма».

Шептицкому принадлежит пальма первенства и в том, что он нашел подходящую кандидатуру на вакантный гетманский «всеукраинский» престол — чистопородного немца с королевской кровью из рода Габсбургов, сына австрийского эрцгерцога Стефана Габсбурга Вильгельма, перекрещенного униатами на украинский лад в Василия

Вышиванного. Услуга за услугу, и в письме к габсбургскому архикнязю Вильгельму львовский владыка просил содействия в его назначении «патриархом Украинской автокефальной церкви» с центром в Киеве. «Само собой понятно,— писал Шептицкий,— что такое избрание (патриархом.— Ю. Р.) означало бы принятие унии»¹¹.

По поводу этой недостойной затеи Центральный Комитет Коммунистической партии Западной Украины писал: «Галицкая реакция мечтает об Украине с гетманом во главе. В рядах стрельцов подготовлено булаву Габсбургу Вышиванному... а с амвона клир молит, чтобы всю Украину поставить под унию и на церковном престоле посадить «национального героя», «архикнязя украинской церкви» графа Шептицкого. Силы реакции собираются, как воронье, чтобы свергнуть великую революцию»¹².

Исчезла австро-венгерская монархия, но авантюра с гетманом продолжалась. В декабре 1920 г. Шептицкий специально выезжал в Вену для встречи с В. Габсбургом. Положение было незавидным, и владыка, не утративший надежд посадить «цесарское высочество» на «украинский престол», выписал Габсбургу чек на 10 тыс. американских долларов для приобретения особняка¹³. С легкой руки графа возня вокруг «достойного избранника божьего» продолжалась. И вот в 1921 г. с благословения Ватикана и униатских «достойников» все еще не утративший надежд на «украинскую булаву» В. Габсбург, по сообщению Наркомата иностранных дел Советской Украины, начал налаживать связи с европейской реакцией. Его поддержали теперь в основном английские влиятельные круги, в особенности так называемое общество экономического возрождения России, немецкие и русские монархисты. Д. З. Мануильский по этому поводу писал: «Мы уже имеем короля на украинский престол из числа безработных, выкинутых на свалку истории. Большого позора для украинской контрреволюции, нежели это цепляние за замызганные полы габсбургских недобитков, нет»¹⁴.

Возглавить пресловутую «самостийную Украину» был не прочь и Д. Донцов. Один из активных деятелей ОУН Л. Павлишин, который порвал со своим прошлым, в августе 1941 г. показывал в своем кругу письма Донцова, адресованные С. Бандере, в которых он, Донцов, давал свое согласие в случае необходимости стать от имени

ОУН «президентом» Украины¹⁵. Ее «модель» мыслилась им следующим образом: «Самостийная Украина — это Карл XII на левом берегу Днепра, это армия Гинденбурга и Гогенцоллерна в Киеве, Екатеринославе и Одессе».

Очередного «варяга» подыскал было «головной атаман войск УНР *» С. Петлюра. Как свидетельствовала буржуазно-националистическая пресса, он включил в число «выдающихся украинских рыцарей» испанского гранда из династии Бурбонов. Но поскольку этот «украинизированный» гранд исчез с политического горизонта, Петлюра в 1921 г. вручил министерские посты в пресловутом «правительстве УНР» ставленникам польских господствующих кругов, а в «подлинно украинский парламент» ввел представителей «Комитета поляков — выходцев с Украины» и «Еврейского комитета беженцев с Украины».

Петлюровцы приложили немало сил, чтобы найти «варягов». Их печатный орган газетенка «Українська трибуна» цинично писала в 1921 г.: «Фактическими властелинами Украины будут те, кто имеет деньги и знает Украину». Кто же это? «Американо-английский (также и немецкий) капитал, немецкая голова и немецкие руки,— отвечала «Українська трибуна».— Необходимо исходить из аксиомы, что... никто иной, только они смогут восстановить Европейский Восток». Были предприняты в этом отношении и конкретные шаги. В июне 1921 г. петлюровский «консул» на заседании «немецко-украинского товарищества» в Берлине предложил «новоявленным варягам» — немецким промышленным заправилам — такие перспективы овладения экономикой Украины, что, по свидетельству газеты «Фоссише цайтунг», «у собравшихся закружилась голова». Высказывались лишь сожаления, что при дележе «украинского пирога» не присутствовали такие «сугубо украинские варяги», как американские миллионеры.

Несколько позже, в июле 1936 г., петлюровская клика вместе с главарями других буржуазно-националистических организаций с благословения митрополита Шептицкого подписала в Варшаве тайное соглашение с представителями фашистской Германии, буржуазной Польши и Венгрии, согласно которому гитлеровцам, польской шляхте и другим «варягам» был обещан 50-летний протекторат над Украиной. «Как глубоко нужно ненавидеть

* Украинская народная республика.

свой собственный народ,— с возмущением писал Центральный Комитет КПЗУ по поводу этого подлого сговора,— до какой глубины подлости и бесстыдного цинизма нужно дойти в предательстве его жизненных интересов, чтобы на службе заклятых врагов нашего народа — Гитлера и кровавой санационной банды... пытаться разрушить уже добытое за Збручем национальное государство, звать — не в первый уже раз! — на Украину чужие наезднические полки, желая в крови утопить тяжело добытую национальную свободу и громадные социальные завоевания наших братьев за Збручем и вновь «распинать Украину» руками Гитлера и польских панов-магнатов»¹⁶.

Пронемецкая, прогитлеровская ориентация украинских буржуазных националистов, только и ждущих, по их словам, «выстрела извне», настойчивые поиски «варягов» увенчались верноподданическими предложениями возвести в ранг «национальной элиты» гитлеровского фельдмаршала фон Браухича в качестве министра вооруженных сил мифического правительства «самостийной Украины» — протектората фашистской Германии.

Венцом же предательства явилось специальное письмо буржуазно-националистических верховодов, направленное из Львова в 1942 г. Гитлеру, в котором он «навечно» заносился в «сонм» пресловутой «украинской национальной элиты» под номером один в качестве «главного атamana всей казачьей Украины».

Раскрывая подлинное обличье украинских буржуазных националистов, известный советский писатель Олесь Гончар справедливо отмечает: «Украинский буржуазный национализм устами своей злословной элиты, одурелой от угара националистического бреда, отбросил все самое святое, что несли своему народу лучшие умы украинской нации — Шевченко, Франко, Леся Украинка. Свет мысли Шевченко, силу мысли Франко тупоголовый национализм променял на расистский в нищепанском духе бред, нашел себе наставника среди слюнявых берлинских «юберменшей». И... они еще болтают что-то об Украине, о своей принадлежности к украинскому народу. Не приняла и никогда не примет их Украина!»¹⁷.

Таким образом, клерикально-националистический вариант «теории элиты», по существу, исключает утверждения о «единой», «безбуржуазной», «сплошь демократической» украинской нации, о каком-то «едином общенацио-

нальном фронте». Он еще раз доказывает реакционный характер идеологии украинского буржуазного национализма в целом, бесстыдное жонглирование его адептами собственными «основополагающими» лозунгами, отказ в случае «национальной потребности» от своих «единотворческих» и «единореволюционных» тезисов.

Тем не менее униатско-националистические авторитеты утверждают, будто бы никакого противоречия между «национальным солидаризмом» и «теорией элиты» нет. Последняя, дескать, лишь очертила «цель нации», а суть этой цели должна основываться на все том же «солидаризме», пусть даже «национальном». Так, В. Липинский утверждал, что даже в наследственной монархии все классы: «хлеборобский» (помещики, кулаки, крестьянство) и «рабочий пролетариат» (капиталисты и собственно рабочие) — должны работать солидарно «во имя добра общества и государства», а народные массы «дружно сотрудничать» с эксплуататорами.

В наши дни буржуазно-националистическое отребье за рубежом вновь плетет симбиозные кружева «национального солидаризма» и «теории элиты». Повторяя буржуазных политологов, националистический «профессор» М. Кушнир договорился до того, что объявил национализм вообще уравнением всех граждан с одним предварительным условием — ликвидацией «всех классовых и лозунговых отличий». Речь идет все о той же пресловутой «гармонии» в обществе, раздираемом антагонистическими противоречиями. Важно лишь, разглагольствовал еще один «теоретик» из главарей бандеровской ОУН Я. Стецько, воспитывать у «серых», по его терминологии, рабочих понимание того, что они работают не на эксплуататоров, а во имя тех же мифических «солидарных интересов своей нации». Разоблачая украинских буржуазных националистов и униатских клерикалов, Я. Галан писал: «Народ? Он никогда не переставал быть для них... безголовой толпой. Если эта толпа станет им поперек дороги, тем хуже для нее. Тогда они разговаривают с ней языком такой инквизиции, что перед лицом ее меркнет тень Торквемады, имя этой инквизиции — фашизм»¹⁸.

«Классократия» буржуазно-националистического толка стала выражением такого подхода, при котором основой социальной жизни признается не только экономическое, но и политическое неравенство. Во главе нации и государственной организации должен стать глава дер-

жавы, вождь нации. Только в нем будет концентрироваться «авторитарная сущность нациократической державы». Этого «украинизированного» фашистского диктатора нация не избирает, она лишь констатирует факт его присутствия во главе ее и признает его титул, который он уже давно завоевал себе. «Диктатор по милости божьей» выбирает себя сам. Когда же такого «гиганта» еще нет, тогда его изберет организация, разумеется, украинских буржуазных националистов, «синтезирующая целостность нации» и являющаяся «носителем» ее «общенациональных» интересов.

Клерикально-националистический «элитарный» идеал был довольно четко изложен в 1923 г. в газете «Українська громада», которая так раскрыла подлинный смысл «нациократической державы»: «За цесаря и Украину, за Габсбургов и самостийность... от Карпат до Кавказа... за автономию под Австрией, под Польшей! ...за немецкую победу, за генерала Деникина... за господина гетмана, за шляхту украинскую, за церковь католическую!».

Идея «классократической законной монархии», по замыслу украинских буржуазных националистов, должна была стать единственно возможной альтернативой «универсальной идее большевистской», т. е. социалистическому строю. Гетманский вариант был удобен для реакции и тем, что предусматривал необходимость держать народные массы в «христианской покорности» и «железной дисциплине». Глубоко прав был Д. З. Мануильский, говоря о том, что «изменническая и предательская роль украинских буржуазных националистов... является наглядным примером того, куда ведет буржуазный национализм его носителей. Чувство глубокого омерзения и жгучей ненависти вызывает у украинских советских людей этот национализм без роду и племени... В этом его бессилие и безнадежность, порождающие звериное отчаяние и ненависть к украинскому народу»¹⁹. Давая решительный отпор антинародным проектам «классократической монархии», т. е. классовой диктатуры помещиков и капиталистов, орган ЦК КПЗУ журнал «Наша правда» назвал ее «диктатурой фашистской элиты с гитлеровцем Коновальцем во главе», которая, «опираясь на немецкий и польский империализм, торопливо готовится оторвать УССР от Советского Союза»²⁰.

И в наши дни, выступая против элементарных принципов демократии, буржуазные националисты пытаются

навязать украинской эмиграции «свои скрижали мудрости». Ведь, по их мнению, лишь «элита» устанавливает, «что является правдой или фальшью, справедливым или несправедливым... добрым или злым». Газета «Українська думка» в январе 1982 г. писала: «Единственно, чем могут похвалиться революционеры из Освободительного фронта (бандеровцы.— Ю. Р.), это своими партийными догмами, с помощью которых они при барах делают революцию. В этом, собственно говоря, лучше всего отражается, что они только то и делают, что бдят о собственности и приобретении капитала».

Политические авантюристы и уголовные преступники с презрением величают рядовых эмигрантов «серой мужвой», презирают их, а Советскую Украину люто ненавидят и пытаются всячески вредить ей. Даже националистические издания вынуждены писать: «Становится страшно и не знаешь, когда с кем здороваешься, не пожимаешь ли искренне той руки, которая может быть забрызгана братской кровью. Короче, с такими людьми невысказанно принадлежать к одной организации, будь то КУК, СКВУ или что-либо другое»²¹.

В свое время Д. Донцов провозгласил основополагающее кредо украинского буржуазного национализма: «каждую правду нужно трактовать так, как нам это выгодно». Рецепт оказался впору и для современного клерикально-националистического клана за рубежом. Униатско-националистические «борцы за права человека» провозгласили, например, Пиночета «элитой» чилийского народа, а проводимую им преступную политику — идеальным решением социальных и национальных проблем. Ответную любезность оказал и Пиночет при личной встрече с фашиствующими «желто-блакитными» недобитками, обещая им свою поддержку в «освобождении»... Украины.

Палач парагвайского народа диктатор Стресснер именуется националистами как «один из выдающихся государственных деятелей современного мира, который представляет и практически осуществляет демократическую систему государственного строительства». Образец для подражания националистические отщепенцы видят и в расистах ЮАР, которые-де только и пекутся о благополучии африканцев. ЮАР, по их мнению, — «последняя крепость белой элиты», а национально-освободительное движение — это, дескать, действия «отрядов черно-крас-

ных чекистов, которые уничтожают железом и огнем белых жителей».

Остановимся теперь на сионистских и иудаистских трактовках «теории элиты». Выше уже говорилось о том, что в концепции так называемого национального солидаризма в сионистском изложении, по существу, была заложена идея покорности трудящихся еврейской национальности «сильным мира сего». При конструировании своей элитарной доктрины идеологи сионизма перенесли акцент с «солидаризма» на обоснование коренных преимуществ в экономическом и политическом плане собственной «национальной элиты». Такой подход предопределил расчленение «единого», «богоизбранного» еврейского народа на «праведное меньшинство» и «второразрядный элемент» — трудящиеся массы. Один из сионистских идеологов Ахад Гаам, например, формулируя «философские» основы сионизма, его социально-политическую направленность, утверждал, что «цель большинства не в его собственном существовании, а в том, что с его помощью создаются необходимые условия для существования меньшинства»²².

Кто же она, «национальная элита» на сионистский лад? Разумеется, в нее включаются лишь богачи, которые и должны занять соответствующее место в пресловутом «богоизбранном обществе». «Еврейские нувориши,— пишет американский экономист Ф. Ландберг,— как и их побратимы других национальностей, достаточно опытные люди, для них вопросы этической и религиозной принадлежности не играют особой роли. Они знают, что при существующем порядке вещей главное — это деньги»²³. Таков, собственно говоря, самый высокий ценз, по мнению сионистов, для «подлинно еврейской элиты».

В этой связи член Политбюро Компартии США Х. Лумен дал следующую характеристику еврейской «элите»: «Сионистское движение в Соединенных Штатах... возглавляется влиятельной группой капиталистов-евреев. Эта группа вносит львиную долю тех отчислений, которые помогают Израилю покрывать свои огромные военные расходы. Она является покупателем облигаций государственного займа Израиля и делает многочисленные вложения капитала в экономику этой страны. Кроме того, она оказывает доминирующее идеологическое влияние»²⁴.

«Кастократия» в сионистском исполнении в условиях

Израиля выглядит следующим образом. Наивысшей кастой считаются «сабра» — уроженцы Израиля, выходцы из семей первых европейских переселенцев. Ко второй категории отнесены «ашкенази» — евреи европейского происхождения, способные к активной полезной деятельности. К низшей касте, к категории аутсайдеров, отнесены «сефарды» — выходцы из стран Азии и Африки, которые стали жертвами экономической, социальной, политической и культурной дискриминации. На положении «неприкасаемых» находятся «черные евреи» — выходцы из африканских стран, не в лучшем положении и южноазиатские евреи. Ко всему прочему в этих группах есть и свои подгруппы. Евреи из США считаются полноценнее, чем из Англии, а те, в свою очередь, оцениваются на ступеньку выше, чем из Польши. Парии израильского общества — это «подзаборные», т. е. дети, рожденные от отца-еврея и матери-нееврейки. К категории «гоев», а значит, по расистским законам Израиля, вообще нелюдей, относятся друзы и арабы. «Такое размежевание, — подчеркивает английский исследователь А. Вейнград, — является законом, присущим обществу в целом»²⁵.

Унизительно положение евреев, эмигрировавших в Израиль из социалистических стран. Один из них, некто И. Каплан, пишет: «Здесь мы послушные рабы, с работой плохо, дороговизна. Как вы счастливы, что живете под советским небом. Я пишу это письмо и слезы льются». Группа лиц еврейской национальности (И. М. Флейшер, Г. В. Радошвей), которым удалось вырваться из Израиля, в письме-обращении к Советскому правительству писала: «Нечеловеческая эксплуатация, приниженность, позорный труд ради этих людоедов-хозяев, нечеловеческое отношение к нам, советским евреям, все это делает жизнь на «обетованной земле» тяжелой и нестерпимой. Мы все, кто приехал в Израиль, столкнулись со средневековым мракобесием». Такова настоящая действительность в стране, функционирующей по канонам «теории элиты», чистогана, по законам капиталистического образа жизни.

Разрабатывая элитарную схему, сионизм неминуемо пришел к замыканию «богоизбранности» и «исключительности» на узком круге лиц. Лишь «праведное меньшинство» оказывается «ближе к богу», лишь оно, дескать, способно усовершенствовать человечество. К каким последствиям приводит воплощение в жизнь этого посту-

лата, свидетельствует хотя бы такой факт. В годы гитлеровской оккупации Юденрат * во Львове создал так называемый обменный фонд — список тружеников-евреев, обреченных на смерть. Первыми в этом списке шли безработные, за ними рабочие предприятий и, наконец, ремесленники. И если гитлеровцы задерживали крупных торговцев, предпринимателей, сионистских активистов, то Юденрат заменял их простыми тружениками, обрекая их тем самым на смерть. (К лету 1943 г. почти все еврейское население западных областей Украины было уничтожено, включая около 15 тыс. человек во Львове).

Таков реальный смысл «теории элиты» в сионистском исполнении. Проведение ее в жизнь привело к преступлениям сионистов против еврейского народа, против человечества. Правильно писал французский журналист П. Демерон: «Бесстыдная эксплуатация (сионистами.— Ю. Р.) памяти погибших в Дахау, Освенциме, Трешлике... есть не что иное, как нравственное мошенничество. Выходит, что жертвы нацистского варварства были мучениками не только при жизни. Насилие совершается над памятью о них»²⁶. В наши же дни клерикалы в условиях Израиля пытаются внедрить узаконенный комплекс паразитизма для «избранников нации». При этом в качестве аргумента приводятся такие места из Второзакония: «Вы овладеете народами, которые больше и сильнее вас», «всякое место, на которое ступит нога ваша, будет вашим» (11: 23, 24).

Таким образом, в соответствии со старыми и новыми вариантами так называемой теории элиты общество расчленяется на различные социальные слои, общности и подгруппы независимо от производственных отношений и распределения общественного продукта. Цель такой операции — оправдать существование частной собственности, затушевать социальные и национальные конфликты, отчуждение рабочих от средств производства, крестьян от земли, личности от коллектива и общества, дискредитировать марксистскую теорию классов и классовой борьбы.

* Юденрат — «еврейский совет», являлся вспомогательным органом при гитлеровской администрации в оккупированных странах.

РЕАКЦИОННАЯ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КЛЕРИКАЛЬНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «МЕССИАНИЗМА»

Концепция «мессианизма»*, т. е. «избранности» или «исключительности» той или иной нации, явилась логическим завершением идей «национального солидаризма», в особенности «теории элиты». Отражая идеологию и интересы реакционной эксплуататорской верхушки, национализм не может «конституироваться», не прибегая к проповеди национальной исключительности отдельной нации (точнее — буржуазии той или иной нации), не отстаивая ее право на особое, привилегированное, господствующее положение.

Сионизм, как одна из разновидностей буржуазного национализма, не является в этом плане исключением. Концепция «мессианизма» составляет его теоретическую основу. Значительное место при обосновании данной концепции заняли идеи и методы антропосоциологии, с помощью которых «отцы» сионизма тщились доказать «избранность» и «исключительность» еврейского народа. Как признал просионистский автор А. Кестлер, «сионисты рассматривают себя в качестве представителей высшей расы»¹. С этой точки зрения, сионистская трактовка «мессианизма» так называемого всемирного еврейства явилась, по существу, отражением общей тенденции буржуазного национализма превозносить роль «германской расы», «англо-саксонской расы», «латинской расы», «галльской культуры» и т. п. в мировой истории.

При разработке данной концепции сионисты опирались на мифические догмы иудейских пророков, идеи

* Мессианизм — историко-социологическая концепция, которая приписывает тому или иному народу основополагающую роль в историческом процессе. Идеи мессианизма составляют теоретическую основу буржуазного национализма, в частности сионизма и украинского буржуазного национализма.

Ф. Ницше и родоначальника расизма Ж. Гобино, творца евгеники Ф. Гальтона и социал-дарвинистов различных направлений. Причем именно из симбиоза сионизма и иудаизма родилась проповедь откровенного расизма, ибо как тот, так и другой делят человечество на «высшие существа» — евреев и остальных людей — «гоев». Примечательно, что утверждения о «превосходстве еврейского народа» своими корнями уходят в догматы иудаизма. Сионизм лишь по-своему проинтерпретировал религиозный миф о том, будто бы бог Яхве выбрал евреев среди других народов и наделил их миссией подчинить божественной воле все остальное человечество. Именно так понимали сущность взаимосвязи иудейской религии и сионизма идеологи последнего, трактуя его как собственно «концентрированный иудаизм» и как важнейший этап на пути реализации заложенных в нем «мессианских чаяний».

Расизм и мистический мессианизм составляют подлинную сущность сионизма и представляют собой два взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга фактора. «Мессианство и сионизм были на протяжении почти двух тысячелетий тождественными понятиями... — писал один из сионистских идеологов М. Нордау. — Не легко будет отделить молитву о появлении обетованного мессии от молитвы о менее желательном возвращении на историческую родину (Палестину)»².

Сионистская «философия», впитавшая традиционные библейские, натурфилософские и мистические доводы, в целом однообразна. Это — откровенный шовинизм, обоснование «исключительности» евреев, противопоставление их как «актуальных», «вечных», «реальных» существ всем другим «потенциальным» или «фиктивным» людям. При этом религиозные догматы иудаизма о «богоизбранном народе» трансформируются в расистскую идею о еврейской «сверхнации», что лишний раз подчеркивает идейную близость сионизма с ницшеанством и фашизмом.

Например, иудейский теолог и идеолог сионизма М. Бубер писал, что «долг каждого, принадлежащего к народу израилю, знать, что он единственный в своем роде, что подобного ему ничего и никогда еще не было в этом мире...». Превосходство «народа израилева» Бубер видел в его непосредственной способности «общаться» с богом³. Подобные идеи внушаются израильтянам

с детства. Так, в предисловии к учебнику еврейской философии для средних школ Израиля пишется, что «еврейская нация — это нация избранных в силу своей расы, своего образования и климата земли, на которой она развивалась...»⁴.

В общей доктрине сионизма тезис о евреях как о «наивысшей», «чистейшей» расе дополняется сумасбродными утверждениями о том, что именно «еврей обладает большей предприимчивостью и большими способностями, чем средний европеец, не говоря уже о всех этих инертных азиатах и африканцах...»⁵.

В силу того, что идеи и методы антропосоциологии не «срабатывают» в нужном направлении, ищутся «новые» аргументы в пользу утверждений об исключительности умственных и психологических качеств еврейского народа. В подтверждение приводятся имена великих мыслителей, ученых, деятелей культуры, которые действительно внесли огромный вклад в духовную сокровищницу человечества. Однако у этих людей не было ничего общего с мнимыми «общееврейскими ценностями», навязываемыми сионистами, ибо они творили в неразрывной связи с передовой, демократической культурой своих стран и народов.

Избранность народа Израиля сионисты связывают также с понятием «общей судьбы» все того же «народа-мученика и скитальца», с «принятием более тяжелой ноши обязанностей, как народа, являющегося хранителем какого-то мифического одухотворенного откровения». К этому добавляется нечто, в действительности совершенно чуждое самому духу сионизма: избранность Израиля состоит-де «в смирении», а не в заносчивости, а сама избранность — это, дескать, уже «не бремя, а милость»⁶. Всячески рекламируя «цивилизаторскую миссию» Израиля и еврейского народа, сионисты пользуются шовинистическим утверждением о том, что у евреев вообще есть «моральное и интеллектуальное превосходство служить моделью для освобождения (от чего? — Ю. Р.) человеческой расы».

Показательной в этом отношении является книга «Соединенные Штаты Америки, мировое еврейство, католическое действие и политика силы», написанная группой сионистских, иудаистских и юдофильско-католических авторов и изданная под эгидой американского Института по изучению экономической и политической стратегии

мира и международного фонда теоретических исследований⁷. Выдвигая надуманную схему развития мировой истории путем образования и распада сменяющихся политических и культурно-цивилизованных центров власти, ее авторы утверждают, что в настоящее время якобы за достижение «высшей власти в мире соперничают семь основных центров — США, СССР, Китай, арабские государства, мафия, мировое еврейство и католическая церковь». Они заявляют, будто «огромная часть» современного мира находится под «еврейским контролем», так как евреи, мол, глубоко проникли в сферу экономики, образования, контролируют средства информации. В книге утверждается, дескать, американская культура — это в сущности еврейская культура, «завершенный иудаизм», а «современная цивилизация... в том, что касается поведения, интересов и устремлений человека, — это еврейская цивилизация»⁸.

Действительно, в западных странах позиции еврейской буржуазии довольно сильны, что может порождать иллюзорное представление, будто бы наступила эпоха «еврейской цивилизации». Однако особенности в социально-классовой структуре еврейского населения различных государств объясняются не исключительным влиянием иудаизма, какими-то трансцендентальными свойствами «еврейской души», «врожденной гениальностью» либо «особыми способностями евреев», как утверждают еврейские буржуазные националисты, а сущностью государственного и общественного строя, законодательством и политикой тех или иных государств⁹. В конечном итоге это понимают и сами сионисты. Тем рьяней они ищут выход за счет мистики, воплощенной прежде всего в иудаизме как своеобразной палочке-выручалочке. Реакционный французский автор А. Мендель, раскрывая отношение политизированного иудаизма к сионизму, так и писал: «Наше спасение коренится в сионистском чуде еврейской троицы: бог, народ Израиля и земля Израиля»¹⁰.

Правомерно поставить вопрос: с какой целью предпринимаются разного рода «мессианские» потуги? Прежде всего для того, чтобы пощекотать националистическую спесь, удовлетворить шовинистическое самолюбие «элиты», трактуемой как цвет мифической «всемирной еврейской нации». В то же время с помощью «мессианских» потуг заразить трудящиеся массы сионистским, расист-

ским дурманом, разжечь у них низменные инстинкты, возбудить национальную рознь, превратив в послушное орудие осуществления коварных замыслов израильской верхушки. Такова подоплека той мутной пены мессианского толка, взбиваемой сионистской пропагандой, которая была всего лишь прикрытием, своего рода разведкой боем для подготовки акций куда более опасного характера.

Несмотря на различия, порой весьма значительные, между клерикалами и буржуазными националистами, они в своих измышлениях сходятся на довольно пестрой, эклектической идеологической платформе, оперируя такими понятиями, как «народный дух» или «народная душа», «особая национальная культура», «единый поток национальной истории», «особая миссия нации» и т. п. За ширмой таких понятий, как «специфическая духовная конституция», «врожденная богоданность», скрывается проповедь национального эгоизма и индивидуализма.

Раскрывая расистскую сущность сионизма, Генеральный секретарь ЦК Компартии Канады У. Каштан писал: «Сионистская идеология говорит о богоизбранном народе. Герр Гитлер говорил о высшей расе. Обе эти так называемые теории являются составными частями расизма, шовинизма и угнетения»¹¹. Справедливо указывая на подлинную сущность сионистского постулата о «народе господ», один из лидеров датских коммунистов И. Нерлюнд пишет: «Можно ли удивляться тому, что эта (сионистская.— Ю. Р.) идеология рассматривается как образ мыслей «народа господ»¹².

Эти сионистские постулаты активно поддерживаются иудейским клерикализмом. Объединенная миссия иудейского клерикализма и сионизма заключается в том, чтобы всячески препятствовать освобождению израильского народа от политической, экономической и военной зависимости от иностранных монополий и империалистических держав. «Миссия» сионизма, таким образом, отражает его глубоко реакционную, глубоко антинародную сущность, направленную против подлинных интересов складывающейся израильской нации. Еще Т. Герцль классифицировал антисемитов по признаку «порядочности» и «непорядочности», а антисемитизм — на «оправданный и полезный», поскольку он преследовал трудящихся евреев, и «вредный и мерзкий», под которым подразумевалась любая критика сионизма. Глубоко прав известный анг-

лийский публицист Палм Датт, указывая, что «современный сионизм — это особая разновидность антисемитизма. И не только в понимании агрессивной экспансионистской политики, направленной против арабов, но особенно по отношению ко всему еврейскому населению на земле»¹³.

Итак, антинародная направленность международного сионизма, его лютая ненависть к «своему» народу воплотилась в «теории элиты» на сионистский манер.

Подчеркивая антидемократичность «отцов сионизма», их высокомерие и презрение по отношению к трудящимся евреям, американская публицистка Х. Аренд писала: «Политическая история сионизма была связана главным образом с теми элементами, которые верили в народное правительство так же мало, как Т. Герцль, за которым они следовали... Эти западные сионисты вовсе не являлись революционерами, они не критиковали, не восставали против социальных и политических условий своего времени; наоборот, они лишь желали установить те же самые (капиталистические.— Ю. Р.) порядки для своего собственного народа»¹⁴.

Антинародность сионизма — это стратегия, его непрерывная практическая линия, что наглядно проявилось, в частности, в деятельности сионистских организаций на Западной Украине, долгое время находившейся под гнетом буржуазной Польши. Польша занимала второе место в мире после США по количеству еврейского населения, только в Галиции проживало свыше 700 тыс. евреев. В те годы действовала «Краевая сионистская организация» с центром во Львове, подчинявшаяся «Сионистской организации в Польше», центр которой находился в Варшаве. ЦК Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ) подчеркивал необходимость борьбы с сионизмом, как с «агентурой фашистского правительства Пилсудского среди еврейских трудящихся»¹⁵.

Точно так же оценивал антинародную деятельность сионистов и созданный в 1930 г. в Польше Антисионистский комитет. К этому были довольно веские основания. Уже в марте 1920 г. на конференции «Краевой сионистской организации» во Львове была принята резолюция, в котсрой подчеркивалось, что «евреи не должны принимать участие в любых конфликтах других наций» с польским правительством, т. е. не включаться в классовую борьбу против «чужих», впрочем и «своих» угнетателей. Более того, в 1921 г. один из лидеров сионизма И. Соко-

лов в своем выступлении на XIII конгрессе Всемирной сионистской организации поставил задачу польским евреям: они «должны работать на пользу страны», т. е. реакционных польских кругов, угнетающих польских, украинских и еврейских трудящихся. Однако сионистская «миссия» в Галиции и на Закарпатье не оправдала надежд еврейской буржуазии, не смогла воспрепятствовать распространению коммунистических идей, росту симпатий к КПЗУ и размаху общей революционной борьбы. Сами сионисты были вынуждены признать «усиление коммунистического влияния среди еврейской бедноты». Вскрывая подлинные причины провала антисоветской сионистской «миссии», коммунистическая газета «Карпатська правда» писала в июне 1929 г.: «Почему еврейским беднякам морочат голову Палестиной? Чтобы они смотрели на Азию и не видели, что у них делается под носом, как их эксплуатирует капитализм». Отражая подлинное настроение трудящихся, газета заявляла: «Этим господам не удастся взбаламутить пролетариев... И к еврейскому вопросу мы подходим с такой же меркой, как к украинскому. Мы говорим: «Вместе с еврейским пролетариатом — против еврейской буржуазии! Долой петлюровских погромщиков! Наш лозунг — «Пролетарии всех стран и всех наций, соединяйтесь!».

В свое время «отцы сионизма», выслуживаясь перед империалистическими властителями, заявляли, что создадут в Палестине «аванпост цивилизации против варварства», какую-то «часть крепостного вала против Азии». В наши дни «миссией» сионизма является экспансия на Ближнем Востоке, геноцид палестинского и ливанского народов, поддержка неокOLONиализма в Африке, противодействие национально-освободительной борьбе в латиноамериканском регионе. Как указывает Г. Холл, «государство Израиль, финансируемое миллиардными подачками из Соединенных Штатов и других капиталистических стран, вооруженное до зубов... стремится стать младшей региональной империалистической державой...»¹⁶.

Отсюда — нескрываемый цинизм, самоуверенная поза вседозволенности и безнаказанности, попрание элементарных принципов международного права, гуманности, отсюда — экстремизм, расизм государства-командос, осуществляющего на практике государственный терроризм, преступления против человечества. Вместе с тем

сионизм установил и своеобразный рекорд словоблудия, лицемерия и подличания, превзойдя тем самым иезуитов средневековья, фарисеев древней Иудеи.

Разумеется, одна и та же идея превосходства, исключительности обосновывается специфическими для национализма и религии средствами. Религия противопоставляет людей на основе вероисповедания, а национализм — на основе национальной принадлежности. Каждая религия, в силу претензий быть единственно правильным вероучением, проповедует исключительность, которая часто касается нескольких или даже одной нации.

«Мессиянство» в униатско-националистическом истолковании носило весьма своеобразный, утилитарный характер мелкого угодничества, низкопробного пресмыкательства перед мировой реакцией на всем протяжении истории как униатской церкви, так и украинского буржуазного национализма. Но внешний декорум их шовинистических установок, геополитических притязаний они пытались разработать весьма «обстоятельно». Попытки теоретического обоснования концепции «избранности» украинского народа, его «мессиянства» свидетельствовали не только о шовинизме украинского буржуазного национализма, но и об его великодержавности. Она находит свое отражение как в идеологических концепциях, так и в политической направленности и практической деятельности буржуазно-националистических партий и организаций, проявляясь в особой агрессивности, повышенном национальном чванстве, с одной стороны, угодничестве, пресмыкательстве перед «сильными мира» сего — с другой.

Концепция «мессиянизма» в общей доктрине украинского буржуазного национализма явилась своеобразной «окрошкой», приготовленной из идей Фихте о борьбе «нормального народа» с низшей расой, Гегеля, который дал философское обоснование «избранности» немецкого народа как носителя абсолютного духа, а также гитлеровского национал-социализма. «Творческое» заимствование в рамках концепции «мессиянизма» было логическим завершением идейной, духовной породненности украинского буржуазного национализма с ударной силой мировой реакции — гитлеровским фашизмом. В книге «Эпоха национализма», изданной в 1938 г. в Берлине, один из буржуазно-националистических «столпов» Я. Оршан, расхваливая на все лады «миссию» немецкого

национал-социализма, немецкой нации, которая, дескать, «становится таким образом носителем и реализатором высокой исторической функции», акцентирует внимание прежде всего на созвучии его идей с «сине-желтым» мышлением. «Мы должны создать,— пишет автор,— самостоятельную построенную националистическую идеологию, в которой Европа, к которой Украина всегда принадлежала и в духе которой выполняла свои исторические задачи, нашла бы свое органическое место». «Своя», «самостоятельная идеология» украинского буржуазного национализма мыслится Оршаном как культивирование такого иррационального в политическом бытии нации явления, «как миф мессианства», «империалистический миф», который отражал, по его словам, фашистское имперское движение, «немецкий миф крови», культ третьего рейха¹⁷.

Таково подлинное, без прикрас содержание очередного идеологического защитного средства под именем «мессианизм», которое, по мысли буржуазно-националистических главарей, и составило сущность «образа и эмоций украинского национализма». Расчет был сделан на то, чтобы с помощью «мессианских», внешне «сугубо украинских» идей навесить дополнительные разноцветные лоскутки на частокол буржуазно-националистической консервативной доктрины.

Национализм, являясь прежде всего идеологией и политикой, вместе с тем, особенно в обыденном проявлении, выступает и как социальное чувство, включающее чувства недружелюбия, предвзятости, вражды и ненависти, антипатии и презрения к другим народам. Пытаясь в целом создать негативное мнение о различных явлениях национальной жизни, национализм создает своеобразную этику националистующего мещанина за счет насаждения национального эгоизма и национальной ограниченности, национального высокомерия и национальной кичливости, пытаясь закрепить отрицательные национальные стереотипы в сознании и чувствах людей.

При этом буржуазно-националистический тезис об «избранности», «исключительности» той или иной нации фактически совпадал с религиозным тезисом о «неполноценности» тех или иных иноверцев. Они как бы взаимно обуславливали и дополняли друг друга. Цель «мессианских» конструкций — отравить сознание трудящихся идеями расизма и шовинизма, затянуть их в паутину

национализма и клерикализма, навязать чувство националистического или религиозного превосходства, эгоистические убеждения о преимуществах той или иной нации в мышлении, культуре, поведении, утвердить культ религиозно-националистического престижа и так называемого «суперпатриотизма». Апологет национализма С. Рудницкий, например, еще в 1923 г. построил мифическую схему «самостийной украинской государственности» в «определенных» этнографических границах. Как свидетельствует буйная фантазия антропосоциолога от национализма, еще задолго до появления Киевской Руси уже существовали сильные «староукраинские племена, заселяющие Придонец, Закавказье, где и находился один из самых древних корней «Руси-Украины». Далее Рудницкий отнес к территории Украины Кубанщину и Ставрополье, Астраханщину и Терщину, а также Дальний Восток (Приамурье и Приморье), где, по мнению «самостийнического» географа, были в свое время «украинские колонии». Впрочем, предгорья Алтая и Тянь-Шаня тоже как-то «вписываются», по мнению автора, в «самостийную украинскую державу»¹⁸. Подобным утопизмом отличаются и представления буржуазных националистов о происхождении украинской нации. Так, они утверждают, что скифы, как «чистая нация сама по себе», были прямыми предками украинцев, в свою очередь «скифы-украинцы дали миру санскрит», «освоили Грецию задолго до греков». Готы — «тоже» праукраинцы, побывали они в Италии и во Франции. В общем-то «праукраинская история» — это «эпоха славы и геройства готов, генетически, без малейшего сомнения, предков украинцев». Националистический автор А. Дращневский, поведавший миру о своем «величайшем открытии», по его словам, «без малейшего сомнения» превзошел Н. Костомарова, который не пошел дальше тезиса об «особой мессианской» роли Украины по отношению к славянским народам.

Таков плод большого воображения деятелей от украинского буржуазного национализма, концепции которого являются типичным примером грубой фальсификации исторического прошлого.

Следует иметь в виду, что геополитические притязания украинских буржуазных националистов находили полнейшую поддержку униатской церкви, всячески подогревались ею с перспективой проповедывания «слова божье-

го» не только на западноукраинских землях, но и в «Великой Украине».

Здесь важно обратить внимание на то, что пальма первенства в обосновании так называемой «украинской великодержавности» принадлежала все-таки униатскому клиру, в частности митрополиту А. Шептицкому, который еще в условиях царской России предпринял практические шаги по насаждению унии в Великодержавии за счет создания там вначале миссионерских ячеек, а затем и униатского экзархата. Причем в основу воплощения в жизнь давних задумок римских пап была положена идея «мессианского» толка о том, что ряд районов царской России (территории вплоть по Кубань, Кавказ, Москву и Тобольск) входят в «орбиту» так называемой духовной Украины. «Необходимо,— указывалось в одном из посланий Шептицкого,— хату подмести от грязи, принесенной безбожием. Поэтому заблаговременно настраивайтесь на ту волну, на то посланничество, на то большое задание, которое, без сомнения, вас ждет»¹⁹.

«Мессианство» униатского клира выразилось в планах духовного закабаления, окатоличивания трудящихся страны. В 1939 г. был подготовлен тайный экзархат, который должен был «сеять зерно пшеничное веры Иисуса Христа», т. е. распространять католичество в СССР, а в октябре 1940 г. Шептицкий самочинно разделил всю Советскую Россию на «экзархаты апостольской столицы». Он понимал, что «трудно предвидеть, чтобы наша (униатская.— Ю. Р.) церковь могла расширяться на весь Союз Социалистических Держав (СССР.— Ю. Р.), но усиленно работал над подготовкой «воссоединения всех верующих в единстве св. Вселенской церкви», т. е. стремился подчинить религиозную жизнь в СССР римскому «святому престолу»²⁰.

С целью одурманить население идейками воинствующего клерикализма и буржуазного национализма униатское духовенство выступило с призывами готовиться к миссионерству на Востоке, утверждая, что галичанам, мол, предстоит выполнить божье предназначение, как «украинским католикам, несущим свет Христовой веры», и т. п.

В январе 1941 г. «собор», а затем — «пленарное собрание» самочинных экзархов во Львове установило границы следующим образом: волынскому экзархату принадлежат Волынь, Подляшье, Холмщина и Полесье;

белорусскому — этнографическая Белоруссия и Прибалтика; великорусскому — Великороссия и Сибирь; «великоукраинскому» — Подолье, Бессарабия, собственно «Великоукраина», Кавказ и Кубань. Такой раздел на экзархаты был незаконным и неканоническим с точки зрения церковного права. Ведь «собор» и « пленарное собрание» самовольно « делили» территории СССР и не только СССР. Кроме того, папа Пий XII еще 30 мая 1940 г. лишил А. Шептицкого привилегий папы Пия X и не предоставил права «создавать восточные иерархии», а значит, и назначать экзархов.

Сами «экзархи» признавали, что работа по «воссоединению церквей в назначенной территории... является более теоретической, нежели практической». Однако доведенная деятельность «украинского Моисея», как нарекался А. Шептицкий, «миссия посланничества» униатского клерикализма создавала хотя и шаткую, но все же чуть ли не каноническую базу для соответствующих буржуазно-националистических упражнений «мессианского толка».

Порочность «мессианского» подхода униатских клерикалов проявилась и в конструировании какой-то особой «западноукраинской» нации в противовес украинской социалистической нации, которой-де не присущи подлинно национальные черты, разумеется, в униатско-националистическом понимании. Здесь, в условиях буржуазной Польши, якобы «созидается» какой-то «цвет нации», находится «ее соль», там (на Украине) — почему-то «песок», «мертвая пашня». Здесь, дескать, «крепнет» украинская наука и литература в противовес «безбожному коммунизму», который, мол, осуществляет духовное угнетение украинского народа.

Реакционная сущность униатского клерикализма заключалась и в том, что он пытался навязать и выдать за национальные чужеродные традиции, стандарты буржуазного образа жизни. Иерархи униатской церкви пытались разорвать естественные исторические связи украинского народа с русским и белорусским народами, оградить трудящихся западноукраинских земель от влияния Советской Украины, идей Великого Октября.

С этой целью были выдвинуты, в частности, лозунги: «Галиция — сердце Украины» и «Украинская католическая церковь — сердце Галиции». Униатская газета «Мета» по этому поводу писала: «Наш Пьемонт на

западных землях должен осуществить духовную мобилизацию всех здоровых национальных сил, вовлечь их в борьбу с большевизмом»²¹. Согласно домыслам буржуазных националистов и униатских клерикалов, Западная Украина может-де сыграть такую же роль в жизни всей украинской нации, как графство Пьемонт в освобождении и воссоединении Италии. По их мнению, именно здесь, в условиях панской Польши или буржуазной Чехословакии, под эгидой униатской церкви «закладываются» ни больше ни меньше, как «основы украинской державности», сохраняется и даже укрепляется этническая самобытность украинского народа, его нравственные и прочие ценности.

Закарпатские украинцы, утверждали националистические «мессианисты», дескать, не являются русскими или русинами, но особым чешско-украинским народом. Они должны при таком подходе стать «частью чешского народа и слиться со всей чешской общностью». Концепция пресловутой «третьей нации» была настолько широка, что с успехом применялась при утверждениях о том, что закарпатских украинцев якобы «пронизывает западный дух, взлелеянный под знаком тысячелетнего всевенгерского братства».

Такова подоплека «пьемонтских» блужданий, попыток осуществить «полный синтез восточной и западной цивилизаций в рамках индивидуальности украинцев». Причем этот «синтез» мыслится лишь на католической основе с акцентом на противопоставлении западных народов (куда включен мифический «украинско-галицийский») восточным, и прежде всего русскому, впрочем, как и народу Советской Украины. «Аргументы» приводятся прежние, правда, с добавлением расистских сентенций, что, дескать, украинцы являются «сравнительно наиболее чистой славянской нацией», они-де наиболее «живучи биологически» в противовес русским, которые, мол, являются нацией «смешанных кровей».

Муссировалась выдумка о том, что культура восточнославянских племен стала компонентом культуры Киевской Руси — «сугубо украинского государства». Буржуазно-националистический автор М. Чубатый пытается утверждать, что анты — это якобы предки исключительно украинского народа, а их поселения полностью совпадают с Киевской Русью, с нынешней Украиной в этническом понимании²². Словом, как указывал в 1930 г. оуновский

журнал «Розбудова нації», «были и есть народы Христовы, но сверхнарода Христова нет... Единственный народ, который может и должен стать таким сверхнародом — украинский...» и что «украинский народ является народом призванным и избранным»²³.

Украинскими буржуазными националистами вкупе с униатской церковью в Западной Украине был как бы брошен вызов истории, общественному развитию. Отстаивая замкнутость и обособленность «западноукраинской» или «карпатской» нации, они упорно пытались игнорировать то, что национальная обособленность и противоположность народов в условиях капитализма все более и более исчезают. При таком подходе родился и так называемый галицийский патриотизм, под которым следует понимать «униатско-поповский патриотизм... полную политическую бесхарактерность, общественный консерватизм, наивный, хамский аристократизм... презрительное отношение к мужику с его языком, враждебное отношение ко всему новому»²⁴.

Униатский клир полностью поддержал «основополагающий» лозунг украинского буржуазного национализма о «самостийной Украине», лозунг, символизирующий предательство национальных интересов украинского народа, отражающий постоянное пресмыкательство перед чуждыми ему силами. Так, митрополит А. Шептицкий в тайном письме к императору Францу-Иосифу (15 августа 1914 г.) писал, что «как только победоносная австрийская армия вступит на территорию русской Украины», эти области необходимо отторгнуть от России, придав им характер какой-то «национальной области». Ставилась, в частности, задача тщательно замаскировать подлинное содержание «самостийной Украины» широким употреблением слов «казак», «атаман», «есаул», «сотник», переводом на украинский язык австрийского гражданского кодекса, других австрийских законов, созданием организаций, которые внешне использовали бы некоторые бутафорные «традиции запорожских казаков». «Когда мы оставим народу все то, что ему дорого в обрядах и обычаях...— цинично писал Шептицкий,— то будем убеждены в полной его покорности».

Итак, идеи были выдвинуты. Практическую же сторону вопроса «слияния Украины с Австрией» взяли на себя буржуазно-националистические верховоды, создавшие в августе 1914 г. на субсидии немецкой и австро-венгер-

ской разведок «представительный орган под громким названием «Союз освобождения Украины» (СВУ), куда вошли Д. Донцов, В. Дорошенко, М. Меленевский и другие. СВУ в октябре—ноябре 1914 г. пытался осуществить военно-политическую авантюру — высадить в районе Одессы «экспедиционный отряд» (500 отборных «сичевых стрельцов») в сопровождении 50-тысячного турецкого военного корпуса с целью организации восстания на русском черноморском флоте и среди населения. Однако авантюра провалилась.

Буржуазно-националистические отщепенцы и их святоюрские духовные наставники пытались во что бы то ни стало оторвать трудящихся западноукраинских земель от их единокровных братьев. С этой целью в ноябре 1918 г. униатские иерархи и буржуазно-националистические верховоды провозгласили в Восточной Галиции так называемую Западноукраинскую народную республику (ЗУНР), президентом, а впоследствии «диктатором» которой стал ярый буржуазный националист Е. Петрушевич. Показательно, что в этой лоскутной «украинской державе», ставшей прислужницей Антанты, действовали австро-венгерские законы, свирепствовали военно-полевые суды, чинившие кровавые расправы над рабочими, крестьянами, солдатами. Сформированная при участии униатского клира «Украинская галицийская армия» (УГА), использовавшаяся в борьбе против революционного движения в Восточной Галиции, была брошена на помощь Деникину в его военных действиях против Советской республики.

Предательская политика украинских буржуазных националистов гневно осуждалась трудящимися. В одном из воззваний ЦК Коммунистической партии Восточной Галиции указывалось: «Разве эти «патриоты» не били поклонов трону Габсбургов и Гогенцоллернов тогда, когда на австрийских виселицах повешено было 36 000 людей, когда немецкий империализм грабил Украину и расстреливал тысячи украинских рабочих и крестьян? Разве эти «патриоты» после полного поражения своей австро-немецкой ориентации не бросились в объятия ориентации на Антанту, которая отдала Западную Украину под польскую оккупацию?»²⁵.

Оккупировав Восточную Галицию, Закарпатье, Западную Волынь и Северную Буковину, правящие круги буржуазно-помещичьей Польши, боярской Румынии

и буржуазной Чехословакии в соответствии с планами международного империализма пытались создать своего рода «санитарный кордон» против распространения идей Великого Октября в странах Центральной и Восточной Европы, подготовить плацдарм и надежный тыл для борьбы против Советской власти. Украинский буржуазный национализм и греко-католическая церковь подчинили этой политике свою предательскую антинародную и антинациональную политику. «Лозунг «ориентации только на свои силы», — откровенно заявил один из тогдашних националистических воротил С. Петлюра, — это хороший митинговый лозунг, но серьезный политик должен сказать себе, что этого мало, что следует искать сильного союзника». Д. Донцов, видимо, причислял себя к категории «серьезных политиков», ибо формулировал националистическое «верую» предельно четко. По его словам, «нужно нам (националистам. — Ю. Р.) опереться на сильную милитарно Польшу, которая бы могла со своей могучей армией быть нашим союзником». Этот подход стал магистральной линией украинского буржуазного национализма. Оуновцы заявляли о том, что они «не желают вызвать восстание против Польши», ибо это было бы «вредным для украинской национальной sprawy» (буржуазного национализма. — Ю. Р.).

Жалкое пресмыкательство санкционировалось униатской церковью, которая также стала важной опорой господствующего эксплуататорского строя. В. И. Ленин, указывая на взаимосвязь национализма и клерикализма, как двух сторон деятельности эксплуататорских классов, считал их общей социальной функцией — сохранение классового господства, примирение с этим господством, отваживание трудящихся от революционных действий, подрыв революционных настроений, разрушение революционной решимости²⁶.

Справедливость ленинского подхода видна на примере злополучных «мессианских» кличей украинского буржуазного национализма и униатских клерикалов, которые, по словам коммунистической газеты «Сила», «отрекались от освободительной борьбы». Характерным в этом плане является заявление станиславского униатского епископа Г. Хомишина: «Провиденье божье поставило нас, как часть украинского народа, под власть польской державы, и этому установлению мы должны подчиняться и быть благодарными, поскольку оно для нас является наиболее

благоприятным»²⁷. Речь шла о фактическом союзе униатско-националистической контрреволюции с белополяками, с помощью которых она рассчитывала подавить национально-освободительное движение в Западной Украине, совместными усилиями попытаться свергнуть социалистический строй на Украине. Это было подлинное национальное предательство местной, «отечественной» буржуазии, действующей «солидарно» с польской, еврейской и прочей буржуазией с позиций антисоветизма.

ЦК КПЗУ, разрабатывая программу действий по разоблачению униатско-националистического постулата «Западная Украина — Пьемонт украинского возрождения», указал: «Необходимо усвоить, что фраза о «самостийной» и «соборной» Украине является лишь маскировкой стремлений имущих классов к социальному и национальному угнетению рабочих и крестьян, к превращению Советской Украины в колонию заграничного капитала и вассалов польского фашизма»²⁸.

Униатская церковь всячески способствовала ополячиванию, чехизации, мадьяризации населения Западной Украины и Закарпатья, выступала тормозом в развитии прогрессивной культуры, препятствовала осознанию трудящимися своих социальных и национальных интересов. Она насаждала религиозный фанатизм, национальную ограниченность, враждебность к русскому и другим братским народам. В период, когда Галиция стонала под железной пятой Пилсудского, когда был создан и успешно действовал антифашистский Народный фронт, униатско-националистические прислужники в страхе перед полным крахом оккупационного режима цинично заявляли: «Лучше пусть Гитлер заберет Украину... Хотя он несет с собой фашизм, все же лучше примириться с ним, нежели с Советской властью». Оуновские главари обязывались превратить Украину в аграрный придаток фашистской Германии, обеспечить «немецкий контроль над войском и заграничной политикой». Отсюда попытки обосновать существование какого-то особого украинского народа на западноукраинских землях, не имеющего-де ничего общего с восточными украинцами. Именно в этом, в частности, состоял основной смысл опуса И. Гашпара «Социальная биология русинов», отрицающего кровное единство трех братских народов, и прежде всего украинцев с русскими. Писанина И. Гашпара, В. Мартынца и других была направлена на то, чтобы в угоду инозем-

ным захватчикам разбить украинский народ на отдельные группки, поставив под сомнение целесообразность совместной борьбы трудящихся западноукраинских земель против «своих» и «чужих» эксплуататоров.

Тысячи людей пострадали от зверств оуновских бандитов, учинивших настоящий террор в духе реализации тезиса: «наша власть должна быть страшной». Как отмечал в 1934 г. орган ЦК КПЗУ журнал «Наша правда», «банды националистов, вооруженные огнестрельным оружием, топорами и ломами, нападают на жилища активистов революционного движения, разрушают и уничтожают помещения революционных профсоюзов, читален «Просвіт», стремятся физически уничтожить революционный актив, запугать и терроризировать народ».

Может быть, униатские душпастыри выступили с осуждением этого варварства? Может быть, их заел стыд за содеянное или хотя бы какое-либо сожаление? Может быть, они кляли свою судьбу, связавшую их с убийцами собственного народа? Может быть, прислушались к божьему гласу милосердия, оказавшемуся голосом судьбы? Отнюдь нет! Униатская церковь благословила подлинный террор по отношению к трудящимся. Рупор униатского клира газета «Мета» выступила с полным одобрением преступлений оуновцев, идеологию и деятельность которых признавала «здоровой».

Униатский теолог Н. Конрад определил взаимосвязь национализма и религии как проблему не только обычной политической целесообразности, но и общей борьбы пресловутого «меча и креста» против поступательного, прогрессивного общественного развития, против распространения коммунистических идей. «Католицизм и украинский национализм,— писал он,— в силу объективной необходимости оказались в одном консервативном лагере, и их сближение — явление закономерное и необходимое как для униатской церкви, так и для украинского национализма». Нельзя не отдать должное автору за его прямо-таки точное вычленение главного в альянсе украинского буржуазного национализма и униатского клерикализма — консервативности и контрреволюционности.

Дальнейшее объединение антисоветских сил произошло в период осуществления провозглашенной папой Пием XI так называемой «католической акции», что фактически означало призыв к «крестовому походу» против СССР. Папа разработал конкретную программу

реального участия церковников в борьбе с коммунизмом, собственную социальную доктрину, которая предлагалась в качестве альтернативы социалистическим стремлениям пролетариата, его коммунистическим идеалам. Клерикальные организации и партии, возникшие в различных капиталистических странах, провозгласили лозунг переустройства общественной жизни на принципах христианства с «устранением» социальных антагонизмов. На деле же речь шла об отрыве трудящихся от революционной борьбы за подлинное социальное и национальное освобождение, о прикрытом религией стремлении увековечить эксплуататорский строй, отношения господства и подчинения.

Политизированная социальная доктрина клерикализма своим острием была направлена против коммунизма, против переустройства общества на социалистических началах. В период, когда усилился террор ОУН против коммунистов, А. Шептицкий выступил с воззванием «Под общее знамя», в котором агитировал сплотиться в единый союз под эгидой католичества и прежде всего стать на почву лояльности в отношении государства.

На подавление освободительного движения трудящихся, на отрыв от революционных организаций рабочего класса и была направлена деятельность разного рода экономических, кооперативных, спортивных, молодежных, женских и иных организаций, созданных униатскими кругами. Сущность же самой «католической акции» на западноукраинских землях хорошо определил прогрессивный писатель А. Крушельницкий. «Католическая акция», — по его словам, — это стремление церкви повернуть колесо истории на тысячу лет, повернуть человечество XX столетия к темноте X—XI веков, стремление превратить верующих католиков в священников, которые не имеют права действовать, самостоятельно жить, они должны быть манекенами, шахматными фигурками в руках игроков... Это — не что иное, как форма, которая должна привести к... заковыванию всего человечества в кандалы средневековой неволи, духовной и физической. А придет ли средневековая инквизиция в виде средневековых костров или найдутся для нее другие переносные костры — это безразлично, коль скоро все человечество (католическое) станет армией ордена «светских рыцарей», оно, как всякая армия, будет знать только послушание своей власти»²⁹.

Национал-униаты образовали в 1931 г. клерикально-националистическую организацию «Украинский католический союз» во главе с Шептицким, систему других антисоветских организаций, создав тем самым организационную форму реакционного блока украинского буржуазного национализма и униатского клерикализма, завершив оформление их идейно-политического союза. «В католическом союзе,— писала по этому поводу коммунистическая западноукраинская газета «Сила»,— сошлись и приятель поляков В. Липинский, и будто бы ярый враг их Г. Кучабский. И нашли общий язык, вместе работают над укреплением союза между польскими и украинскими фашистами для совместного похода на Киев. Католический союз становится сборищем самых ярых врагов Советской Украины, которые собираются войной уничтожить ее, чтобы на ее руинах построить панскую, фашистскую Украину»³⁰.

Униатско-националистический альянс видел свою едва не главную миссию в «освобождении» Советской Украины, украинского народа от Советской власти, от социализма. «В качестве цели своей партии,— писал Ярослав Галан,— Шептицкий избрал регулирование жизни украинской Вандеи (буржуазно-националистической контрреволюции.— Ю. Р.) таким образом, чтобы любая второразрядная цель не заслонила бы главной — нещадной борьбы с революционным Востоком».

Прикрываясь лозунгом «Все для Христа и Украины», что означало реализацию требования «все для церкви и элиты», униатская иерархия и националистическая верхушка готовили кадры будущих террористов, диверсантов, провокаторов и карателей, которые в годы Великой Отечественной войны проявили себя как настоящие палачи украинского народа.

Для реализации своих антинародных замыслов украинские буржуазные националисты и клерикалы рассчитывали на помощь западных держав. Так, оуновцы были не прочь запродать украинские земли фашистской Италии. Еще в 1931 г. руководитель филиала ОУН в Италии встречался с министром корпорации страны и умолял его, чтобы Муссолини потребовал мандат на «управление» западноукраинскими землями. Раскрывая при этом, какие выгоды получила бы фашистская Италия, «заполучив Западную Украину», он цинично заявил: «Она имела бы возможность пользоваться галицийской неф-

тью, могла бы увеличить с новым мандатом свое европейское влияние; могла бы — и что самое главное! — ...получить ключ к восточной, большой Украине»³¹.

В 1936 г. буржуазно-националистические «самостийники» встречались в Варшаве с послами фашистской Германии и Венгрии и в специальном соглашении с ними оговорили свое стремление «бороться за освобождение Украины... и полное уничтожение большевизма» в уплату за установление на Украине 50-летнего протектората этих держав³². «Пакт с Германией» подписал в 1937 году экс-гетман П. Скоропадский. В нем предусматривалось, что Украина будет отдана под контроль немецких фашистов «на вечные времена». Правда, Скоропадский тремя годами раньше дал подобное обещание боярской Румынии.

С благословения униатских владык («Пастырское письмо» А. Шептицкого) в оккупированном гитлеровцами Львове 30 июня 1941 г. провозглашается «акт» о так называемой самостийности Украины и о создании марионеточного буржуазно-националистического «правительства» — краевого управления во главе с Я. Стецько. «Акт» от 30 июня стал, по существу, своеобразной торжественной официальной присягой украинских националистов разбойничьему фашизму, документом позора и предательства, в котором украинские националисты присягались в том, что «украинская держава будет тесно сотрудничать с национал-социалистской Великой Германией, которая под руководством своего вождя Адольфа Гитлера устанавливает новый порядок в Европе и мире».

Провозглашение «самостийности» выполняло роль психологического оружия, призванного дать абсолютно фальшивые представления населению о нацистских планах колонизации, позитивно его настроить к оккупантам, разжечь национальную вражду. «Прикрываясь именем родины, бога и церкви, украинские националисты и церковники пытались подорвать боевой дух советского народа и его Вооруженных Сил, посеять у них сомнение в справедливости освободительной войны против фашистских оккупантов, расшатать веру в конечную победу над врагом... ослабить политическую сознательность советских людей, временно оказавшихся под гитлеровским игмом... Провозглашение буржуазными националистами «самостийности» Украины рассматривалось германской разведкой как ординарная акция «психологиче-

ской войны», направленная на облегчение тактических задач фашистского вермахта. Украинские же националисты видели в этой акции притязательную заявку на свою, пусть самую ничтожную, частичку «власти» над оккупированной гитлеровцами территорией Украины»³³. Показательно, что в тот период митрополит Шептицкий выразил решительный протест, конечно, не против убийств и грабежей бандеровцев, а по поводу того, что они осмелились при этом носить трезубец без креста. По этому поводу было издано специальное пастырское послание, в котором освящались кровавые преступления буржуазных националистов, а «трезубец и крест» определялись как «малое отличие», символизирующее полное единство контрреволюционных, антисоветских действий украинского буржуазного национализма и униатского клерикализма.

В 1941 г. в Берлине была опубликована на украинском языке книга под названием «Национализм, нация, государство», в которой всячески поддерживался великодержавный шовинизм, геополитические притязания империализма, топчущего права народов. По словам оуновских верховодов, воля нации к жизни, разрастанию и господству проявляется в наиболее чистом виде в форме империализма, «то есть желаний не только утвердить собственную волю к жизни, но отрицать таковую у других». Спев подобного рода панегирик, авторы откровенно расистского опуса утверждали, что именно поэтому «эти естественные противоборства могут быть выравнены лишь в борьбе, в которой вновь все решает сила. Поэтому-то национализм и выдвигает культ силы и резко противопоставляет себя вере в гуманизм. Поэтому-то национализм стоит на почве национального господства, т. е. утверждения неравенства различных народов, того, что у одних из них имеется творческий гений, а у других его нет».

Эти, впрочем, как и все другие места из книги, слишком уж знакомы по печально знаменитым аналогам из арсенала немецкого национал-социализма. А чтобы не оставалось никаких сомнений в нигилизме украинского буржуазного национализма по отношению к другим народам, эти писаки цинично свидетельствовали: «Разве можно согласиться с мыслью о существенном равенстве — равноправии какой-нибудь массы дикого негритянского или другого племени с захватчиками, которые

своими мечами отчеканили на безличном этнографическом хаосе отражение высшего правопорядка мира, свой творческий закон?» И далее: «Право на самостоятельность имеют лишь те народы, которые в борьбе выкристаллизовали в себе стойкое желание собственного, свободного, национально-творческого строительства в понимании своей избранности и силы... Подчеркиваем здесь момент силы, более того, насилия, как единственного средства в этих межнациональных соревнованиях»³⁴.

Мы намеренно привели пространную выписку из буржуазно-националистического чтива, чтобы еще раз подчеркнуть враждебность концепции «мессианства» интересам народных масс, национально-освободительному движению, человечеству в целом.

Правда, как в прошлом, так и теперь украинские буржуазные националисты могли воплощать свои бредовые идеи лишь на бумаге, да поиграть в «мессианство» в основном с помощью голосовых связок. Военными мускулами играли и играют не они, а другие, имеющие реальный вес. Тем крикливее бесновалось сине-желтое «воинство», тем кощунственнее выглядели их поджигательские пассажи, тем разнузданнее было их поведение. Во всяком случае, «территориемания» так овладела буржуазно-националистическими писаками, что рекорд небылиц, не успев установиться, падал один за другим.

Игра в «мессианство» возобновилась с прежней энергией и с прежним «успехом» в 60-х годах. В 1967 г. националистический географ Е. Жарский издал в США учебник для среднего курса школ украиноведения, в котором утверждается, что модель пресловутой «самостийной Украины» включает наивысшую горную вершину Европы — Эльбрус, наибольший европейский канал — Волго-Донской, наилучший курорт — Сочи. Тут же отозвался В. Кубийович, такой же «ученый-географ», побивший, видимо, все рекорды глупости, разрисовав карту «новой Украины», которая «простирается за Варшаву и под Москву, под Ленинград и за Тбилиси».

Современный буржуазно-националистический автор Р. Рахманный признал, что «мессианские раздумья» его собратьев не что иное, как собрание обычных анекдотов типа «украинская проблема является одной из наиболее важных проблем мира». Рахманный приводит в этой связи высказывание известного канадского писателя С. Ле-

кока: оставьте украинскую эмиграцию в покое, и тогда она будет убеждать, что «украинцы победили французов в Трафальгарской битве», более того — «заложили основы Британской империи». Рахманный признает, что Леккок «просмотрел нас насквозь и открыл наше уязвимое место, поставив под сомнение весь наш совокупный национализм». И далее: «В нем затаилась смертельная слабость национального мышления, бесконцепционность», что в конечном итоге привело украинский буржуазный национализм, по его словам, «к абсурду». В этом с Рахманным нельзя не согласиться. Правда, абсурдность украинского буржуазного национализма обозначилась отнюдь не в наши дни, а была ему присуща с момента его зарождения.

Печальный рекорд «гигантомании» принадлежит все же современным бандеровцам, окопавшимся на Западе, которые нарекли себя некоей третьей силой, могущей «вершить» не чем иным, как мировыми проблемами. Выдвинув кощунственное требование («рабочих — опору коммунизма... загнать вниз, в галеры... и держать их там внизу»), оуновцы свели основной вопрос современности к «борьбе» между Украиной и Россией, Киевом и Москвой. «Стоящие перед нами задачи, — утверждает, например, в бандеровской инструкции «Общая оценка политической ситуации и перспективы на будущее», — должны соответствовать великим и неповторимым критериям... ОУН неизменно исходила из понимания того, что на ее плечи историей возложено быть организующей и направляющей силой... Это наиболее революционная историческая миссия в истории человечества после рождения Иисуса Христа³⁵. Довоенное бандеровское кредо — «наша власть должна быть страшной» — усилено в наши дни заявлениями все того же Я. Стецько — «пусть две трети украинской территории будут уничтожены атомными бомбами, лишь бы на одной ее трети воцарилась украинская держава».

Точно таким же было и является кредо воинствующего униатского клира. В «рождественских пожеланиях радости и мира» за 1971 г. униатский епископ А. Сенишин заявил: «Мы твердо верим, что милосердный господь бог имеет отдельные планы относительно судьбы украинского народа и определил ему отдельные задачи к выполнению»³⁶. Каковы они, эти «отдельные задачи», автор не уточняет. Но доподлинно известна главная задача

униатских иерархов — поставить украинский народ на колени.

Концепция «мессианизма» в униатско-националистической упаковке выполняла еще одну функцию — фальсификации исторического прошлого украинского народа, советской действительности. Журнал «Визвольний шлях» опубликовал в 1982—1983 гг. специальную подборку. Пытаясь включиться в муссирование антикоммунистического тезиса о «религиозном возрождении», якобы происходящем в нашей стране, журнал глубокомысленно рассуждает о каком-то «революционном повороте» современного человека к религии и нации, который, видите, начался... с Украины. Там, дескать, происходит процесс «массового возрождения» и быстрого распространения христианства, «чувства национального самосознания и обособленности» украинского народа. Дальше — больше: украинская молодежь вообще увлеклась потусторонними идеалами, что является, мол, следствием того, что «неистребимый национальный дух» все той же «украинской души» органически жаждет бога.

Буржуазно-националистических «прожектеров», утравивших элементарный здравый смысл, настолько «занесло», что они вполне серьезно утверждают, что уже сама по себе концепция «самостийной Украины» является, видите ли, «самой могучей идеей человечества». По их мнению, именно эта «идея» должна якобы «неминуемо» привести к развалу «Московской империи».

В условиях разгула реакции в США оживились и униатские клерикалы. «Не Вашингтон является идейным и политическим антиподом Москвы», — утверждает, например, униатско-националистическая газета «Свобода», — а «Киевское христианство» (униатская церковь. — Ю. Р.), якобы призванное всевышним для уничтожения СССР.

Предпринимаются бесплодные попытки использовать церковный юбилей введения христианства на Руси для доказательства «мессианизма», «богоизбранности» украинского народа, который «отмечен печатью Христа», как единственный наследник духовной культуры Древней Руси. Продолжаются усилия по «доказательству» католической направленности христианизации Киевской Руси, а отсюда — принадлежности Украины к Западу. Именно оттуда якобы «первые католические миссионеры принесли евангелие нашим отцам, одновременно с этим

они же и крестили». Таково содержание специальной публикации «Тысячелетие крещения Украины», изданной в 1979 г. Ватиканом. Сама же подготовка к 1000-летию введения христианства трактуется в плане какого-то мистического соответствия духовного склада украинцев основным постулатам христианской религии, в связи с чем украинский народ и церковь якобы «неразрывно связаны», ибо именно «христианство сформировало украинскую духовность».

По существу, «мессианизм» — это попытка под псевдонациональной и религиозной оболочкой вбить клин между русским и украинским народами. Таков подтекст самозванных претензий униатского клира на создание «Киево-Галицкого и всея Руси» патриархата под эгидой Ватикана.

Муссируются домыслы о том, что украинский буржуазный национализм, точнее, бандеровщина представляет собой «национально-освободительное движение», которое образует в современном мире «третью силу», действующую будто бы в интересах народных масс. Это делается для того, чтобы поднять ничтожный вес украинских буржуазных националистов в глазах зарубежных хлебодателей. Мюнхенский журнал «Український самостійник» вынужден был признать, что «Стецько болеет опасной манией преувеличения, вплоть до болезненного представления, до фантастических небылиц, в которые он уже, видимо, и сам не верит. Точно так же, как он вообразил себя премьер-министром Украины, верит теперь, что из Мюнхена руководит освободительной революцией всех нерусских народов». Другой мюнхенский журнал «Наше слово», обращаясь к бандеровцам, констатировал: «Ваши братоубийства, вашу службу планам Гитлера знает Украина и в мире ваши бесславные дела известны. Поза репрезентантов и выразителей «воли народов» Стецьку и ему подобным идет как корове седло».

«Миссия» отступников заключается в том, чтобы рекламировать украинскую этническую группу в капиталистических странах как своего рода «пушечное мясо» для империалистических агрессоров, ибо, как подчеркивал в 1974 г. националистический журнал «Самостійна Україна», «присяга, отданная Гитлеру, не была отозвана, она и далее обязывает». «Каждый молодой человек,— писал в январе 1982 г. националистический журнал «Крилаті»

в статье под характерным названием «Крестом и мечом — побеждай», — должен готовиться к борьбе... Необходимо изучать идеи УПА; познавать методы ее борьбы... Крест и меч символизируют то оружие, которым придется воевать»³⁷. Комментарии к подобного рода заявлениям вряд ли уместны.

Сомнительная роль «украинского Пьемонта» теперь всецело отведена буржуазно-националистическому клану за рубежом, о котором довольно удачно высказалась чикагская газета «Українське життя». По ее мнению, украинские буржуазные националисты — это политические неудачники, которые не смогли «протолкнуть» свои идеи на родных землях. Поэтому миссией украинской эмиграции (буржуазно-националистической. — Ю. Р.) являются поиски союзников в мире, чтобы кто-либо из великих держав «купил» их концепцию «самостийной Украины».

Основная «миссия» сине-желтых «самостийныков» — способствовать в меру своих жалких сил империалистическим планам развязывания третьей мировой войны, всячески поддерживать мировую реакцию в ее маниакальных расчетах ввергнуть человечество в пучину атомного катаклизма. По мнению буржуазно-националистических подпевал империализма, термоядерная война — это единственный способ остановить распространение коммунистических идей. Униатские клерикалы, в свою очередь, пытаются запугать верующих теми последствиями, «которые будет иметь прекращение или ослабление боя с коммунизмом и вообще со всеми силами, которые враждебны Христовой правде».

«Миссия» современного украинского буржуазного национализма — выполнять функции наемника империалистической реакции, служить орудием воинствующего антикоммунизма.

При этом украинские буржуазные националисты боятся, что не доживут до своего звездного часа. Стецько негодовал: «Запад во главе с Америкой не сумел еще выработать сильную антимосковскую концепцию мирового порядка и соответствующую наступательную стратегию». Тоскует самозванный «премьер» по тому «новому порядку», который во времена его молодости насаждал фюрер с помощью бандеровцев. Поэтому он и призывает иступленно к «созданию ситуации всемирного политического кризиса». Ратуя за достижение столь для него

заманчивой цели, глава ОУН и «Антибольшевистского блока народов» ничем не гнушается: «В Афганистане мы усматриваем свой интерес, состоящий в том, чтобы как можно дольше удерживать и расширять афганский фронт. Надо открыть и новые фронты». Но «главным фронтом» бандеровских преступников остается Советская Украина. Им так хочется верить, что в украинских хатах до сих пор оплакивают их уход с нацистами! И все для того, чтобы, опираясь на американские ракеты, нацеленные на Украину, они «самостийно» уселись на шею народа. Галлюцинации? Конечно. Но такова уж атмосфера антикоммунизма и антисоветизма, неизбежно порождающая подобные галлюцинации.

Таким образом, концепция «мессианизма» используется для того, чтобы отравить сознание трудящихся идеями расизма и шовинизма, затянуть их в паутину национализма и клерикализма, навязать чувство национального или религиозного превосходства.

Цинизм и беспринципность политических спекулянтов, прислужничество и измены — в таком омерзительном виде выступают современный украинский буржуазный национализм, осколки зарубежной униатской церкви, сионизм и поддерживающий его иудейский клерикализм. Именно их активно используют империалистические спецслужбы для развертывания антикоммунистической пропаганды, идеологических диверсий против СССР, стран социалистического содружества, всех свободолюбивых народов.

БУРЖУАЗНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ И КЛЕРИКАЛИЗМ В СИСТЕМЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДИВЕРСИЙ

В современных условиях идеологическое противоборство со стороны империалистических держав приобрело характер тотальной «психологической войны», носящей противоправный характер, поскольку она связана с вмешательством во внутренние дела социалистических стран, нацелена на расшатывание их государственного и общественного строя. Именно поэтому «психологическая война» является формой подрывной, диверсионной деятельности против СССР, стран социалистического содружества. «Психологическая война» есть система действий, связанных с непрерывным всесторонним, скоординированным и целенаправленным использованием лжи и демагогии, экономического, дипломатического и иного давления, разведывательно-диверсионных актов и провокаций, военных маневров и локальных вооруженных операций, рассчитанных на демонстрацию силы и соответствующее воздействие на сознание и поведение граждан социалистических государств¹. Империалистические идеологические диверсанты делают настойчивые попытки перенести центр подрывной деятельности непосредственно на территорию Советского Союза, на многонациональное население страны.

При этом противник исходит из того, что:

— Украина, Белоруссия, Молдавия, прибалтийские и ряд других советских республик максимально приближены к источникам враждебной пропаганды. Если в первые годы после войны на Украинскую ССР были нацелены передачи двух буржуазных радиостанций, то сейчас только на украинском языке ведут передачи радиостанции «Свобода», «Голос Америки», «Радио Канады», «Радио Ватикана» и другие (всего 22 радиостанции, в том числе 14 — религиозно-клерикальных, которые вещают 28 часов в сутки);

— советские республики в последние годы стали местом интенсивного развития международного туризма, каналы которого используются для осуществления диверсионной работы, провоза антисоветской литературы. Так, только в 1981 г. на контрольно-пропускных пунктах на границе СССР в западных областях Украины было изъято около 60 тыс. идеологически вредных материалов²;

— активно используются во враждебных целях почтовые и иные связи лиц украинской, белорусской, латышской, армянской и других национальностей с родственниками за рубежом. Через эти каналы проникает на территорию СССР печатная продукция чуждого нам идейного содержания.

За рубежом, в условиях капиталистического «свободного мира», функционируют несколько сотен антисоветских буржуазно-националистических организаций и групп, находящихся на содержании реакционных империалистических кругов. Среди этих откровенно антисоветских группировок выделяются так называемые Закардонные части ОУН или ОУН (бандеровцев), Организация украинских националистов мельниковского толка (ОУН-м), Украинская революционно-демократическая партия (УРДП). В США и Канаде существуют «межпартийные» или «консолидационные» центры — так называемые Украинский конгрессовый комитет Америки (УККА) и Комитет украинцев Канады (КУК). Влачит свое жалкое существование и так называемый украинский парламент в эзиле, т. е. в изгнании — Украинская национальная рада (УНРада), претендующая на роль «выразителя» интересов украинского народа.

Значительно усилили свою враждебную деятельность остатки униатской церкви. Уже в первые послевоенные годы в Канаде было создано четыре греко-католических епископата. Вскоре была создана украинская католическая церковь (УКЦ) во главе с митрополитом Й. Слипым. В нее вошла также вновь созданная митрополития УКЦ в Западной Европе.

Под эгидой американских спецслужб и при прямом участии иерархов УКЦ создан так называемый Всемирный конгресс свободных украинцев (СКВУ). В конце 1983 г. состоялось четвертое по счету заседание конгресса, носившее откровенно провокационный характер. Сама идея создания СКВУ была заимствована у международного сионизма.

За рубежом функционируют два координационных «межнациональных» антисоветских центра — так называемый Антибольшевистский блок народов (АБН) и Ассамблея поработанных народов Европы или иначе — Парижский блок, руководящую роль в которых играют вожаки украинского буржуазного национализма Н. Ливицкий и др.

Приняв решение о более активном использовании в подрывной внешнеполитической пропаганде «лиц со знанием языков народов СССР», империалистическая реакция отводит разного рода отщепенцам важное место в общей антикоммунистической стратегии. Характерно, что на церемонию провозглашения президентом США так называемой «недели поработанных наций» в 1982 г. было приглашено в качестве «почетных гостей» около 200 главарей разного рода буржуазно-националистических организаций. В 1983 г. перед «почетными гостями» антисоветского пошиба на такой же церемонии выступил вице-президент США Дж. Буш. Очередное провозглашение пресловутой недели в 1984 г. ознаменовалось выступлением президента США, который удостоил рукопожатия бывших эсэсовцев, уголовных преступников, представляющих якобы поработанные нации. Только в январе 1985 г. Рейган дважды обращался к американским гражданам украинского происхождения, заверяя вожаков реакционных националистических групп в своей поддержке, в том числе в связи с годовщиной буржуазно-националистической «самостийности».

Буржуазные националисты стремятся создать впечатление, будто их реакционная, антисоветская деятельность ведется во имя каких-то мифических «национальных идеалов», которые-де пришли в конфликт с социализмом. Украинские буржуазные националисты, в частности, отстаивают фальшивый тезис «о примате украинской культуры в эмиграции», ибо лишь капиталистическое общество, по их мнению, предоставляет возможность для свободного развития культуры.

Буржуазно-националистические «украиноведы» тщатся говорить о каком-то отставании народного хозяйства Украины, ее производительных сил, одностороннем развитии экономики в угоду общесоюзному народнохозяйственному комплексу. Здесь и потуги утверждать что-то об «уродливой специализации», которая-де игнорирует «украинские интересы», и прочие небылицы.

Украинские буржуазные националисты пытаются обработать трехмиллионную украинскую эмиграцию в капиталистических странах в милитаристском духе. Для них важно отравить сознание молодого поколения украинских этнических групп. Бандеровская газета «Українська думка» отмечает, что «молодые кадры должны быть идейно-политически воспитаны и подготовлены для выполнения своих будущих задач; они должны хорошо, до мельчайших деталей знать идеологию украинского национализма».

Отсутствие каких-либо конструктивных идей в украинском буржуазном национализме «компенсируется» апелляцией к обывательскому сознанию у части зарубежных украинцев, попытками сыграть на низменных чувствах и привычках, утвердить буржуазный способ жизни, культ наживы, обелить капиталистическую систему.

Буржуазно-националистические идеологи пытаются привить молодому поколению ненависть к коммунизму, к СССР, другим странам социалистического содружества, дать ему извращенное представление об истории и современной жизни украинского народа, с тем чтобы любыми средствами подключить к антисоветской деятельности националистические организации. Буржуазные националисты вкупе с униатскими клерикалами стремятся воспитать украинскую молодежь в духе «традиций, ценностей и завоеваний старшего поколения» — традиций национального предательства, прислужничества фашистам, мировой реакции.

Призывая молодежь украинского происхождения «жить с Украины», на чем, по их словам, можно «неплохо заработать», они предлагают включиться в так называемые украиноведческие студии — по существу подрывные акции, которые, естественно, хорошо оплачиваются покровителями «украиноведов», «украинолюбов» и т. д.

Бесчестность, полнейшая беспринципность — таково подлинное лицо униатско-националистических подголосков, которые любыми путями хотят продлить свое бесславное существование. Один из бывших сотрудников радиостанции «Свобода» признал, что «никогда еще в нашей жизни не распространялось вранье так вызывающе, как ныне в эмиграции, и так массово». Ему вторит «самостийнический» еженедельник «Вільне слово»: «У нас в эмиграции родился новый класс, класс

никчемных публичных лжецов, которые обманывают своих земляков».

О подлинной миссии современных буржуазно-националистических «воителей» проговорилась, в частности, газета «Свобода», отражающая взгляды бандеровских «радетелей» украинского народа. По ее словам, «...они (буржуазные националисты.— Ю. Р.) должны помочь своим землякам с Украины... подорвать политическую, экономическую и административную силу России». Это заявление «Свободы» отражает давнюю линию украинского буржуазного национализма, которая в наши дни выразилась в активном участии «сине-желтой» контрреволюции в шпионско-диверсионных акциях, провокационно-террористических и пропагандистско-подрывных действиях против СССР.

Делается все для того, чтобы навязать мысль о так желаемом мифическом «подполье» на Украине. В 1977 г. у бандеровца А. Климчука, который прибыл «туристом» в СССР, было изъято «Обращение подпольной Украины к правительствам стран Запада и мировой общественности стать в защиту национально-государственной независимости угнетенных в СССР народов и основных прав и свобод человека». В нем указывалось на настоятельную необходимость оперирования понятием «подполье», ставилась задача распространять на Украине слухи о засилии бандеровцев и предстоящих расправах с советскими людьми, сеять страх, создавать панические настроения. «О каком «подполье» на Украине вы грезите, господа? — пишет в этой связи украинский поэт В. Винграновский.— Кому это вы советуете «перейти в подполье» и действовать анонимно или «от имени подставных организаций»? Украинский народ, который вот уже свыше 60 лет идет путем, указанным великим Лениным, удовлетворен своей счастливой судьбой, уверенно строит свою новую жизнь и никому не позволит вмешиваться в нее. Так что не воспринимайте желаемое за действительное!»³.

Специальные службы и идеологические центры полностью содержат буржуазно-националистическую прессу. ЦРУ ежегодно выделяет 100 тысяч долларов на издание клеветнической антисоветской литературы так называемому закордонному представительству украинской головной вызвольной рады — ЗП УГВР. Подачки из «нансенского фонда» получают националисты, окопавшиеся во Франции. Так называемые Украинская сво-

бодная академия наук (УВАН), Украинский свободный университет (УВУ), Научное товарищество имени Шевченко (НТШ) финансируются спецслужбами через частные фонды Форда, Рокфеллера, Карнеги и др.

Буржуазные националисты пытаются как можно быстрее выйти, наконец, «из своего гетто» и включиться в «гигантскую борьбу, исход которой для нас (украинских буржуазных националистов.— Ю. Р.) более чем для любой из этнических групп в Америке является вопросом жизни и смерти». Журнал «Вісник», в свою очередь, заявляет: «Мы лучше, нежели другой сегмент американского общества, знаем коммунизм». И, как оказывается, на подобного рода заявления клюнули. Националистическая газета «Наш голос» не так давно перепечатала на украинском языке статью Рейгана «Этнический американец и его роль в американском обществе», в которой обращается внимание на роль реакционной эмигрантщины в осознании американцами «реальной угрозы коммунистической тирании».

Перед нами — образчик очередной «миссии» современного украинского буржуазного национализма — готовность выполнить наиболее гнусные поручения мировой реакции, поддерживать маниакальные планы поджигателей новой войны, оправдывать и защищать политику гегемонизма, агрессии, которую осуществляет американский империализм, стремящийся к установлению мирового господства. «Политическая система США,— утверждает, например, журнал «Вісник»,— одна из лучших в мире и каждый американец может быть горд за свою страну». Трудно сказать, чего больше в этом высказывании — жалкого пресмыкательства перед оголтелой реакцией в США, попирающей элементарные свободы, права человека, или вождельний влюбленных до безумия в «американские ценности» «самостийнических» маньяков, ратующих за «создание планетарного мира по американскому образцу». Спрашивается, чем это заявление отличается от соответствующих заявлений американских ультра? Ничем, разве только специфичностью позиции жалкой марионетки, которая готова на все мерзости в своей безоглядной ненависти к своей бывшей родине, бывшим землякам.

Вот что предлагают новоявленные геростраты буржуазно-националистического пошиба: «Весь Донбасс, Кривой Рог, Киев, Львов, Одесса, Харьков, Николаев — это

такая промышленная концентрация что даже недоучившийся стратег сразу же поймет, что ее необходимо вывести из строя первыми атомными выстрелами». «Недоучившиеся стратеги» — этот «крылатый» афоризм с полным основанием относится к украинским буржуазным националистам и униатским клерикалам, которые как раз накануне 1500-летнего юбилея Киева «разработали» для заокеанских ястребов «рекомендации» обязательно включить Киев в число объектов ядерной атаки со стороны США в предстоящей войне. Они настойчиво, с неприкрытым цинизмом «рекомендуют» правительствам западных стран организовать воинские части из «однонациональных групп» и создать при НАТО или Пентагоне специальный диверсионный отдел для руководства ими⁴.

Призывая клерикально-националистический клан к активному участию в «крестовом походе» против коммунизма, ярый антисоветчик Я. Стецько называл агрессивные войны... «путем божественной справедливости».

Как признала чикагская газета «Українське життя», украинские буржуазные националисты мечтают о перестройке мира на нацистских принципах, о реванше, о возвращении на Украину, захвате там власти и поэтому делают все для «ускорения войны». Пока же, как предлагает, например, один из буржуазно-националистических вожakov А. Каминский, необходимо развернуть идеологические диверсии против СССР, в частности против Советской Украины. При этом ставится задача использовать любые методы подрыва социализма от так называемой «организованной неорганизованности» до организации «спонтанных взрывов», проводя подрывную работу «от детского садика и школы вплоть до Академии наук, от колхоза до промышленного комбината». «Тихая контрреволюция» украинского буржуазного национализма предусматривает необходимость осуществления спекуляций в области демографической политики, психологии, культуры, науки, школьного образования, экономики и в конечном итоге — политики.

Наряду с происками украинских буржуазных националистов сионистские круги стремятся разжечь эмиграционные настроения среди советских евреев. Буржуазная пропаганда продолжает их националистическую обработку, пытается разжечь антагонизм между евреями и неевреями, призывает к созданию в нашей стране «еврейской культурно-национальной автономии». Передачи «Радио

Израиля» на иврите на СССР и некоторые социалистические страны носят, по существу, инструктивный характер, нацеленный на консолидацию шовинистических элементов, содержат призывы к антисоветской деятельности.

Сионистская пропаганда стремится возбудить у граждан еврейской национальности этноцентрические психологические стереотипы, которые должны служить благоприятной почвой для последующего восприятия сионистских идеологических установок (спекуляции вокруг «еврейской культуры» и «еврейской истории»).

В последнее время пропаганда сионистских измышлений о «вечности» и «неизменности» антисемитизма, выдумки о «советском антисемитизме» дополнены откровенно русофобскими измышлениями, клеветой в адрес украинцев, белорусов, литовцев, других народов нашей страны. Советский исследователь С. М. Рогов отмечает, что «сионистские круги хотят возбудить шовинизм среди еврейского населения. В то же время пропаганда сионистов нередко строится таким образом, чтобы оскорбить национальные чувства неевреев, попытаться посеять в их сердце семена антисемитизма»⁵.

Обращают на себя внимание и некоторые новые нюансы в попытках сколотить что-то наподобие альянса между украинскими буржуазными националистами и сионистами в плане продолжения так называемого украинско-еврейского диалога. Если ранее речь шла об объективном совпадении антисоветских позиций врагов «своих народов», об эпизодических контактах между буржуазно-националистическими подпевалами мировой реакции и отдельными «интеллектуалами» сионистского толка, то в наши дни предпринимаются попытки выработать их общую платформу антисоветской борьбы. Маскируя свой антисемитизм заигрыванием с сионистскими кругами, украинские буржуазные националисты надеются получить от них дополнительную материальную помощь для усиления подрывной деятельности против Советской Украины, с одной стороны, и максимально использовать сионистский опыт осуществления идеологических диверсий — с другой.

В 1977 г. в Иерусалиме было создано специальное Общество по изучению украинского еврейства, преобразованное в Общественный комитет еврейско-украинского сотрудничества с филиалами в капиталистических стра-

нах. Участились поездки в Израиль буржуазно-националистических дельцов.

Украинская реакционная эмиграция, признает, например, сионист, сотрудник диверсионной радиостанции «Свобода» И. Клейнер, «буквально из кожи лезет, чтобы установить доброе отношение с мировым еврейством... Хотя бы намек на сочувствие и понимание с нашей стороны, хотя бы кивок головы, кивок, который нам ничего не будет стоить, значительно укрепил бы их решимость считать евреев не своими врагами, а... потенциальными союзниками». Довольно откровенно сказано, со знанием дела и подлинной «ценности» самостийнических искателей новых хозяев! Газета «Свобода» (1978 г.) заявила в свою очередь: «Мы, словом, как правильно отметил И. Клейнер, из кожи лезем, чтобы установить взаимоотношения с ними».

О жалких политических банкротах хорошо сказала выходящая в США прогрессивная газета «Українські вісті». Украинские буржуазные националисты, писала она, по существу «утратили координаты действительности, а все их иллюзии и надежды — это российские великодержавники типа Солженицына и болтовня сионистов». И далее: «Они не помогут спасти выродившийся украинский буржуазный национализм, как не помогли ему скоропадские, денкины, пилсудские и гитлеры».

Чикагская газета «Українське життя» усмотрела общность сионизма и украинского буржуазного национализма в том, что «сионизм не лучший и не худший, нежели любая форма украинского национализма». В самом деле, не лучший, ибо, отталкиваясь от одних и тех же реакционных мировоззренческих принципов, он исповедует ту же человеконенавистническую идеологию, придерживается аналогичных «моральных» устоев, проникнутых ненавистью к «своим» народам, к прогрессивному человечеству.

Попытки сблизиться с сионизмом в очередной раз демаскируют буржуазно-националистическую «диаспору», разоблачают националистических клерикалов в глазах прогрессивной зарубежной общественности.

Империалистическая пропаганда проявляет повышенный интерес к вопросам религии и церкви. Здесь наблюдается тесное переплетение церковно-экстремистской и националистической тематики. Нашему противнику религиозный канал идеологического проникновения показал-

ся более перспективным, ибо он дает якобы возможность втянуть в политические спекуляции не отдельных лиц, а многочисленную категорию верующих. Но главное, здесь «советологи» усматривают готовую организационную структуру, которую можно было использовать для подрывной работы ⁶.

Объектом особого внимания для зарубежных антикоммунистических центров стали религиозные организации нашей страны. Вот что пишет, например, выходящий в ФРГ журнал «Остойропа»: «Наша обязанность заключается в том, чтобы чувствовать себя связанными с этими людьми (верующими в социалистических странах.— Ю. Р.) и оказывать им поддержку в их борьбе против безбожной коммунистической власти в конечном счете политически, эти лица — наша главная надежда».

Западные подрывные центры делают ставку на сознательное преувеличение национальных особенностей, на противопоставление одних народов другим, создание расхождений, недоразумений между ними. Причем нередко разжигание националистических взглядов проводится под прикрытием религии, за счет отождествления национального и религиозного. Собственно говоря, клерикальные организации и диверсионно-идеологические центры Запада под видом религиозной деятельности стремятся разжечь националистические настроения, пытаются вовлечь священнослужителей во враждебную деятельность по распространению отживших религиозно-националистических концепций и стимулированию оппозиционных настроений к советскому строю. «Многочисленные идеологические центры империализма,— подчеркивалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС,— стремятся не только поддерживать, но и насаждать религиозность, придать ей антисоветскую, националистическую направленность» ⁷.

Национализм и клерикализм используются как важное средство политико-идеологической подрывной борьбы империализма против СССР, идеологических диверсий, направленных на дестабилизацию социалистического строя. Одновременно национализм и религия выступают в роли своеобразного прикрытия для подрывной деятельности спецслужб империализма против СССР и других социалистических стран. Их «служебная» роль — инспирирование таких националистических проявлений, как национальный эгоизм, местничество, идеализация исто-

рического прошлого своей нации, сохранение отживших национальных традиций, консервация религиозных обычаев и традиций, разжигание религиозного фанатизма и экстремизма.

Функция национализма в идеологических диверсиях заключается в том, что он призван, по мысли «теоретиков» антикоммунизма, поддерживать горение, точнее тление, затухающих очагов националистических предрассудков, оживлять националистические пережитки, которые тесно взаимосвязаны с такими явлениями, как безыдейность, аполитичность, мещанство, мелкобуржуазный индивидуализм, религиозные пережитки, анархическая вседозволенность, корыстолюбие, нигилизм.

Клерикальные идеологи стремятся протащить в нашу страну «научно» задрапированные религиозные концепции, псевдонаучные реакционные гипотезы, извращая при этом весь комплекс проблем, относящихся к свободе совести, положению религиозных организаций в СССР, атеистическому воспитанию трудящихся. Идеологи клерикализма рассчитывают прежде всего на отсутствие у определенной части молодежи идейной убежденности, на их мировоззренческую неустойчивость. Они считают, что различные религиозные представления могут вызвать неуверенность в своих силах, отказ от активного участия в общественных делах.

Одной из функций буржуазного национализма и клерикализма в идеологических диверсиях является формирование враждебных общественных установок по отношению к другим нациям и народностям, прежде всего, за счет усиления обработки нерусского населения Советского Союза в направлении возможного формирования негативных установок антирусского характера, так называемой русофобии (мифы о «русификации», «русском лингвистическом империализме» и др.).

В последнее время идеологические диверсанты «подкрепляют» традиционный тезис о «русификации» аргументами, «взятыми» чуть ли не из теории и практики атеистического воспитания в нашей стране. Атеизм при этом изображается мировоззрением, противоречащим-де национальным традициям, национальным особенностям нерусского населения.

Муслируется тезис о «религиозном сопротивлении» в советском обществе. Характерными в этом плане являются высказывания английских авторов Т. Бимиш и

Дж. Хэдли. Начав с того, что, дескать, в СССР «украинцы и другие национальные меньшинства требуют соблюдения конституционного права на расовое равенство (не в ладах, видимо, авторы с этнографией.— Ю. Р.) и местную автономию», авторы утверждают: «Православные христиане, баптисты и евреи протестуют против ограничения свободы культов и возможности объединения в религиозные общества»⁸.

Важно отметить, что клерикальные антисоветские центры пытаются выдать за «прочную тенденцию» выбор богоскательских тем некоторыми советскими писателями, уповают на использование в подрывных целях привлекательности культовой живописи, моды на ношение религиозных символов, участие молодежи в отправлении религиозных обрядов. Идеологические диверсанты пытаются трактовать эти негативные явления как «широко распространенный» интерес к религиозной информации, теологической литературе.

Зарубежные церковные организации стремятся вызвать раскол среди религиозных организаций в СССР, используя для этого клеветнические провокационные утверждения о «русификаторской» и «атеистической» функции существующих в стране церковных объединений. Предпринимаются попытки возобновить на Украине деятельность униатской и автокефальной церквей, добиться создания протестантских объединений по национальному признаку, различного рода «комитетов», разжигания религиозного экстремизма и фанатизма, с тем чтобы, как выразилась клерикальная газета «Свобода», «освободить народы Советского Союза, которые угнетаются в ярме и тьме атеизма».

Политиканство униатских клерикалов носит не только декларативный характер. Они стремятся по мере возможности совершать практические акции подрывного характера, в частности вести подрывную работу, направленную на верующих в СССР.

Униатские верховоды, паразитируя на «украинском происхождении», принимают самое деятельное участие в разного рода антисоветских шабашах, муссировании домыслов о «русификации», «ассимиляции» нерусских народов, «подкрепляя» эти надуманные доводы тезисом о «преследовании национальной церкви» и т. д. Осуществляется совместная униатско-националистическая «инициатива» по созданию так называемого Киево-Галицкого

патриархата. Один из буржуазно-националистических главарей, униатский душпастырь И. Гриньох полагает, что именно эта, по его словам, объединяющая идея может цементировать униатско-националистический альянс «в одной цели».

Наблюдается тенденция к объединению усилий зарубежных «украинских» конфессий для совместных идеологических диверсий. Добиваясь повышения своего удельного веса в антисоветской подрывной деятельности, униатские иерархи взялись за осуществление так называемого украинского экуменизма, т. е. объединения зарубежных украинских клерикальных организаций в некий «единый фронт». Возня вокруг «украинского экуменизма» имела еще одну подоплеку — обоснование клерикального национализма. Один из наиболее ярких антисоветчиков М. Кушнир, пересыпая клеветнические измышления на советский строй лицемерными словами о христианской любви, национальном гуманизме и прочем, рассматривает христианство как единственную силу, способную в современных условиях противостоять коммунизму. По мнению этого автора, недостатком христианства является «аполитичность», поэтому «в великой исторической битве с коммунизмом решающую роль может сыграть национализм христианского типа». Его задача — сформировать «единый, бессмертный христианский народ» Европы. В качестве образца такого национализма предлагается украинский буржуазный национализм, который, дескать, доказал свой христианский характер и должен исполнить миссию распространения «этого способа мышления и этой политической идеологии» во всей Европе.

Националистические главари учуяли выгоду от эксплуатации идей «украинского экуменизма», которые возводят дополнительную маскировочную завесу над совместной антисоветской деятельностью клерикалов и националистов под ширмой «церковной», «христианской» деятельности. Я. Стецько, например, неоднократно выступал в поддержку «единой украинской церкви», которая, по его словам, поможет «соединить национально-патриотическую (буржуазно-националистическую.— Ю. Р.) идею с религиозной (католической.— Ю. Р.), укрепив тем самым так желаемый альянс трезубца и креста, вписав несколько «органичней» униатское политиканство в общую подрывную антисоветскую дея-

тельность. Именно с таких позиций выступила в марте 1982 г. и бандеровская газета «Свобода», которая вновь декларировала настоятельную необходимость развивать свой «отечественный» экуменизм. «Не чужеземный, международный или так называемый универсальный, а внутренний украинский экуменизм». По мнению газеты, последний «сможет стать незаменимой силой в борьбе» против Советского Союза, социалистической системы.

Долгое время униатские клерикалы носились с вымыслом об униатской католической «церкви-матери» на Украине и «церкви-дочери» на Западе. Буйная фантазия иерархов УКЦ привела к созданию очередной фальшивки: дескать, существует вообще «одна церковь, центр которой находится на Украине».

«Украинский экуменизм», или, как его еще называют, «единая для всех украинцев религия», — воинственная концепция подлинного пресмыкательства, антинародная программа, антипатриотическая догма, служащая врагам мира, поджигателям новой войны. Сам по себе «экуменический диалог» сводится к призывам к объединению всех христиан, которые, по словам «Свободы», не преклонили своих коленей перед сатаной, т. е. фактически к объявлению «религиозной войны атеистическому большевизму». Причем все эти антисоветские бредни оформляются как мессианское «посланничество» церковью клерикально-националистического толка. По мнению одного из националистических верховодов И. Гриньоха, существует два «посланничества»: одно в отношении Украины, второе — всех христианских церквей и человечества вообще. Первое заключается в подготовке «миссионеров» для «евангелизации» Украины после ее «освобождения от большевизма» в результате ракетно-ядерной войны. Отсюда — необходимость «украинского экуменизма», «церковного объединения» для того, чтобы сообща «искоренить атеизм в освобожденной Украине». Запад же должен брать «пример с эвентуального нашего единства» для создания «единого христианского антикоммунистического и антисоветского фронта».

Идея экуменизма в униатском исполнении носит католический характер, о чем недвусмысленно заявил в августе 1982 г. И. Слипый, отстаивая идею «сохранения вселенскости и католицизма Христовой церкви» в мифической «Руси-Украине» или «Киевской митрополитии и всея Руси». Во имя осуществления этой сумасбродной

идеи окатоличивания населения СССР Слипый призывал униатских самозванных иерархов к осуществлению важнейшей «божественной» заповеди — «пусть сгинет мир, но пусть воцарится справедливость». Немецкий еженедельник «Дойчес альгемайнес зонтагеблат» в этой связи писал в феврале 1982 г.: «...Слипый с его воинственными устремлениями является лишь пережитком холодной войны, которая уже до его появления на Западе стала «вчерашним днем» в новой восточной политике Ватикана. И поэтому его (Слипого.— Ю. Р.) исчезновение с политической арены было, по существу, обусловлено загодя».

Где выход из создавшегося кризиса? Некоторые националистические круги предлагают вообще отречься от самого понятия национализм. Газета «Українське життя» в феврале 1978 г. устами некоего А. Богочевского откровенно заявила: «не лучше ли было бы для нас (украинских буржуазных националистов.— Ю. Р.) не употреблять того баламутного контroversионного слова «национализм», которое нам ничего не дает». Автор предлагает поискать что-то поделикатней, изобрести такое понятие, которое не будет ассоциироваться с догмами типа «нация прежде всего», «авторитарная система» и прочими шовинистическими «перлами» украинского буржуазного национализма.

Другой эмигрантский автор А. Белинский видит одну из причин развала буржуазно-националистического лагеря в несолидности идеологических диверсионных акций националистических клерикалов, которые, по его мнению, предпринимают усилия, чтобы «сделать из советской системы черта». Подчеркивая невежественность так называемой украинской «советологии» в целом, автор полагает, что она заключается в «показывании языка на расстоянии нескольких тысяч километров». Критикуя своих униатско-националистических коллег, он не без основания отметил, что «они прячут голову в песок, принимают перед украинской эмиграцией позу, будто бы они служат украинскому делу уже тем, что исследуют советскую действительность»⁹.

Прогрессивная украинская общественность в разных капиталистических странах гневно осудила человеконенавистническую сущность украинского буржуазного национализма. Канадская газета «Життя та слово» в апреле 1977 г. писала по этому поводу: «Военным поджигателям и всяким бандеровским маньякам, которые хотят ядерной

конфронтации, необходимо дать надлежащий отпор. Их выступления за войну являются преступлением против человечества».

Важно отметить, что трудящиеся на Западе все глубже начинают понимать подлинную роль униатско-националистических марионеток антикоммунизма, не желают пассивно наблюдать антинародную деятельность бывших гитлеровских приспешников. Так, жители канадского города Брентфорда (провинция Онтарио) в 1983 г. решительно потребовали запретить оуновцам выступать от имени украинской этнической группы в Канаде, вывешивать свое знамя на здании муниципалитета. В местной газете отмечалось, что «поднимать знамя ОУН было бы надругательством над нашими военными, отдавшими свою жизнь, воюя против того, что символизировало знамя ОУН во время второй мировой войны. Это было бы надругательством над тысячами украинцев, которые погибли от рук тех, кто держит этот сине-желтый символ нацизма»¹⁰.

В условиях самой эмиграции, беспокоятся националистические клерикалы, в ближайшее время вообще «некому будет передать флаг борьбы, с которым выехали в скитание». Униатский журнал «Голос спасителя» в августе 1980 г. вынужден был признать, что «националистические и униатские ячейки все более и более уменьшаются, и вообще существует опасность, что они могут вскоре совсем исчезнуть с лица Америки и Канады».

Газета «Шлях перемоги» в январе 1983 г. вынуждена была признать, что дела на «националистическом отрезке выглядят трагически»; «идеологическая и мировоззренческая база» самого украинского буржуазного национализма, политическая программа и поведение «стали сплошной неразберихой». За националистической фразеологией скрывается «смесь противоположных взглядов и концепций, вместо ориентации на идеи наступила ориентация на отдельных людей», причем «драка» ведется «не за принципы, не за позиции.., а за почести для коекого».

К чему это приводит, видно хотя бы из полупризнания еженедельника «Вільний світ», который не так давно писал о том, что украинская молодежь за рубежом «открыто выступает против отцов, ибо они завели в тесный и удушливый угол, в котором безоглядный коммерциона-

лизм затмевает подлинные ценности и цель жизни и превращает человека в безвольное существо...». Молодежь «открыто отбрасывает моральные и материальные ценности, которые защищают отцы».

Еще хуже обстоят дела в униатской католической церкви. На бумаге осталось «объединение» православных церквей типа УПЦ, УАПЦ и УГПЦ, не мирятся протестанты, нет единства и в самой УКЦ. Орган ордена василиан журнал «Світло» признал: «Главная причина неудачи экуменического диалога заключается в нашей церковно-религиозной незрелости, на которой начал спекулировать политический фактор... Не без греха в этом и некоторые «церковные фигуры»... Бессовестные политики, которые лишились возможностей на политическом фронте... перекинулись на религиозный фронт, чтобы без каких-либо угрызений совести использовать церковь как «свое» средство борьбы и место для межпартийных комбинаций»¹¹.

В этой связи прогрессивный общественный деятель Ю. Косач пишет: «Кому нести вашу заплеванную и клеветническую «миссию»? Людям Советской Украины? Украинскому народу, который силен как Лесин ломикамень, мудрый и веселый, как рокот стихий? Украинскому народу, который с каждым днем, с каждой минутой растет в созвездии творческих подвигов под знаком побед»¹².

Попыткам буржуазных националистов и клерикалов всех мастей усилить антикоммунистическую пропаганду и подрывную деятельность советские люди противопоставляют коммунистическую сознательность, основанную на принципах советского патриотизма и социалистического интернационализма.

Идеологические диверсии и провокации сионистов, украинских и любых других буржуазных националистов, клерикального антикоммунизма, поддерживаемые реакционными силами империализма, и в первую очередь США, получают твердый отпор со стороны Советского Союза, всего прогрессивного человечества.

Характерной особенностью развязанной империализмом «психологической войны» является то, что ее ведет классовый противник, политический опыт которого измеряется по времени веками. Он создал гигантский пропагандистский аппарат, оснащенный современными техническими средствами. Идеологические диверсанты пытаются любыми приемами приукрасить капитализм, навязать его стандарты жизни, всеми способами очернить социализм, исказить смысл таких понятий, как демократия, свобода, равенство, социальный прогресс.

Изворотливости и беспринципности буржуазных пропагандистов КПСС противопоставляет жизненную силу подлинно научной теории общественного развития — марксизм-ленинизм, последовательную ленинскую национальную политику, всемерное укрепление дружбы народов, мораль социалистического общества, его культуру, открытость информации, смелый и творческий характер нашей пропаганды.

КПСС видит свою задачу в том, чтобы нести народам правду о реальном социализме, внутренней и внешней политике Советского Союза, активно пропагандировать советский образ жизни, наступательно, аргументированно раскрывать антинародный, бесчеловечный характер империализма, его эксплуататорскую сущность, воспитывать у советских людей высокую политическую сознательность и бдительность, умение с четких классовых позиций оценивать общественные явления, отстаивать идеалы и духовные ценности социализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

¹ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. К., 1986. С. 9.

Раздел I

¹ Кризис стратегии современного антикоммунизма. М., 1984. С. 156.

² Холл Г. Революционное рабочее движение и современный империализм. М., 1974. С. 276.

³ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 19. С. 222.

⁴ Ленин В. И. // Там же. Т. 23. С. 111.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 411, 415.

⁶ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 188.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 427.

⁸ Холл Г. Революционное рабочее движение и современный империализм. С. 275.

⁹ Иордан М. В. Интернационализм против национализма. М., 1982. С. 31.

¹⁰ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 115—116.

¹¹ Ленин В. И. // Там же. Т. 45. С. 28.

¹² Кривелев И. А. // Сов. этнография. 1973. № 4. С. 39.

¹³ О квестії соціальної. Жовква, 1904. С. 5, 6.

¹⁴ Цит. по: Рувинский Л. Л. Сионизм на службе мировой реакции. Одесса, 1984. С. 11.

¹⁵ Цит. по: Сионизм — правда и вымыслы. М., 1980. С. 91, 94.

¹⁶ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 107.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 133.

¹⁸ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 146.

¹⁹ Ленин В. И. // Там же. С. 146—147.

²⁰ Достоевский Ф. М. // Собрание сочинений: В 30-ти т. М., 1983. Т. 25. С. 84.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 412.

²² Маркс К., Энгельс Ф. // Там же. С. 392.

²³ Минкявичюс Я. В. Католицизм и нация. М., 1971. С. 265.

²⁴ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 376.

²⁵ Ленин В. И. // Там же. Т. 12. С. 146.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 558.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. // Там же. Т. 16. С. 406.

- ²⁸ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 10. С. 81.
²⁹ Ленин В. И. // Там же. Т. 19. С. 90.
³⁰ Ленин В. И. // Там же. Т. 17. С. 416.
³¹ Мета. 1937. 7 берез.
³² Визвольний шлях. 1969. № 9. С. 105.
³³ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 347.
³⁴ Гапочка М. П. Материализм против фидеизма. М., 1980. С. 7.
³⁵ Визвольний шлях. 1983. № 3. С. 269—270.

Р а з д е л ІІ

- ¹ Цит. по: Шевцов В. Д. Український буржуазний націоналізм у коричневій уніформі. К., 1981. С. 63.
² Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 294—295.
³ Одуев С. Ф. Тропами Заратустры. М., 1976. С. 415.
⁴ Цит. по: Дмитрук К. Жовто-блакитні банкроти. К., 1984. С. 131.
⁵ Шевцов В. Д. Український буржуазний націоналізм у коричневій уніформі. С. 40.
⁶ Решетников А. Клерикализм. М., 1965. С. 322.
⁷ Цит. по: Горелов М. Е., Камінський Є. Є. Чорна сотня антикомунізму. Харків, 1983. С. 87.
⁸ Laqueur W. A History of Zionism. New York. 1972. P. 589.
⁹ Цит. по: Моджорян Л. А. Сионизм как форма расизма и расовой дискриминации. М., 1979. С. 8.
¹⁰ Цит. по: Peretz D. The Government and Politics of Israel. Boulder (Colorado), 1979. P. 70.
¹¹ См.: Беренштейн Л. Е. Антикоммунистическая сущность идеологических концепций сионизма. К., 1984. С. 36.
¹² Цит. по: Сионизм — правда и вымыслы. С. 22.
¹³ Эрлих В. // Там же. С. 22—23.
¹⁴ Широков А. И. Критика сионистских теорий нации и национальных отношений. К., 1983. С. 15.
¹⁵ Цит. по: Дадиани Л. Я. // Критика национализма — реакционной идеологии современной буржуазии. К., 1981. С. 233.
¹⁶ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 123.
¹⁷ Jewish Journal. 1975. 28 Nov.
¹⁸ XVII съезд Коммунистической партии Израиля. М., 1973. С. 160, 164.

Р а з д е л ІІІ

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 75.
² Кулиш П. Хуторянська поезія. Львів, 1882. С. 47.
³ Етнографічні писання Костомарова. К., 1930. С. 7.
⁴ Собрание сочинений Н. И. Костомарова: Исторические монографии и исследования. Спб., 1905. Т. 1. Кн. 1. С. 55.
⁵ Хуторская философия и удаленная от света поэзия. Спб., 1879. С. 136.
⁶ Сочинения и письма П. А. Кулиша. Спб., 1908. Т. 1. С. 34.
⁷ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 236.
⁸ Полухін Л. К. Формування історичних поглядів М. І. Костомарова. К., 1959. С. 59—60.
⁹ См.: Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 275, 288.

- ¹⁰ Шевченко Т. Г. Кобзарь. М., 1947. С. 268.
- ¹¹ Цит. по: Дубина М. І. Правда звинувачує. К., 1982. С. 83.
- ¹² Грабовський П. Зібрання творів: У 3-х т. К., 1960. Т. 3. С. 300.
- ¹³ Избранные общественно-политические и философские произведения украинских революционных демократов XIX века. К., 1959. С. 470.
- ¹⁴ Цит. по: Римаренко Ю. І. Український буржуазний націоналізм — ворог інтернаціонального єднання трудящих. К., 1970. С. 15.
- ¹⁵ Стецько-Карбович Я. За новий суспільний лад. Б. м., Б. р. Ч. 1. С. 9, 12, 13.
- ¹⁶ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 162.
- ¹⁷ Карпатська правда. 1926. 24 жовт.
- ¹⁸ Цит. по: Кожне слово, кожен крок їх — зрада. Ужгород, 1979. С. 45.
- ¹⁹ Цит. по: Чередниченко В. Націоналізм проти нації. К., 1970. С. 11.
- ²⁰ Цит. по: Атеизм и религия в современной борьбе идей. К., 1975. С. 279—280.
- ²¹ Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма. М., 1973. С. 35.
- ²² Тольятти П. Лекции о фашизме. М., 1974. С. 182.
- ²³ Старух Я. Короткий популярний виклад ідеології і політики українського націоналізму. Львів, 1940. С. 3.
- ²⁴ Орлик М. Ідея і чин України. Б. м., 1940. С. 103.
- ²⁵ Правда про унію: Документи і матеріали. Львів, 1981. С. 191.
- ²⁶ Герцль Т. Еврейское государство. Спб., 1896. С. 66.
- ²⁷ Clarez N. American judaism. Chicago, 1957. P. 152.
- ²⁸ Israel Digest. 1976. 16 Jan. P. 9.
- ²⁹ Neher A. Clefs pour le judaïsme. Paris, 1977. P. 11.
- ³⁰ Цит. по: Против сионизма и израильской агрессии. М., 1974. С. 36.
- ³¹ Плеханов Г. В. // Избранные философские произведения: В 5-ти т. М., 1957. Т. 3. С. 94.
- ³² Визвольний шлях. 1969. № 12. С. 338.
- ³³ Там же. 1972. № 5. С. 566.

Р а з д е л І V

- ¹ Розбудова нації. 1928. № 10—11. С. 333—334.
- ² Цит. по: Уніатство і клерикальний антикомунізм. К., 1982. С. 176.
- ³ Цит. по: Масловський В. І. Дорога в безодню. Львів, 1978. С. 67—68.
- ⁴ Конрад М. Націоналізм і католицизм. Львів, 1934. С. 6.
- ⁵ Сила, 1930, 10 серп.
- ⁶ Достоевський Ф. М. Указ. соч. С. 84—85.
- ⁷ См.: Уніатство і клерикальний антикомунізм. С. 59.
- ⁸ Завдання гетьманського руху на Західній Україні // Хліборобська Україна. 1936. № 1. С. 47.
- ⁹ Дзвони. 1934. № 12. С. 571.
- ¹⁰ Короткий виклад католицького богословія морального. Львів, 1899. С. 41.
- ¹¹ Правда про унію. С. 146—147.
- ¹² Там же. С. 147—148.

- ¹³ Календар «Світла» на 1972 р. Торонто, 1972. С. 68—69.
¹⁴ Пролетарская правда, 1922, 23 февр.
¹⁵ Цит. по: Вісті з України, 1966, № 6.
¹⁶ За волю, за щасливе майбутнє українського народу: Маніфест ЦК КПЗУ. Львів, 1936. С. 8.
¹⁷ Людської крові не змити. К., 1970. С. 3—4.
¹⁸ Галан Я. // Твори: В 3-х т. К., 1960. Т. 2. С. 551.
¹⁹ XVI съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. К., 1949. С. 75.
²⁰ Наша правда. 1934. № 2. С. 37.
²¹ Цит. по: Горелов М. Є., Камінський Є. Є. Чорна сотня антикомунізму. С. 24.
²² См.: Сионизм: теория и практика. М., 1973. С. 20.
²³ Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. М., 1971. С. 250.
²⁴ Цит. по: Против сионизма и израильской агрессии. С. 205.
²⁵ Цит. по: Большаков В. В. Многоликая безработица. М., 1983. С. 121.
²⁶ Demeron P. Contre Israël. Paris, 1968. P. 51.

Р а з д е л V

- ¹ Цит. по: Междунар. жизнь. 1970. № 1. С. 122.
² Horday M. Избранные статьи. Б. м., 1917. Вып. 1. С. 4.
³ Viber M. L'homme et la philosophie. Bruxelles, 1968. P. 15.
⁴ Цит. по: Борьба идей в современном мире. М., 1975. Т. 1. С. 222.
⁵ Цит. по: Иванов Ю. Осторожно: сионизм! 3-е изд. М., 1971. С. 52.
⁶ Renaissance. Jérusalem, 1956. Nov. P. 36.
⁷ Цит. по: Иванченко И. Г. Буржуазный национализм — средство идеологической борьбы. К., 1985. С. 91.
⁸ Там же.
⁹ Цит. по: Дадиани Л. Я. // Критика национализма — реакционной идеологии современной буржуазии. С. 231.
¹⁰ Там же. С. 234.
¹¹ The Canadian Tribune. 1975. 26 Nov.
¹² Land og Folk. 1976. 28 Oct.
¹³ Цит. по: Правда. 1970. 5 марта.
¹⁴ Цит. по: Дадиани Л. Я. Сионизм — идеология расизма и антикоммунизма. С. 263.
¹⁵ Добрецова В. В. На крові і золоті зрощений. К., 1976. С. 20.
¹⁶ Холл Г. Энергетическое мошенничество. М., 1973. С. 217—218.
¹⁷ Оршан Я. Доба націоналізму. Львів, 1938. С. 75.
¹⁸ Библиотека украинского слова. Берлин, 1923. № 37. С. 8, 10, 136—138.
¹⁹ Экспортёры духовного наси́льства. Львів. 1982. С. 24.
²⁰ Там же. С. 23.
²¹ Цит. по: Масловський В. І. Дорога в безодню. С. 58.
²² Чубатий М. Княжа Русь — Україна та виникнення трьох східнослов'янських народів. Нью-Йорк; Париж, 1964. С. 36.
²³ Розбудова нації. 1930. № 7 С. 8.
²⁴ Охримович Ю. Розвиток української національної думки. Львів. 1927 С. 29.

- ²⁵ Цит. по: Добрецова В. В., Маянська В. Г. Зловісний альянс. К., 1978. С. 7.
- ²⁶ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 237.
- ²⁷ Нова зоря. 1931. 23 берез.
- ²⁸ Під прапором Жовтня: Вплив Великої Жовт. соц. революції на піднесення рев. руху в Західній Україні: Документи і матеріали. Львів, 1967. С. 229, 231.
- ²⁹ Нові шляхи. 1930. № 12. С. 351.
- ³⁰ Сила. 1931. 10 трав.
- ³¹ Трощинський В. П. Найманці фашизму. К., 1981. С. 100.
- ³² Шлепаков А. М. Україна в планах міжнародної реакції напередодні другої світової війни. К., 1972. С. 22—23.
- ³³ Чередниченко В. П. Анатомія предательства. К., 1983, С. 103—106.
- ³⁴ Націоналізм, нація, держава. Берлін, 1941. С. 8, 13, 14, 15.
- ³⁵ Цоппи В. // Новое время. 1983. № 49. С. 28.
- ³⁶ Цит. по: Кашуба М. В. Антикомунізм сучасного уніатства. К., 1981. С. 41.
- ³⁷ Безчестя. К., 1983. С. 91.

Раздел VI

- ¹ Федосеев П. Н. // Правда, 1984, 10 сент.
- ² Кравчук Л. М. // Непримириемость к буржуазной идеологии, пережиткам национализма. М., 1982. С. 41.
- ³ Вінграновський В. // В одній запроданській упряжці. Дніпропетровськ, 1978. С. 61.
- ⁴ Цит. по: Против сионизма и израильской агрессии. С. 106.
- ⁵ Рогов С. М. // Непримириемость к буржуазной идеологии, пережиткам национализма. С. 63—64.
- ⁶ Капто А. С. // Воспитывать убежденных патриотов, интернационалистов М., 1982 С. 66.
- ⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983. С. 37.
- ⁸ Beamish T., Hadley J. The Kremlin's Dilemma. London, 1979. P. 14, 23.
- ⁹ Цит. по: Соломатін М. М. Актуальні проблеми ідеологічної боротьби в світлі рішень XXVI з'їзду КПРС. К., 1983. С. 104.
- ¹⁰ Трощинський В. П., Горелов Н. Е. // Коммунист Украины. 1984. № 8. С. 72.
- ¹¹ Світло (Торонто). 1980. № 1 С. 2.
- ¹² Цит. по.: Укр. вісті. 1976. 1 квіт.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО БУРЖУАЗНОГО НАЦИОНАЛИЗМА И КЛЕРИКАЛИЗМА	5
--	---

Раздел II

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ КУЛЬТУРЫ, МИСТИЦИЗМ — НА СЛУЖБЕ КЛЕРИКАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА	26
--	----

Раздел III

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ ТАК НАЗЫВАЕМОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЛИДАРИЗМА	43
---	----

Раздел IV

АНТИНАРОДНОСТЬ КЛЕРИКАЛЬНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ВАРИАНТА «ТЕОРИИ ЭЛИТЫ»	73
--	----

Раздел V

РЕАКЦИОННАЯ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КЛЕРИКАЛЬНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «МЕССИАНИЗМА»	89
--	----

Раздел VI

БУРЖУАЗНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ И КЛЕРИКАЛИЗМ В СИСТЕМЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДИВЕРСИЙ	117
Список литературы	135

Римаренко Ю. И.

Р51 Буржуазный национализм и клерикализм.— К.: Политиздат Украины, 1986.— 140 с.— (Критика идеологии и политики антикоммунизма).

В научно-популярной книге разоблачается антинародная сущность буржуазного национализма и клерикализма на примере взаимосвязи международного сионизма с иудаизмом, украинского буржуазного национализма с униатством. Вскрывается антисоветская основа блокировки сионизма и украинского буржуазного национализма, критикуются попытки представить национализм и религию важнейшими составными частями духовной культуры общества.

Рассчитана на идеологический актив.

Р 0302030900—152
М201(04)—86 31.86

66.5+86.3

Критика идеологии
и политики антикоммунизма

Юрий Иванович Р и м а р е н к о

**БУРЖУАЗНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ
И КЛЕРИКАЛИЗМ**

Киев
Издательство
политической литературы
Украины
1986

Заведующий редакцией *А. И. Осауленко*
Редактор *С. Г. Коровин*
Младший редактор *Е. Н. Колтуновская*
Художественное оформление *С. А. Шибалова*
Художественный редактор *Н. К. Лычак*
Технический редактор *Л. А. Емец*
Корректор *Л. Г. Марковская*

Информ. бланк № 3730

Сдано в набор 01.04.86. Подп. в печать 24.07.86. БФ 36153. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 1. Лит. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,56.
Учет -изд. л. 7,66 Тираж 10 000 экз. Зак. 6-96. Цена 55 к.

Политиздат Украины, 252025, Киев-25, Десятинная, 4/6.

Киевская книжная фабрика «Жовтень», 252053, Киев-53, Артема, 25.

**В ПОЛИТИЗДАТЕ УКРАИНЫ (г. Киев)
В 1986 ГОДУ ВЫЙДУТ ИЗ ПЕЧАТИ:**

Серия
*«Вопросы идеологической борьбы
и контрпропаганды»*

Курилов И. И., Щуровский А. Н.
КРЕСТОНОСЦЫ АНТИРАЗРЯДКИ
10 л., язык рус., 40 к.

В научно-популярной книге дается критика современных «теорий» и концепций антиразрядки, разоблачается милитаристская практика империализма. Книга содержит практические рекомендации по совершенствованию контрпропагандистской работы, направленной на более эффективное разоблачение врагов мира и разрядки, на пропаганду миролюбивой внешней политики.

Серия
*«Критика идеологии и политики
антикоммунизма»*

Савельев В. Л., Фарукшин М. Х.
**НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ
БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
СОЦИАЛИЗМА**
9 л., язык рус., 40 к.

Авторы подвергают критике советологические интерпретации различных аспектов политической культуры социалистического общества, показывают несостоятельность буржуазного мифа об «элитарном» характере социалистической политической культуры, разоблачают попытки западных идеологов исказить суть партийного руководства процессом политического воспитания трудящихся.

В издании критически анализируется новейшая литература, вышедшая на Западе в последние годы.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Книги Политиздата Украины можно заказать во всех местных книжных магазинах, в магазинах и отделах «Книга — почтой» облкниготоргов или облпотребсоюзов, а также в книжных магазинах — опорных пунктах издательства:

252000, г. Киев, ул. Красноармейская, 2,
магазин № 43;

310000, г. Харьков, Красношкольная наб., 18,
магазин № 17;

340000, г. Донецк, пр. Ильича, 2, магазин № 142;

320000, г. Днепропетровск, ул. Ленина, 11,
магазин № 3;

244000, г. Сумы, ул. К. Маркса, 21, магазин № 7;

268000, г. Луцк, ул. Ленина, 8, магазин № 2;

333000, г. Симферополь, ул. Горького, 8,
магазин № 40;

270000, г. Одесса, ул. Дерибасовская, 13, магазин № 46.